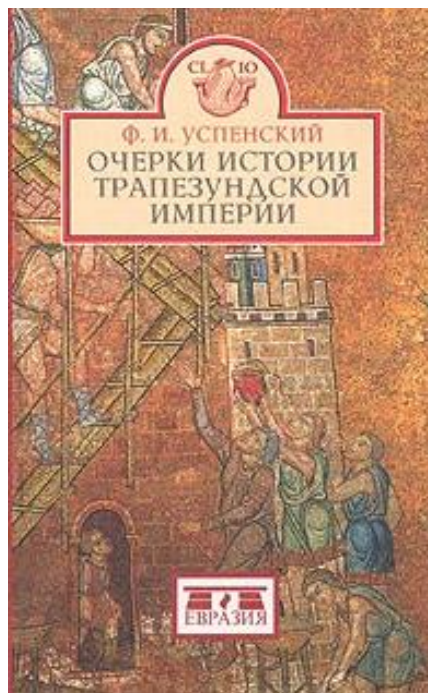

Фёдор Иванович Успенский. Очерки истории Трапезундской империи

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРИЯ

Книга известного русского византиниста Федора Ивановича Успенского «Очерки истории Трапезундской империи» повествует о важном этапе в Жизни греческого Востока после IV крестового Похода. В результате этого похода в начале XIII в. наряду с другими державами, возникшими на осколках бывшей Византийской империи на южном побережье Черного моря, образуется новое государство. Оно появляется в районе старой византийской фемы Халдия и занимает узкую полосу по побережью Понта¹. Дело не только в том, что это государство просуществовало 250 лет, с 1204 по 1460 г., пережив тем самым падение Константинополя. И не только в том, что во главе новообразованной империи встали отпрыски византийской императорской фамилии Комнинов, получившие в Трапезунде наименование Великих Комнинов и принесшие с собой идеологию византийской императорской власти. Но, пожалуй, самым важным моментом становится то, что в Трапезундской империи удалось сохранить в полной мере черты так называемой «ромейской цивилизации»: греческий язык, культуру, имперское православие, а также традиции византийской администрации.

В то же время новообразованная империя имела и ряд специфических черт, которые отличали ее от Константинопольской империи Палеологов. Прежде всего это особые географические, этнографические, политические и экономические условия, в которых она существовала. Они наложили особый отпечаток на жизнь подданных трапезундского императора.

¹ Карпов С. П. От фемы Халдия к империи Великих Комнинов // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 54-58.

Территория Понта была отделена от западной части Малой Азии грядой труднопроходимых гор². Чтобы проникнуть на южное побережье Черного моря, путешественникам необходимо было преодолеть довольно узкие горные перевалы, важнейшие из которых — Понтийские ворота и Зиганский проход. Поэтому Трапезундская империя оказалась как бы отрезанной от остальных греческих областей, и известно, что уже в эпоху Комнинов и Ангелов фема Халдия была практически полунезависимой областью. В то же время Трапезунд и территория Понта — это пересечение важных торговых путей с Запада на Восток³. Главное направление деятельности — это черноморская торговля, так как именно Трапезунд был наиболее крупным торговым портом в этом регионе. Через Трапезундскую империю происходили основные контакты европейцев, византийцев с мусульманами и тюрко-монголами. Важно отметить, что через понтийское побережье проходил также торговый обмен с северными странами — Золотой Ордой, Русью и Литвой, поскольку Великие Комнины в отдельные периоды контролировали ряд ключевых пунктов на территории Крыма, включая город Херсон. Все это создавало благоприятные условия для того, чтобы Трапезундская империя исполняла функцию дипломатического посредника в регионе и была центром международных связей в регионе.

Еще одна специфическая черта, характеризующая государство Великих Комнинов, — это полиэтничность населения империи. Главенствующим народом продолжали оставаться греки, хотя они несколько отличались от своих западных собратьев и составляли особый этнический тип греков-понтийцев, говоривших на особом диалекте среднегреческого языка. Несмотря на то что при трапезундском дворе большую роль играли и константинопольские греки, переселившиеся сюда после падения Константинополя в 1204 г., все же их число было незначительным. Зато многочисленной группой подданных трапезундского императора были жившие в этих районах грузины-картвелы, армяне, а также тюрки, персы и монголы. Представители этих народов также занимали административные посты в империи.

Такое разнообразие населения Понта привело к созданию особой этнокультурной модели, которая условно может быть названа восточно-византийской или понтийской и которая заключалась в том, что местные грузинские и армянские влияния во многом изменили культурный облик византийцев⁴.

В этой связи следует также отметить восточные, тюрко-иранские культурные влияния, поскольку государство на протяжении всей своей истории было окружено этими восточными соседями. С юга империя граничила сначала с Иконийским султанатом сельджукидов, а затем, после его распада в конце XIII в., с сельджукскими эмиратами. На востоке Великие Комнины имели границу с Ильханами Ирана и их наследниками. Такое геополитическое положение и этническое многообразие сказалось и на религиозной принадлежности жителей Понта. Основу населения составляли православные христиане, подчинявшиеся митрополиту Трапезунда. Но кроме них здесь проживали католики, армяне-монофизиты, а также мусульмане⁵.

Социальный облик населения также был разнородным. Основная часть городских жителей Понта были ремесленниками и торговцами. Трапезунд в этом смысле был типичным торгово-ремесленным центром Южного Причерноморья, городом-эмпорием. В нем в XIII—XV вв. существовала крупная международная ярмарка. В городе развивалось ремесленное производство — прежде всего кораб-

² Bryer A. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol 1-2.

³ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981.

⁴ Bryer A. Trebizond: the Last Byzantine Empire // History Today. 1960. Т. 10. Р. 129.

⁵ Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204-1461). СПб, 2001. С. 51-57.

лестроение, ткачество, металлообработка и ювелирное дело. Но оно было ориентировано на посредническую торговлю.

Сельское население было в основном оседлым, занималось крестьянским трудом, а также скотоводством. Земледельцы являлись, как правило, крестьянами-собственниками, домохозяевами, о чем говорят, в частности, акты Вазелонского монастыря. К периоду XIII—XIV вв. появляется также крупное землевладение, как светское, так и церковное. Важную роль играли также представители местной родовой знати, греческого и грузинского происхождения, которые занимали ответственные посты в Трапезундской империи.

Оседлому населению противостояло кочевое, как правило, тюркского происхождения и проживавшее в южных областях империи и на востоке. Его столкновение с земледельцами и оседлыми скотоводами происходило в центральных равнинных областях Трапезундской империи. Об этих столкновениях и контактах свидетельствуют нам как «Трапезундская хроника» Михаила Панарета, так и агиографическая литература.

Такая непростая ситуация сделала трапезундских великих Комнинов как бы двуедиными правителями. Английский исследователь Э. Брайер отметил, что они играли двойную роль: были византийскими василевсами для греческих и лазских подданных и маликами Джаника для мусульманских полунезависимых эмиров, зависимых от императоров⁶. Как бы то ни было, чресполосность этно-социальной структуры делала власть императоров неустойчивой, о чем свидетельствуют многочисленные периоды нестабильности в государстве, в том числе и гражданские войны середины XIV в.

Трапезундская империя, к изучению которой обратился Ф. И. Успенский в начале XX в., до него была объектом внимания европейских историков Византии и стран Востока. И прежде всего здесь следует выделить немецкого ученого Я. Фальмерайера⁷. На основе только что открытых источников из истории Трапезунда, в том числе «Хроники» Михаила Панарета, ему удалось наметить основные этапы политической истории этого государства. Немецкий исследователь пришел к выводу, что уже в XII в. сепаратистские тенденции понтийских жителей привели в дальнейшем к образованию независимого государства с торговыми интересами в черноморском бассейне. Последующая деятельность трапезундских Великих Комнинов была направлена на борьбу с Константинополем и с Иконийским султанатом за гегемонию в Южном Причерноморье, а также с грузинскими царями за свою независимость. Исследования и выводы Я. Фальмерайера послужили основой для дальнейшего изучения Трапезундской империи.

Во второй половине XIX в. исследователи в целом повторяли выводы Я. Фальмерайера при изучении причерноморского государства и при создании обобщающих трудов. Поэтому в особенности следует выделить мнение академика Императорской Академии Наук А. А. Куника. Последний пришел к убедительному выводу, что грузинская царица Тамара была инициатором образования греческой империи в Трапезунде, поддержав своих родственников Алексея и Давида Комнинов в 1204 г.⁸ Он объяснял такую политику царицы желанием создать сильное христианское государство для борьбы с сельджуками и султанами Малой Азии. Эта точка зрения в дальнейшем весьма успешно развивалась в отечественной историографии.

Ф. И. Успенский в первой четверти XX в., впервые привлекая археологический материал, который он исследовал в результате двух экспедиций

⁶ Bryer A. Trebizond... P. 100.

⁷ Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. Munchen, 1827.

⁸ Куник А. А. Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗ имп. АН. По I и III отд. 1854. Т. 2. С. 705-733.

1916 и 1917 гг., и поставив ряд новых проблем, открыл другую эпоху изучения Трапезундской империи. В частности, ученому удалось вывезти из Трабзона и впоследствии издать очень важный источник по экономической и социальной истории — кодекс актов Вазелонского монастыря.

В своей книге Ф. И. Успенский впервые задал вопрос: представляла ли Трапезундская империя продолжение и естественную эволюцию византизма или это естественное образование с другими целями? Вопрос о византийском наследии с этого момента становится одним из основных при изучении истории Трапезунда. Проанализировав целый комплекс источников и изучив экономическую, социальную, политическую и этническую историю империи, исследователь пришел к выводу, что весь период ее существования — это борьба эллинского и местного, прежде всего грузинского, начала. А образование данной империи — это противоречие византизму. Хотя экономически Трапезундское государство являлось аналогом Византии, но в целом оно было форпостом борьбы Грузии за преобладание в Причерноморье. Ф. И. Успенский также начал изучать вопрос о этническом компоненте понтийских земель. Здесь он высказал ряд идей, главная из которых — это доминирование неэллинского элемента, что также сыграло важную роль в формировании облика Трапезундской империи.

Проблемы, намеченные в работе Ф. И. Успенского, получили дальнейшее развитие в последующей историографии. Основной проблемой продолжала оставаться проблема преемственности Трапезундской империи от Византийской. В вопросе о доминировании грузинского элемента и грузинской политики нашего исследователя поддержал А. А. Васильев, хотя он и не развил этого тезиса, а просто повторил выводы Ф. И. Успенского⁹. В целом по этому пути пошла впоследствии отечественная историография, а также иностранные исследователи, которые занимались историей Грузии.

В противоположность этой трактовке исторического развития Трапезундской империи возникла концепция, которая условно получила название «ромейской». Впервые ее высказал в рецензии на статью А. А. Васильева румынский византист Н. Йорга¹⁰. Сочтя сомнительными отношения ранних Комнинов с грузинскими царями, он высказал предположение, что Трапезундская империя возникла в результате действия эмигрантов из Константинополя при поддержке местного греческого населения. Грузия в таком случае оказалась ни при чем, а восточные и местные влияния минимальны. Позже эту концепцию поддержал специалист в истории Трапезунда Э. Брайер, который назвал период существования Трапезундского государства периодом «упадка эллинизма в Малой Азии»¹¹.

Несколько скорректировали эти две точки зрения современные отечественные исследователи С. П. Карпов и Р. М. Шукуров¹². С. П. Карпов предложил рассматривать Трапезундскую империю как своеобразное образование, выросшее на транзитной торговле между Западом и Востоком. Именно через Трапезунд происходил торговый и информационный обмен в бассейне Черного моря. В связи с этим очень важен баланс между западными и восточными влияниями в Трапезунде, который и стремилась поддерживать императорская власть.

Как бы то ни было, книга Ф. И. Успенского до сих пор не утратила научного интереса, поскольку в ней впервые автор создал целостную концепцию исторического развития Трапезундской империи и тем продвинул дело изучения

⁹ Vasiliev A. A. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204-1222) // *Speculum*. 1936. Vol II. P. 5.

¹⁰ Iorga N. Une nouvelle theorie sur l'origine et le caractere de l'empire de Trebizonde // *Revue historique du Sud-Est europeen*. 1936. T. 13. P. 173-175.

¹¹ Bryer A. Trebizond... P.130.

¹² Карпов С. П. Трапезундская империя... С. 12-14; Шукуров Р. М. Великие Комнины... С. 55.

ее истории вперед. Написанная прекрасным языком, она будет также интересна всем любителям поздневизантийской истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно 100 лет назад вышедший труд Фальмайера по истории Трапезундской империи¹³ до сих пор во многих частях не утратил своего значения. Что после него могло нуждаться в исправлениях и дополнениях, то отмечено в сочинении Финлея «Средневековая Греция и Трапезунд»¹⁴ и пополнено в последующей литературе, указанной в новейшем сочинении Миллера «Трапезунд. Последняя Греческая империя»¹⁵. Кроме желания ознакомить с историей Трапезунда русского читателя, у меня были особые побуждения заняться темой с точки зрения общеисторических научных интересов.

Хотя в моей «Истории Византийской Империи», написанной еще до великой мировой войны, истории Трапезунда в третьем, еще не изданном, томе, уделено некоторое место, но по многим соображениям мне казалось необходимым приложить в конце несколько глав в разъяснение отношений Трапезунда к Кавказу и Крыму.

Навстречу тому же желанию шли исторические обстоятельства мировой войны. В апреле 1916 г. русская армия продвинулась до Трапезунда и, заняв его, оккупировала прилежащую к нему значительную область. Мне поручено было заняться регистрацией и охраной трапезундских археологических памятников, и таким образом мне пришлось провести в Трапезунде два лета в 1916 и 1917 гг. во главе экспедиции и ознакомиться на месте с памятниками, с населением на территории бывшей империи и с физическими свойствами страны. Нечего говорить, как много раскрылось предо мной при непосредственном знакомстве с областью, занятой бывшей империей.

С точки зрения русских народно-государственных интересов эта империя заслуживает тщательного внимания со стороны науки. Ее право на наше внимание основывается не только на том, что она с 1207 г. по 1461 г. была на южном побережье Черного моря хранительницей традиций Римско-Византийской империи в администрации и праве, в науке и искусстве, но еще и потому, что простирала свое влияние на северные берега Черного моря, держала в своей зависимости города на южном берегу Крыма и имела постоянные сношения с независимым крымским княжеством Феодоро (ныне Мангуп) и вообще от начала и до самого падения претендовала на господство в южной России, что и выражалось в официальном титуле императоров: верный царь и самодержец всей Анатолии, Грузии, и Ператии (Заморская земля). Этот последний термин обозначает ту часть южной России, которая лежит за морем на север от Трапезунда.

Несмотря на историческую важность и до изустной степени заманчивость предмета, изучение истории Трапезундской империи, вследствие чрезвычайной скудости местных исторических материалов, мало привлекало к себе охотников, не говоря уже о русских, даже и со стороны западных ученых. Правда, недостаток письменных источников мог бы восполняться значительным количеством сохранившихся, в особенности в самом Трапезунде, архитектурных и иных художественных памятников. Но основательное знакомство с таковыми весьма было затруднительно вследствие особых взглядов турецкого правительства на попытки европейских ученых проникнуть. Ес целью научных исследований в

¹³ Fallimerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. Munchen. 1827.

¹⁴ Finlay. Medieval Greece and Trebizond.

¹⁵ William Miller. Trebizond the Last Greek Empire. London. 1926. Bibliography, p. 126-136.

древние религиозные и другие учреждения, приспособленные уже ими для своего культа или других надобностей, в особенности в удаленных от центра провинциях. Незаконченность изучения естественно подает повод к разноречивым и иногда малообоснованным взглядам на постановку общих вопросов по отношению к Трапезундской истории и культуре: составляет ли она дальнейшее развитие и продолжение византийско-константинопольской или же носит оригинальные черты местного характера в связи с особенными, присущими ей этнографическими и географическими условиями? В последнем случае напрашивались бы на внимательное изучение те элементы, которые, не без основания конечно, будучи восприняты в титул императоров, дают ясные указания, что эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма еще маловыясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения легко приводят нас к заключению, что история Трапезундской империи входит некоторою частью в задачи, принадлежащие истории России.

Великая европейская война открыла для любознательности русских ученых часть территории, входившей в состав этой империи. В 1916 и 1917 гг. на летние месяцы мне удалось организовать археологические поездки в Трапезунд, в первый раз в составе трех, во второй — в числе семи сотрудников. Тот и другой раз я оставался на месте и после моих товарищей как для приведения в порядок добытого материала, так и с целью обеспечения сохранности его. Казалось бы, этого достаточно для полного знакомства и исчерпывающего изучения памятников города Трапезунда, но на самом деле неожиданная эвакуация занятой области русскими войсками в 1918 г. прервала начатую работу и не позволила довести археологическое изучение Трапезунда до той полноты, какая намечалась и какая соответствовала несомненной важности добытых научных археологических, литературных и художественных материалов.

Общая оценка этого материала нуждалась бы в предварительной подготовке, в дополнительных справках в заграничных архивах и библиотеках, наконец, в широкой исторической обстановке, для чего в настоящее время нет ни технических, ни материальных средств. Но с другой стороны, и это не лишено для нас если не национального, то, во всяком случае, общественного значения — пребывание в Трапезунде с научной целью и постоянные деловые сношения с местным населением христианским и мусульманским, греческим и армянским раскрыло такие стороны взаимных отношений между теми и другими и ознакомило с такими проявлениями их взаимных притязаний и интересов, которые, несомненно, отражались и в предыдущей их истории и могут помочь в объяснении разных маловыясненных черт в трапезундской истории.

Непосредственные впечатления, вынесенные мною во время пребывания в Трапезунде, и изучение монументальных памятников во время оккупации области русскими войсками постепенно входили в отчеты мои, направляемые в Академию Наук и своевременно печатаемые в ее изданиях. Точно так же несколько статей в разное время напечатаны в других изданиях. Так как в предлагаемых «Очерках» я не думаю подробно останавливаться на том, о чем была речь в упомянутых статьях, то нахожу нужным указать на эти последние в качестве литературы предмета на русском языке¹⁶.

¹⁶ 1) Отчет о командировке в Трапезунд (ИАН, 1916 г., с. 1463) и Доклад в заседании Академии (там же, с. 1490); 2) Отчет о занятиях в Трапезунде (ИАН 1918, с. 207); 3) Усыпальница царя Алексея IV в Трапезуите (Византийский Временник, т. XXIII); 4) Трапезундская империя (Анналы, т. IV); 5) Трапезундская рукопись в Публичной Библиотеке (ИАН, 1917, с. 719); 6) Старинная крепость на устье Чороха (там же, с. 163); 7) Выделение Трапезунда из состава Византийской империи (Сборник *Seminarii Kondakoviani*. Прага. 1927); 8) Вазелонские акты, изд. совместно с проф. Бенешевичем. Ленинград. 1926.

ГЛАВА I. ТОПОГРАФИЯ ТРАПЕЗУНДА. ПЛАН ГОРОДА, ПАМЯТНИКИ

На небольшой территории, занимаемой Трапезундской империей, столичный ее город Трапезунд имел более существенное историческое значение, чем то, которое принадлежало столицам в других средневековых государствах. В Трапезунде бил пульс окраинной эллинской империи, гордой своей культурой, прошлой историей и просвещением, сравнительно с соседними народами и входившими в ее состав инородцами. В столице сосредоточивались все богатства, почерпаемые от мировой торговли; сюда стекались для устройства своих дел и на продолжительное пребывание наиболее влиятельные и богатые провинциалы, не говоря уже о военных и гражданских чинах, искавших при дворе милостей и ожидавших повышений по службе. Массы рабочих предлагали свой труд в морской гавани, в которой стояли иностранные корабли; на площадях в нижнем городе стояли караваны, перевозившие восточные товары в Европу и нагружавшиеся европейскими товарами для Персии, Туркестана и Дальнего Востока. Провинция, в сущности, представляла мало значения для императорского правительства, за исключением тех областей, где добывались металлы и где, впрочем, главная прибыль шла в пользу местных полузависимых от короны владетелей. Политическая жизнь направляема была Трапезундом, с ним не могли состязаться небольшие города Черноморского побережья, между которыми Керасунт занимал первое в провинции место. Лишь в военном отношении выдвигалось по временам значение пограничных крепостей, из которых крепость Лимнии на восточной границе играла главную роль. Но это имело лишь временный и преходящий характер. Трапезундская империя в своем историческом происхождении и существовании более зависела от судеб стольного города, чем от постепенного сокращения своих пределов и ограничения власти императоров. Город Трапезунд служит полным выразителем империи и потому заслуживает подробного с ним знакомства.

Одной из первых задач топографии города Трапезунда должно быть выяснение местонахождения средневековых ворот, по которым обозначается и направление главных улиц, и положение зданий, и сверх того нередко к ним же приурочиваются важные события из военной и политической истории. Первый шаг по изучению городских стен и кремлевских зданий зависит от точной ориентации исследователя по отношению к городским воротам. Главным средством к отождествлению указаний писателей по этому предмету служили личные наблюдения над стенами города и тщательное рассмотрение направления улиц, а также кладки городских стен.

Прежде всего следует отметить, что город Трапезунд, как это хорошо выясняется по сохранившимся в главных частях стенам, ориентирован почти правильно с юга на север, с самым незначительным уклоном на юго-запад. Если иметь в виду ту часть города, которая окружена стенами, то две трети ее с юга на север представляют территорию, вдвое, если не более, суженную окружающим его глубоким оврагом и скалистыми обрывами, чем северная треть, направляющаяся к морю. Необходимо также принять в соображение, что окруженный каменными стенами и башнями город разделяется на три квартала: 1) южный, без сомнения самый древний, носивший имя акрополя, или кремля, также *μεγάλη κούρη* «великая крепость», где был центр правительственных учреждений, царские дворцы, казнохранилище, архивы и проч. и где по настоящее время, вследствие особенно счастливых обстоятельств, сохранилось больше остатков фундаментов стен, а иногда и некоторых частей зданий. Эта часть города, по сравнению с другими самая маленькая, занимает территорию не более 1/2 десятины, сплошь

покрыта остатками старых зданий и представляет наиболее благодарный материал для раскопок и археологических исследований; 2) средний город, простирающийся немного далее церкви Богородицы Златоглавой, старой митрополии, где за мостом сохранились остатки ворот, составлявших его границу; наконец, 3) самый обширный, гораздо позже возникший, нижний город. Он простирается до морского берега и обнимал в свое время промышленное, торговое и иностранное население, разумея под последним в основном венецианцев и генуэзцев с их магазинами и торговыми конторами.

Попытаемся ознакомиться с каждой из упомянутых частей. В настоящее время в акрополь, или кремль, ведет одна дорога мимо церкви Богородицы Златоглавой по названной на русском плане Артиллерийской улице. Но это едва ли та главная царская дорога, называемая императорскою ромэйскою дорогою¹⁷, по которой поднимались из среднего города к царскому дворцу. Нынешний вход из середины города в кремль ведет через два пролома в стене внутренней, отделяющей кремль от среднего города¹⁸ и кремля. На этом месте была, по-видимому, круглая башня, уже в турецкое время приспособленная для прохода. На обычных планах, а также на плане у Линча¹⁹, здесь большой недостаток. Именно здесь не совсем основательно проведена поперечная стена с востока на запад, в которой показываются и ворота, ведущие в кремль. Как стена, так и главные ворота были южнее обозначенного на плане места; это доказывается как свидетельством путешественника Евлия-эфенди, посетившего Трапезунд в 1648 г., так и личными моими наблюдениями. У турецкого путешественника находим категорическое указание, что на северной стороне кремля, т. е. там, где он соединяется со «средним городом», были одни ворота, вторые же секретные ворота всегда были закрыты²⁰. При исследовании кремлевских стен выяснилось то обстоятельство, что поперечная стена, идущая от востока на запад и отделяющая кремль от среднего города, показывается не на своем месте, так как западная стена кремля продолжается еще далее до места, где заканчивались кремлевские укрепления. Кроме того, выяснилось другое обстоятельство, что большие заложенные ворота можно видеть на южной стороне кремля против площади «Эпифания», отделенной скалистым оврагом от квартала св. Евгения, именно в громадной башне, бывшей ключом позиции до постройки «кулы», т. е. башни Иоанна. Здесь, на южной стороне башни, наблюдаются признаки заложенных и обведенных каменной стеной ворот. Что касается открытого пути, таковым был именно тот, который соответствовал царской дороге, ведущей ко дворцу, и шел через северную стену кремля.

В этом отношении обращает на себя внимание та угловая северная башня кремля, сохранившая в себе остатки церкви и живопись. Эту башню будем называть башней придворной церкви, она была предметом особенного нашего внимания²¹. Именно поблизости от этой башни отмечаются четыре арки весьма больших размеров; ясно, что здесь в кремле был или большой портал, или особая постройка; здесь найдены основания двух пилонов, которые служили базой для той лестницы или крыльца, что вело в царский дворец, как о том говорят писатели XV в., Виссарион и Евгений. Неподалеку найдены обломки фриза хорошей работы. Следует еще заметить, что это здание кремля стояло на другом уровне,

¹⁷ «Государева львиная дорога ромеев» Η αυθεντικὴ τῶν ρωμαίων λεωφόρος.

¹⁸ Ориентируемся по русскому плану, составленному военными чинами во время оккупации. Для удобства будет присоединен и другой план турецкого Трапезунда, на котором будут показаны важнейшие имена, встречаемые в тексте.

¹⁹ Lynch. Armenia. London. 1901.

²⁰ Evliya Efendi. Narrative of travels in Europe, Asia and Africa. London. 1880, p. 44: «on the north side a gate leads to the middle castle, which is the only open gate, a second secret gate is always kept closed».

²¹ См. Приложение.

чем следующее за ним, и что в самом кремле наблюдаются три террасы, из коих каждая скреплена была контрфорсами. Занимающая нас местность любопытна в том отношении, что здесь же должны находиться теперь заложенные главные ворота, которыми из среднего города входили в кремль, здесь же было парадное крыльцо для входа во дворец. Направление всех построек в кремле располагается на западной стороне. Для ориентировки положения дворцов и жилых помещений следует отправляться от фундамента зданий, сложенных из громадных блоков, характерных для римской и византийской эпохи не позже Юстиниана. Пока считаем возможным наметить самое главное и существенное. Ключ архитектурного и археологического положения лежит в объяснении построек, ведущих к куле Иоанна, построек определенного времени, которыми закончена была система укреплений кремля. Эта кула до сих пор недоступна для изучения, и проникнуть внутрь можно только через проломы стен или сводов, к чему уже делались попытки любителями. Она построена была, с одной стороны, для защиты кремлевских зданий, с другой — для охраны со стороны большой террасы, слывшей под названием «Эпифания», со стороны коей кремль мог считаться доступным для врага; с этой именно стороны нападали на Трапезунд готы, грузины и турки. Что касается восточной и западной стороны, здесь, кроме стен и башен, оборона состояла в самой природной твердыне в виде отвесной скалы и оврага, в глубине которого протекала горная речка. Исследование кремля представляет очень благодарную задачу. На пространстве площади, занимающей не более полутора десятин, сосредоточена была официальная, административная и казовая придворная жизнь любившей роскошь и довольство царской семьи, в которой было много красивых женщин, привлекавших в город иностранных владетелей и принцев. Большие каменные постройки с террасами и крытыми галереями, сохранившиеся в некоторых частях и до сих пор, дворцы царской семьи, палаты для приема иностранных послов, казнохранилище и библиотека, все подобные сооружения, о которых сохранилась память, с остатками живописи и с признаками изящного вкуса в стиле построек заключали в себе много подстрекающего к тому, чтобы подвергнуть кремль раскопке, благо требовалось снять не больше трех аршин в глубину на пространстве небольшой площади (об этом см. в Приложении). Выполнить эту задачу мне не удалось вследствие того, что русская оккупация преждевременно и неожиданно закончилась и Трапезунд стал уже недоступен для научных изысканий. Тем не менее были сделаны разнообразные мелочные наблюдения в кремле, в особенности близ кулы Иоанна, где сохранились следы множества больших сооружений, и в северной башне, где найдены следы дворцовой церкви с фресками.

Вообще можно заметить, что во время империи кремль был, может быть, даже более недоступен, чем в турецкое время, когда в нем предоставлялось жить и частным лицам из правоверных; только христиане лишены были права входить в него. Несколько раз отмечается в памятниках, что цари приходили в соборную церковь Богородицы Златоглавой не обыкновенной дорогой, а по кремлевским стенам, и спускались в среднем городе прямо у церкви. Так говорится о царе Андронике Гиде во время осады города султаном Конийским²².

Кремль, или великая крепость (μεγάλη κορτή), отличается от среднего города или собственно крепости (αστυ), который протяжением был больше первого и первоначально был достаточен для населения всего Трапезунда. Средний город, отделенный от кремля стеной, простирался с юга на север, частью в своих западных и восточных пределах ограничиваемый отвесными скалами и

²² Fallmerayer. Fragmenta, I, 76-77: изнутри крепости и по укреплениям города, спускаясь к красивейшему и божественному храму (1); ibid. 80: в другой раз через гористую часть крепости вблизи великого города напали ненавистные варвары.

рвами, а с севера, далеко не достигая моря, глубоким оврагом, через который проведен каменный мост. Он был защищен стеной и с северной стороны, которая была неподалеку от храма Богородицы Златоглавой, где и по настоящее время можно еще заметить следы больших главных ворот, выводивших на морской берег. Когда понадобилось расширить город, император Алексей III раздвинул его именно в той части, которая находится у второго моста, включив в черту города обширное ровное пространство к западу и придав ему гораздо более площади, чем какая входила в кремль и средний город.

Евли-эфенди продолжает в указанном выше месте: «Средний замок есть продолговатый четырехугольник, окруженный стенами. Восточные ворота, ведущие от крепости или внутреннего замка, называются воротами Ени-джума или Новая Пятница». Нужно думать, что так назывались те ворота, через которые в настоящее время происходит сообщение среднего города с кремлем и где выход на восточную часть с храмом св. Евгения, отделенным здесь от среднего города глубоким оврагом. Вторые ворота находятся в конце той же самой, т. е. восточной, стены. Против этих ворот кожевенные заводы, и потому название их — кожевенные ворота. В центре кожевенного рынка находится большой каменный мост, построенный Узун Хасаном, начальником крепости. Третьи ворота среднего города — на западной стене — называются тюремными воротами, потому что здесь место заключения для преступников и должников. От этих ворот переход по каменному мосту к воротам Иоанна Ооапиз). Четвертые ворота на северной стене, т. е. той, которая первоначально ограничивала средний город со стороны моря, прибавим здесь к словам нашего руководителя. Эти ворота ведут в нижнюю крепость и потому называются воротами нижней крепости.

Здесь описание так точно и ясно, что нечего к нему прибавить. Четверо ворот среднего города обозначены так хорошо, что их без труда можно указать и в настоящее время. Лишь по отношению к северным, отделившим средний город от южного, должно заметить, что в средневековую эпоху, когда они выходили на морскую сторону, они носили другие наименования.

Средний город, или крепость (орт), составлял собственно обывательскую часть столицы. Здесь был храм Богородицы Златоглавой, митрополия Трапезундская, где большею частью венчались на царство императоры и где имели погребение митрополиты. В этой части города имели свое пребывание высшее духовенство и служилое сословие, купечество и рабочий класс. Нет сомнения, что не все жители могли помещаться в стенах среднего города, много обитателей жили и вне стен, подвергаясь опасности от врагов. Раз случилось, что горожанам был нанесен большой вред турецким нападением; тогда правительство решилось раздвинуть средний город, включив в него значительную часть территории на восток и на север и придав ему вдвое большие размеры. Новая часть была окружена стенами и укреплениями в виде башен по образцу Константинопольских.

Переходим к описанию нижнего города, имевшего в своей северной, расположенной к морскому берегу, части по преимуществу торговый характер. В нижнем городе было также четверо ворот. Прежде всего ворота Иоанна возле северо-восточной стены поблизости от тюремных ворот; далее Молочные (Suthkhane) у христианского квартала; Мевлуз по направлению к морскому берегу, получившие название от мелкого щебня на берегу; наконец, ворота Мум-хане или восковых лавок, потому что здесь выделяются и продаются восковые свечи. Такова еще страничка из описания Евли-эфенди, которому нельзя не придавать большего значения в сопоставлении его сообщений с местными известиями. Правда, находимые там указания могут и не совпадать с теми терминами, которые дает кастильский путешественник, т. е. Вениамин из Туделы, но по следам последнего легко отождествлять показания первого. Таким образом, ворота Святой

силы (της αἰῆς δύναμεις) нужно искать на северной стороне среднего города; морские ворота (η πύλη του αἰγιαλού) самим именем обозначают свое местонахождение. Точно так же угловые ворота св. Георгия Лимниота²³ должны находиться на углу восточной стены среднего города, где поблизости впадает в море Дермен-дере, или Пикситис. Понять места писателей, говорящих об осаде города врагами и называющих различные пригороды и части города, было бы весьма трудно без общих соображений о топографии стен и ворот.

Несколько слов о Молочных воротах, или Сут-хане. Первое напоминает Галату константинопольскую и вместе с тем возбуждает вопрос о странном термине русской первоначальной летописи: «внутри Суду», «пожег весь Суд». Настойчиво выдвинут вопрос о недостаточном истолковании этого термина в сочинении проф. В. Д. Смирнова «Турецкая легенда о св. Софии» (СПб, 1898, с. 94 и след.), у которого предложено, по-видимому, весьма простое и естественное толкование. Ссылаясь на турецкого писателя Евлия-челеби, который в описании Константинополя Галату сближает с греческим словом γάλα «молоко» и объясняет это тем, что там была молочная ферма Константина и содержались дойные коровы, профессор Смирнов высказывает следующую мысль о происхождении русского термина: «Все дело заключается в том, что сопоставляемое с греческим γάλα турецкое слово произносится *суд*. Нет ничего удивительного в том, что морские народы, хотя бы те же комары или тюрки-сельджуки, обитавшие в Малой Азии, могли называть известную им передовую часть Константинополя Галату, в переводе на свой язык, *Суд*. А от них оно могло потом передаться и русским, обыкновенно также с моря совершавшим свои набеги на Константинополь и следовательно прежде всего нападавшим на побережья Галаты, как это сделал, например, Игорь, который пожег весь Суд, т. е. спалил всю Галату». В применении к первоначальной русской летописи, памятнику начала XII в., все же могут встретиться некоторые затруднения к тому, чтобы допустить в такое раннее время утверждение за окраиной Царьграда турецкого наименования. Но что касается Трапезунда, то ворота «Сут-хане» и «Молочные ворота» не могут не представлять солидного доказательства в пользу выраженной Смирновым мысли²⁴.

Попытаемся ознакомиться с указаниями на главный характер населения нижнего города и на следы сохранившихся здесь построек. Следует предварительно отметить, что укрепления нижнего города в виде стен и рвов с водой устроены с большим искусством и имеют большую толщину, чем стены среднего города, так как отвесные овраги, защищающие кремль и средний город, заканчиваются, приближаясь к морю, и перестают быть защитой стен. Взамен того нижний город как с восточной и западной сторон, так и со стороны моря укреплен крепкими боевыми башнями, которые придавали всему укреплению характер недоступности. Главная часть сравнительно обширного пространства нижнего города была занята, как и теперь, торговыми площадями, базарами и торговым населением. За исключением нескольких церквей, как св. Анны, Василия и митрополичьей церкви новой постройки, здесь можно отметить, за воротами Мум-хане, базар и затем безестан на Туркестанской улице по новому распланированию города. Там же Frank-mahalla, или христианский квартал. Так называется импозантное и стильное сооружение средневековой эпохи, служившее во время русской оккупации складочным местом военного ведомства (главным

²³ Малые угловые ворота св. Георгия, называемого Лим-ниотом (Μικρά πύλη ακρογωνίας του αγίου Γεωργίου του καλούμενου Λιμνιώτου).

²⁴ Дополним свои наблюдения соображениями, изложенными в сочинении местного греческого ученого Иоанниды (Ιωαννίδης, Ιστορία και στατιστική Τραπεζοντινής; 1870, р. 230), который также говорит о 4 воротах: Юстиниановские на восток, так названные в надписи того же императора; Св. Силы на север; Иоанна на запад, и Кортиевы на северо-восток (неподалеку от храма св. Георгия Куртия).

образом колючей проволоки). Это — сооружение генуэзской эпохи, здесь были склады товаров этой торговой республики и вблизи был генуэзский квартал с надлежащей военной защитой. В середине высокого здания, лишенного кровли, стоят четыре пилона, на которые опиралась кровля или, лучше, своды. Это здание соединено ходами с находящейся поблизости базарной мечетью (чаршиджами). Главный вход с северной стороны носит следы рельефа, но вход довольно узкий, как, впрочем, и должен быть доступ в склады. Над воротами со всех четырех сторон квадратные доски с надписями, которые стерты. Поблизости к морскому берегу находятся хорошо сохранившееся здание, служившее прежде магазином для товаров, ныне же занятое конюшнями. Вообще вся эта улица расположена на месте венецианского и генуэзского квартала. Поблизости был мол и крепость, защищавшая иностранную колонию.

Выходя из стен нижнего города на морской берег, мы имеем перед собою значительную площадь незащищенного пространства, которая, по всей вероятности, прежде была еще больше, так же как и Маленький ручей, текущий вдоль крепостных стен по оврагу, а в особенности река Пикситис (др. Дермендере) несут с собой много илу и песку и засоряют берег. Генуэзская и венецианская колония играла такую крупную роль в истории Трапезунда, что ей принадлежит значительное место в политической и торговой истории империи. Проходя по морскому берегу вне северных укреплений нижнего города, при хорошей погоде можно заметить в воде следы каменного сооружения, каким был окружен мол или пристань для стоянки кораблей. Здесь, на месте нынешнего Guselserai или на выдающемся в море куске у залива Дафны, следует искать крепость Леонтокастрон, бывшую предметом продолжительных споров и ожесточенных схваток между царями Трапезунда и генуэзцами.

Вне городских стен остаются замечательнейшие памятники Трапезунда. Прежде всего сюда относится храм св. Евгения, находящийся против кремля или цитадели, за рвом и стеной, с западной стороны. Этот храм имеет весьма большое значение в истории Трапезунда и представляет собой один из лучше сохранившихся памятников; с ним мы знакомим читателя в другом месте с необходимыми подробностями. Не менее того известный храм Св. Софии, расположенный на морском берегу по дороге в Платану и отстоящий в получасовом от города расстоянии, составляет также предмет особого внимания. Над городом господствует высокая гора, ныне называемая Боз-тепе, прежде гора Мифры. Эта местность примечательна и в археологическом отношении, потому что здесь в дохристианскую эпоху был культ местного божества Мифры, остатки святилища коего сохраняются по настоящее время. Во время империи здесь был дачный дворец, известный превосходным видом на город и море, благорастворенным воздухом и служивший иногда пребыванием почетных гостей, прибывавших к императору. В последнее время, т. е. в турецкую эпоху и во время русской оккупации, здесь было военное укрепление, на постройку коего пошли стены старых сооружений. Для будущих исследователей заметим, что эта местность заслуживает тщательного археологического изучения. При подошве холма Мифры находится женский монастырь Богородицы Богопокровенной (Παναγία Θεοσκελαστός;), построенный в скале, в нарочно выбитой для того пещере. Фресковая живопись, украшавшая церковные стены, сильно пострадала от сырости; остались следы царских изображений строителя Алексея III и его супруги.

Точно так же вне городских стен были места развлечений, театр и циканистерий. Последний, представлявший ровную площадь для игры в поло, был, как можно думать, любимым удовольствием членов царской семьи. На этой площади, во время игры в поло, вследствие неудачной операции с шаром, упал с коня и лишился жизни второй Комнин, Андроник Гид. Что и за стенами города

жило население предместий, видно из того, что многие древние церкви были вне стен. Между прочим, от одной из них сохранилась надпись, которая дает некоторое понятие о составе населения города²⁵.

Писавшие о Трапезунде греки много расточают лести своим соплеменникам, когда утверждают, что обитатели города полны сознания высокого исторического прошлого их города, будто, далее, все чувствуют, что «они живут не в обыкновенном провинциальном городе, а в бывшей столице. Преувеличение идет до того, что приписывается трапезундцам особенная утонченность нравов и благородство поведения²⁶. Если принимать в соображение не внешние признаки, а психологию и настроение общества, если судить по идеалам, управлявшим жизнью прежнего и нынешнего населения, то, конечно, придется сказать: да, это те же греки, но не те же у них чувства, не те же поют они песни.

Лучшим подтверждением сказанного служит следующее. Раз в Средние века в Константинополе возникло судебное дело, в котором в качестве свидетелей привлечены были проживавшие там купцы из Трапезунда. Когда начался опрос имен свидетелей, то обратило на себя внимание то обстоятельство, что трое из них, один за другим, назвали Евгениями, а когда судья потребовал клятвенно подтвердить то, что свидетели показывали, то они поклялись именем св. Евгения. Судья приостановил производство дела и обратил внимание своих товарищей-судей на это странное обстоятельство, которое формулировал в следующих выражениях: «В календаре трапезундцев как будто только один святой и значится именем Евгений, и почти все в Трапезунде носят имя Евгениев».

Константинопольский судья отметил весьма интересный факт в жизни средневекового города. Действительно, св. Евгений находился в тесной связи со всей историей империи Трапезундской, принимал участие в радостных и печальных событиях государства. Он был защитником города, изображение его было в гербе императоров и на монетах. Никто, посещая этот город, не мог пройти мимо богатого и весьма почитаемого монастыря св. Евгения. Здание сохранилось и по настоящее время, одно из самых крупных зданий, хотя и обращенное в мечеть, но имеющее все внешние архитектурные признаки православной церкви. И что всего любопытнее, бывшая церковь св. Евгения находится не в центральной части города, занятой исключительно турками, а в особом квартале, где жили и греки. И тем не менее память о св. Евгении совсем угасла в Трапезунде, т. е. в населении больше нет распространенности имени Евгения. Что это не преувеличение, доказывается тем, что я не нашел иконы св. Евгения в многочисленных церквях города, даже между старыми иконами. С вопросом насчет иконы св. Евгения я обращался не к одному городскому священнику, и никто не мог мне сказать, где бы я мог увидеть эту икону. Такое решительное забвение о палладиуме города и империи нужно считать весьма замечательным в психологии населения Трапезунда.

Следует признать, что только старые полузабытые и большей частью обращенные в мечети церкви да величественные остатки царских дворцов в цитадели и, наконец, окружающие старый город стены, идущие с юга на север к самому морю, представляют собой настоящие памятники древнего города. Эти немые свидетели старого отошедшего вдаль Трапезунда лучше и вернее, чем нынешние живые поколения, хранят старые предания. Если побеседовать с ними о минувших судьбах города и империи, то вынесенные отсюда сведения будут отличаться более строгим и устойчивым характером, чем то, что услышим от живущих ныне, но утративших связи с прошедшими временами греков.

²⁵ См. Приложение.

²⁶ В особенности имеется в виду *Παλαμχάλοπουλος, Περιήγησις εις τον Ποντον*, 1903, p. 179.

Переходя к самым памятникам, считаем нужным прежде всего отметить, что не храм Св. Софии с окружающим его монастырем, расположенный на запад от города в получасовом от него расстоянии, занимает первое место между святынями Трапезунда. Св. София, построенная Великим Комнином Мануилом I в первой половине XIII в. на возвышенном морском берегу, не сделалась для Трапезунда тем великим национальным памятником, каким была константинопольская София. На первое место как в религиозном, так и в политическом отношении претендовали два храма: Богородицы Златоглавой — в центре среднего города, окруженном крепкими стенами, и св. великомученика Евгения — в собственном смысле палладиума города и государства; хотя последний был выстроен вне городских стен, но был столь же чтим и популярен среди населения, как если бы он был семейным сокровищем каждого жителя Трапезунда. О сравнительном почете, которым пользовались все три памятника, можно составить понятие по «Повести о взятии митрополии Трапезунда».²⁷ Вот как рисует автор ход событий. «Вне городских укреплений стоит храм Софии, прекрасное здание и похвальба Лазистана. Сыны дьявола сделали из него мечеть. Захватили знаменитый храм св. Евгения, столь славный и известный в Трапезунде, царственное создание, вместе с колокольной, такого нет и не найдешь в тех местах. Этот святой творил чудеса среди жителей Трапезунда и многократно помогал им в военных опасностях. Взяли и чудный храм Богородицы, что слывет под именем Златоглавой. Самый дивный храм, такого нет в занятых турками местах и не будет, куда бы ни распространилось их господство. Длина 40 локтей (πῆχων) ширина 30, высота 30. Покрыт медью, мраморные колонны. Горит мое сердце и помрачен ум (καὶ κοῦρῃ μαραινέι). Было семь монастырей, четыре уничтожили, три остались».

Легко понять, что писатель постепенно повышает настроение, переходя от одного храма к другому. С его точки зрения, первая святыня в городе — это Богородица Златоглавая, но храм св. Евгения, как «казано, мало чем уступал первому. В обширной литературе сказаний о жизни и чудесах Евгения во многих местах отмечено постепенное нарастание культа этого трапезундского мученика. Не раз даже указывается, что сама Богородица, признавая силу угодника Евгения, посылала больных в храм его и они получали исцеление. Здесь требовалось бы специальное исследование о древних культах в Трапезунде, которое могло бы выяснить вопрос о постепенной смене языческих верований христианскими, равно как дать материал к определению взаимных отношений божеств в древних верованиях Трапезунда. Мимоходом отметим, что роль св. Евгения в Трапезунде напоминает нам значение св. Димитрия в Солуни. Таковы сходства в чудесах, в описании внешнего вида (блестящий солнечный взгляд), обилие мира, исходяемого тем и другим. Составители жизнеописаний св. Евгения устраивают встречу между обоими святыми.

Итак, самыми важными религиозными памятниками в Трапезунде нужно признать: Богородицу Златоглавую, св. Евгения и затем храм Св. Софии. Что касается светских памятников быта, в этом отношении Трапезундский акрополь, или кремль, остается любопытнейшим остатком прежнего города. О кремле будет речь ниже и в другой последовательности, о церковных памятниках в свое время мы говорили в Записках Академии Наук. Здесь ограничимся несколькими замечаниями по специальному вопросу об эпитете Златоглавая (χρυσόκεφαλος) в применении к храму Богородицы. По отношению к наименованию «Златоглавая» представляются некоторые сомнения. Так как церковь была покрыта медью, то следовало бы ожидать χαλκοκεφαλος, т. е. «Медноглавая». Возникает, следовательно, предположение, что эпитет относится не к церкви, а к образу

²⁷ Papadopulo-Kerameus. Fontes Historiae imperii Trapezuntis, p. 151, стих 35 и сл.

Богородицы, что икона, по всей вероятности мозаичная, имела позлащенную главу. По некоторым данным следует думать, что икона Богородицы была изображена на одном из передних предалтарных столпов (στήλη, общепринятый термин стела), на котором были размещены драгоценные подношения чтимому ее образу. Обращаем внимание на свидетельство писателя, митрополита Иоанна Лазаропула, слова которого по его положению и по времени жизни должны считаться очень важными. Он говорит о чуде с женой спафа-рокандидата Фомы, которая в тяжелой болезни пришла в великую церковь²⁸ с молитвой об исцелении. Вот в каких выражениях автор говорит об образе. Больная простерлась на земле и припала головой к непорочной иконе и кивоту матери Бога слова и девы, одушевленному столпу, называемому Златой Главой. В слезах заснула она. Во сне видит богородицу, ставшую одной ногой на животе ее, другой же на груди и произносящую слова: «Иди в обитель мученика св. Евгения и будешь здорова». Проснувшись и не вполне давая себе отчет в происшедшем, она сняла с себя золотую цепь и серьги, которые так любила, и повесила их на божественный столп сей Златоглавой Девы-Матери. Следует обратить внимание, во-первых, на то, что здесь эпитет Златоглавая прилагается непосредственно к изображению Богородицы, которое было на столпе. Во-вторых, образ Богоматери, стоящей одной ногой на животе больной, другой — на груди, соответствует понятию о фигуре человека во весь рост и ведет к мысли о том, что икона Богородицы была большая, в рост человека, что она была не на дереве, а на одном из передних столбов церковных и, как естественно думать, была мозаичная. В другом месте²⁹ тот же писатель, говоря о приношении в храм Богородицы военной добычи царем Андроником Гидом (1222—1235 гг.), так выражается о занимающем нас изображении: «Потом царь, желая обоим, и Богородице и мученику, воздать должное, драгоценные камни и великолепный жемчуг, полученный в добычу после победы над султаном Меликом, приладил, как украшение, на честную главу непорочного столпа всехвальной Богородицы Златоглавой». И здесь столь же ясно прилагается эпитет не к храму, а к самому изображению Богородицы на столпе.

Из вышесказанного ясно, как желательно было бы видеть древнее изображение Богородицы Златоглавой. К крайнему сожалению, его мы не нашли в трапезундских церквях, а-сохранилось ли таковое в церкви, обращенной в мечеть, это решат ближайшие исследования в Панагии Златоглавой, при более благоприятных к тому обстоятельствах. В настоящее время находим нужным напомнить, что известный храм Владимирской Богоматери Златоверхой, построенный в XII—XIII вв., своим эпитетом и временем происхождения напрашивается на сопоставление с трапезундским храмом (χρυσοκέφαλος). Было бы весьма интересно в особенностях древних изображений Владимирской иконы поискать аналогий с трапезундским образом и таким образом иметь еще новое доказательство близких связей Черноморья с Русью в XII и следующих веках, о чем свидетельствует история Трапезунда.

Официальное значение храма Богородицы, как царского и митрополичьего храма, делало его центром политической жизни империи. Нельзя, однако, не принять во внимание, что далеко не все цари принимали в нем корону и не все находили здесь погребение. Так, царь Калоиоанн, умерший в Лимниях в 1297 г., перенесен был и погребен в храме Златоглавой (Πανάρετος, Νέος Ελλ., р. 268). В 1344 г. короновался в Златоглавой кир Иоанн II, сын Михаила. Но в 1350 г. второй сын Василия Иоанн венчался в храме св. Евгения (ibid., 276). В той же церкви благословение брака в 1352 г. константинопольской принцессы с царем (ibid.,

²⁸ Papadopulo-Kerameus. Fontes, p.115.

²⁹ Ibid., 131.

278). В 1364 г. митрополит Нифонт погребен в церкви Златоглавой в усыпальнице митроп. Варнавы. В 1376 г. царь Андроник погребен у Богородицы Богопокровенной. В 1412 г. там же погребена царица Феодора у Богородицы Златоглавой. В 1350 г. второй сын Василия I, названный Алексеем, коронован в храме св. Евгения (ἐστέφθη ἐν τῷ τοῦ ἁγίου Ευγενίου ναῶ) (ibid., 276). В 1352 г. прибыла госпожа Комнина-Контакузина — произошло ее бракосочетание с царем в монастыре св. Евгения (ἡ δέσποινα ἡ Κομνηνὴ Καντακουζηνὴ — ἐγένετο εὐλόγησος αὐτῆς μετὰ τοῦ βασιλέως ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Ευγενίου) (ibid., 278). В 1364 г. умер митроп. Нифонт и погребен по архиерейскому чину в храме Златоглавой, в усыпальнице митрополита Варнавы (καὶ ἐνεταφιάσθη ἀρχιερατικῶς εἰς τὴν Χρυσοκέφαλον, εἰς τὸν τάφον τοῦ μητροπολίτου κυρ Βαρνάβα). В 1376 г. упал кир Андроник из дворца кир Андроника царя — и погребен в храме Богородицы Покровенной (ἐνεταφιάσθη ἐν τῇ μονῇ τῆς Θεοσκελᾶστος). В 1412 г. умер Мануил Комнин и погребен в храме Богородицы Покровенной (καὶ ἐτάφη εἰς τὴν Θεοσκελᾶστον). В 1427 г. умерла Феодора, жена Алексея Комнина, и погребена в досточтимом храме Пресвятой Богородицы Покровенной, в усыпальнице Гида, на престоле (καὶ ἐτάφη ἐν τῇ πανσέλτῃ ναφ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου Χρυσοκεφάλου ἐν τῇ κοιμητηρίῳ τοῦ Γίδωνος, εἰς τὸ παράβημα).

Приведенные места из хроники Панарета показывают, что как бракосочетание и венчание на царство, так и погребение не столько были общим законом, как зависели от самого расположения царей к одному из более известных храмов: Богородицы Златоглавой, Богородицы Богопокровенной и, наконец, св. Евгения. Вероятно, что обычным явлением было лишь вступление новых митрополитов на кафедру и погребение их, неизменно происходившее у Богородицы Златоглавой. По местному преданию, частью закрепленному и в литературе о Трапезунде, в восточной части церкви, т. е. за апсидой, с внешней стороны, были памятники Трапезундских императоров, здесь погребенных. Внутри же церкви, под полом, у вимы, нужно искать могилы трапезундских митрополитов. Таким образом, раскопки вокруг церкви, равно как земляные работы в самом храме, по вскрытии деревянной настилки, оказываются ближайшей задачей систематических работ по археологии Трапезунда. В 1916 г. в эту мечеть я попал 13 мая. Трудно передать словами впечатление невообразимого надругательства и гнусного кощунства над священным местом мусульманского культа, которое позволила себе разнузданная толпа, принадлежащая главнейше православному греческому населению, за несколько дней перед вступлением в Трапезунд русского отряда. Тогда расхищены были все дома, оставленные турками, благо не осталось никого, кто бы мог защищать их. Замки в дверях взломаны, окна перебиты; в нижних окнах выворочены железные болты, для того чтобы можно было тайно пробраться внутрь и взять ценные предметы. По полу разбросаны обрывки бумаг, книг и архивных дел, целые кипы деловых бумаг, тюки и мешки с книгами и бумагами валялись на хорах, в беспорядке, оставленные грабителями, как не заключающие реальной ценности. Но худшее было то, что появившийся в мечети грек не преминул громко обвинить в преступлении неких военных (т. е. русских), которые якобы не дальше трех дней назад ночью взломали замки и похитили из мечети ковры и другие ценные предметы. Эта мечеть нуждалась прежде всего в принятии мер к охране. К счастью, здесь оказалось одно лицо из бывшего духовенства (муэдзин), у которого были и ключи. Ему указано было хранить под личной ответственностью то, что еще осталось в мечети, и поблизости поставлен полицейский чин. Впоследствии один ключ находился у меня, другой у муэдзина. Этим достигалась ближайшая цель — сделать мечеть недоступной для толпы и приступить к осмотру ее внутреннего и внешнего вида.

Храм — купольной постройки. Купол на барабане с 12 окнами опирается на 4 столба. Первоначальный план много изменен пристройками с западной стороны, образующими два нарфика с внутренними ходами и помещениями на хорах, которые образуют удобные склады. Несоответствие нынешнего вида храма с тем, каким он был в XIII-XIV вв., происходит не только от михраба, ориентирующего всю постройку на каабу иначе, чем православный храм, но и вследствие весьма значительных пристроек и изменений в самом плане. Средневековый писатель дает размеры храма в то время, когда его еще не коснулась мусульманская рука: длина 40 локтей, ширина 30 и высота 30. Ширина от михраба до дверей 25 шагов подходит к указанной мере локтей, но длина в настоящее время значительно изменилась, так как туркам понадобилось расширить мечеть вдоль и сделать с этой целью пристройки. В храме три апсиды: большая и две малые. Главный алтарь, хотя в нем сделан деревянный помост, род террасы, выведенной на высоте карниза, с которого начинаются арка и своды, несмотря на это, сохранил ясные признаки христианского культа. Северная и южная сторона его, на высоте человеческого роста, покрыта мраморной облицовкой, доходящей до карниза. Среди этой облицовки вставлены украшения и орнамент. Таков медальон в рамке из разноцветных камней. Чтобы восстановить всю художественную работу в алтаре, было бы необходимо удалить упомянутую деревянную террасу, в особенности же снять обшивку, покрывающую часть мозаичной работы на северной стороне. Мозаичные изображения не одинаковы на той и другой стороне, в особенности на южной — орнамент и богаче, и лучше сохранился. Таков медальон с двумя цветками наверху, такова же изящная квадратная мозаика. В малых боковых апсидах сохранились остатки библиотеки, сосудов и фонарей, но все это носит следы погрома. Своды разрисованы орнаментом и покрыты легким слоем извести, под которой нужно искать фресок.

Вообще, что касается живописи, то надежда, что она найдется в этой мечети, основывается на том наблюдении, что в сводах апсиды под небольшим куском обвалившейся известковой массы ясно видны следы фресковой живописи; здесь потребуются сложная работа, которая даст желательные результаты. Против михраба на северной стороне пробита дверь и поставлены две мраморные колонны, представляющие собой странное нарушение архитектурного единства. Северная и южная арка и ниша далеко не одинаковы — последняя, после приспособления ее для михраба, получила изменения: колонны вынесены вон в притвор, окна проделаны в новом месте, следы расположения старых окон хорошо еще видны. В северной стороне закрыты окна в двух пролетах. В амбразурах арок чувствуются полости, которые могут обозначать места для погребения. В пользу мысли, что первоначально не было нижних окон, говорит то, как неправильно пробито среднее окно в южной стороне. Хотя пол как во всей мечети, так и в алтаре покрыт деревянной настилкой, но она покрывает собой прежний мраморный пол с цветными квадратами и орнаментом. Вскрытие пола при более благоприятных обстоятельствах открывает широкие перспективы не только в смысле материала для искусства, но в особенности в бытовом и историческом отношении: как мы указывали выше, в храме были погребения митрополитов в особых специально приготовленных саркофагах или усыпальницах.

Наблюдая храм Богородицы Златоглавой с внешней стороны, получаем некоторую возможность судить об испытанных им переменах, отразившихся на его внешнем виде. И прежде всего отмечаем остаток седой древности, нашедшей место в наличнике северных дверей, против михраба, пробитых, без всякого сомнения, в турецкую эпоху. На мраморной плите под турецкой надписью, очевидно сделанной на уничтоженной греческой, сохранился свободный нижний край, заполненный орнаментом, по которому сохранились слова:

ΑΔΡΙΑΝΟ ΣΕΒΑΣΤΟ ΔΗΜΑΡΧΙΚΗΣ ΕΞΟΥΣΙΑΣ

(Адриану Севасту Димархской области)

Это, конечно, самый древний памятник в Трапе-зунде, предшествующий даже памяти о великомученике Евгении. Где он находился до помещения его над входной дверью, было бы трудно сказать. Но естественно заключить, что он был принадлежностью другого здания, бывшего на том же месте. Наблюдениями над весьма разнообразными архитектурными и эпиграфическими материалами, вошедшими в качестве украшения в турецкую работу, мы обязаны прежде всего той части, которая идет от большой апсиды по северной стороне храма. Здесь под самой кровлей, по бокам узкого окна, замечаем несколько вставных фрагментов плит, с изображением на них христианских эмблем с монограммами, окруженными листьями аканфа и с орнаментом причудливого плетения. С западной стороны той же пристройки множество фрагментов с надписями и плит с оригинальным фрагментом плетения, повторяющимся и на северной стороне. Как характер хрисм и монограмм, так и отрывки надписей, сохранившихся на маленьких обломках, свидетельствуют о том, что они взяты с могильных памятников.

Напомним, что при храме была усыпальница царей. Именно при храме, а не в самом храме, где было место погребения митрополитов. Совершенно случайное обстоятельство дало нам в руки ключ к дальнейшим разведкам вокруг храма. В непосредственной близости к большой апсиде находится мусульманское текэ с деревянным гробом, окруженным почетом и поклонением. Было обращено мое внимание на это текэ тем обстоятельством, что в нем оказались четыре мраморные колонны с капителями, одинаковыми на всех: в середине крест с прозябшими четырьмя конечностями, который слегка лишь замаскирован и местами побит. Всматриваясь в архитектурный тип текэ, я заметил, что первоначально это были ниши, открытые наверху. Впоследствии открытые места были заполнены и покрыты деревянной настилкой, так что старый изящный храм (ναός;) греческого типа обращен был в мусульманское текэ. Колонны своими основаниями уходят под пол и показывают, что прежде они исполняли другое назначение. Над входом на наличнике сбитые кресты. Не нужно останавливаться на доказательствах, что турки использовали императорскую усыпальницу для своего текэ; ясно также и то, что фрагменты орнамента и надписей, указанные выше, взяты тут же, с кладбища императоров. Самое важное, что удалось нам здесь наметить, это обширный двор храма, занятый церковными постройками и усыпальницами царей. Вход в него находился непосредственно у моста, где наблюдаются следы бывших здесь болтов для дверей и где неподалеку, на проходящей улице видно еще текэ, также устроенное на чужом месте. Проходящая по двору большая проезжая дорога — нового времени.

Наблюдения по отношению к текэ были дополнены осмотром окружающих его построек, откуда оказалось возможным наблюдать его с трех других сторон. Так как это были недоступные для наблюдения большой публики стороны, то казалось допустимым не столь тщательное уничтожение следов первоначального назначения памятника. Отсюда не только яснее можно было рассмотреть самостоятельное на каждом из четырех углов положение колонн, но и оставшиеся почти незамаскированными христианские эмблемы на капителях. В особенности обратил на себя внимание каменный антаблемент под крышей здания, украшенный медальонами с крестом по середине. Нет необходимости доказывать, как изящен и вместе прост был этот памятник, под которым были положены останки императора, наиболее сделавшего благочестивых приношений в пользу храма. Это по своей форме был открытый античный храм квадратной формы, увенчанный четырьмя небольшими арками, которые в свою очередь скреплялись легким мраморным антаблементом с простыми крестами в медальонах. Нужно

полагать, что императорские останки были под полом. Для целей мусульманских владетелей Трапезунда достаточно было заложить деревянными досками пространства между колоннами с трех сторон, равно как забрать деревом и покрыть известью свободные места между арками, чтобы изменить царскую гробницу в текэ. А жители города легко забыли место императорского погребения, как забыли о своем небесном покровителе.

Почти в непосредственном соседстве находится фонтан, который обращает на себя внимание тем, что в него вложена плита с надписью. Что она занимает не то место, для которого была предназначена, говорит уже и то, что она находится в перевернутом набок виде и что подвергается постоянной порче вследствие действия воды. С большим трудом удалось нам пока разобрать в ней несколько слов, а именно кира Захария, иконома Трапезундской империи (του οἰκονόμου μητροπόλεως; Τραπεζοῦντος κυροῦ Ζαχαρίου). Есть все вероятия к предположению, что украшением фонтана сделалась погребальная доска с могилы Захария и что она была вынесена из храма при обращении его в мечеть. Фонтан, следовательно, относится к турецкому времени.

При дальнейших наблюдениях окружающей местности выяснилось, что в некоторых местах сохранились древние постройки. Такова постройка на север от входа в храм, где помещалось духовенство, служившее при мечети. Как по кладке, так и по барельефам на входных дверях нельзя не признать в ней византийского здания. Точно так же по направлению к морю, где кончаются старые стены, заметны остатки ворот, вводящих в кремль, с местами для болтов и с хорошо сохранившимися оттисками на цементе от надписи, бывшей на большой плите, которая не находится более на своем месте. Это место хорошо ориентирует в топографии старого города.

В июне 1916 г. сделано было распоряжение наместника прекратить исполнение мусульманского культа в тех мечетях, которые заведомо были прежде христианскими церквями и временно закрыть их с целью производства в них археологических исследований. Вследствие этого для научных работ в Трапезунде открывалось широкое поле, которое требовало новой организации научных предприятий, командирования ученых и мастеров, опытных в особенности в технике очищения стенных росписей от штукатурки, положенной на них турками. Принимая во внимание, что число таких памятников, которые подходят под наименование мечетей, ставших таковыми из христианских церквей, доходит до семи, можно судить, каким обширным и интересным представляется поле археологических работ в Трапезунде. Обширный храм Богородицы Златоглавой, как находящийся в центре города и как представляющий по своему состоянию больше гарантий неприкосновенности, был избран временным складочным местом для отдельных предметов и находок в городе или в окрестностях.

По отношению к храму св. Евгения определенные признаки типа церкви от первой четверти XI в. не могут, однако, служить нам, ибо с монастырем происходили потом большие перемены. В особенности следует отметить, что в междоусобной войне 1340 г. между правительством Ирины Палеолог, которое укрепились в цитадели, и партией местной аристократии, которая держалась в монастыре св. Евгения, монастырь испытал ужасное несчастье. Летописец отметил, что обитель св. Евгения сгорела и все драгоценности уничтожены (καὶ λατὰ τὰ ὄρατα αὐτῆς ἀλεκαυθήσαν). Таким образом, в сохранившемся виде мы можем рассматривать храм св. Евгения как постройку после пожара 1340 г., если только понимать в буквальном смысле слова летописца об истреблении монастыря.

Как обыкновенно во всех мечетях, вход в храм с северной стороны, против михраба. Бывший в прежнее время главный вход с западной стороны совершенно переделан, дверь заложена и вместо нее окно. Но следы бывшего здесь нарфика

видны на выступе под окнами, обозначающем отбитое здесь начало арки. Что здесь именно был нарфик, доказывается и тем, что на левой стороне от окна по стене сохранились краски от бывшей здесь фресковой живописи. Такие же следы живописи наблюдаются и по стене в ближайшем закрытом помещении, составляющем продолжение стен нарфика. На этом месте устроено было училище. При входе в первый раз в храм св. Евгения я был поражен следами дерзкого разгрома и издевательства. Везде разбитые окна, разбросанные книги и бумаги. Все ценные вещи, ковры и утварь расхищены. В ближайших к храму помещениях, где была школа, — разбросанная и разбитая классная мебель. На черных досках уроки арифметики: задачи на сложение, первые цифры до десятка.

Архитектурный тип сходен с храмом Богородицы Златоглавой. Купол опирается на четыре устоя, которые в западной части заменены колоннами. По сторонам главной апсиды две малые. С северной стороны наличник с рельефными изображениями креста и медальона с птичкой, с южной стороны стены совершенно голые. В барабане купола 12 окон, как и в других древних храмах. Характерная особенность: для освещения по три узких продолговатых окна со всех четырех сторон.

Была пора, когда церковь наполнял своим высоким религиозным авторитетом почивавший здесь в раке святой, который принимал живое участие в судьбах государства и на которого возлагали свои надежды и упования местные жители. В высшей степени важно было бы выяснить вопрос о том, где стояла рака с мощами св. Евгения. Так как точных указаний в этом отношении нет, то должно ограничиться догадками. В ряде чудес, совершенных св. Евгением, есть чудо о серебряной цепи³⁰, в левом приделе, где находится изображение Иоанна Предтечи. При большом стечении богомольцев по случаю праздника некто похитил цепь и хотел бежать, но при выходе из церкви потерял способность к движению. Итак, можно думать, что цепь служила для сдерживаний толпы, стремившейся приблизиться к раке, что она отделяла колонны или столб, на котором было изображение Иоанна Крестителя, и южную стену, где была рака в непосредственной близости к малой южной апсиде. Действительно, на переднем столбе в храме к южной апсиде и теперь наблюдается место для большого изображения. Следовательно, можно бы считать вероятным, что рака находилась на правой стороне церкви у самой малой южной апсиды. Это обстоятельство было принято в соображение при снятии деревянного настила и изучении древнего каменного пола, который находится под деревянным. То обстоятельство, что главная святыня храма была на южной стороне около малой апсиды, не служит ли объяснением тех обширных переделок и подновлений, которые сделаны были турками при обращении церкви в мечеть? На южном крыле произведены капитальные переделки: малая апсида изменена, в ней проделано широкое окно вместо узких продолговатых византийских окон, такое же новое окно сделано в южной стене по направлению к михра-бу и, наконец, далее на запад, между тем как западная и северная часть сохранились без изменений; такова старая форма окон, за исключением большого окна, которое заменило бывшие здесь двери. Очень обращает на себя внимание помост из мраморной настилки от апсиды на южной стене вплоть до михраба. Он составляет ненужное с точки зрения мусульманского архитектурного плана возвышение, не менее аршина вышины над деревянной настилкой, и может служить показателем погребения здесь в христианскую эпоху. Во многих подробностях наблюдаются признаки восточного сель-джукского или турецкого влияния (арабески в нижних частях арок).

³⁰ Papadopulo-Kerameus. Fontes, p.102.

Состязание в нравственном влиянии и в церковном авторитете между двумя трапезундскими церквями отразилось на внутреннем устройстве храма и на архитектурном типе. Оно заметно и на внешних украшениях. Стоит всмотреться в мраморные вставки, украшающие внешние стены главной апсиды, на которой в обилии сохранились фрагменты рельефов и орнаменты, чтобы вспомнить о наблюдениях, сделанных относительно храма Богородицы Златоглавой. И здесь в стене вделаны, по-видимому, остатки надгробных памятников, которыми св. Евгений не уступал Богородице Златоглавой, и здесь видим христианские эмблемы креста, растительный орнамент, кисти винограда и, кроме того, одноглавого орла, входившего в герб империи. Храм св. Евгения еще больше, чем Златоглавая, окружен частными зданиями, возникшими в непосредственной к нему близости и заполнявшими обширный монастырский двор, кладбище и монашеские помещения. Выяснение многих подробностей истории его стоит в связи с производством как в нем самом, так и в его ближайшем соседстве больших работ. Внутри храма мной предприняты были некоторые предварительные разведки. Прежде всего необходимо было снять деревянный пол, настилкой которого мусульмане налагали свою печать на христианский храм, носивший рисунки и эмблемы, недопускаемые для чувства правоверных, даже на полу. В алтаре и прилегающих к нему отделениях с северной и южной сторон деревянная настилка лежала прямо на земле, в церкви же покрывала частью мраморный пол с орнаментом, а в западной части настилка лежала на деревянных брусках, положенных на земле. Почва в алтаре, по снятии верхнего рыхлого слоя, оказалась скалистым материком, очень неровным, залитым цементом. Найдено несколько больших глыб хорошо цементированного состава, упавшего, как можно догадываться, со сводов. Следы огня с остатками угля в глыбах глины и цемента указывают на пожар, разрушивший эту часть храма. В мягкой почве по направлению к северной стороне, в небольшом помещении из камня, сложенного насухо, оказались кости, положенные в беспорядке, как можно догадываться, два костяка, при них два черепа, один хорошо сохранившийся, другой разбитый. Кости собраны, положены в ящик, и все вместе снова зарыто землей. При раскопке обнаружено несколько мраморных плиток различной величины и цвета, что указывает на остатки облицовки стен в алтаре и мозаичную работу. Сохранились ли по стенам апсиды и в сводах росписи, об этом нельзя сказать ничего определенного, так как для систематических работ в этом отношении потребовалось бы возведение деревянных построек и продолжительные работы.

В северной апсиде и по стене в направлении к югу сделана пробная траншея. За небольшим слоем мелкого щебня начинается грунт скалистой почвы. Здесь в нескольких местах обнаружены остатки погребения, но не в цельном виде, а в небольших углублениях, специально сделанных для положения костей. Так, на глубине 1/4 аршина, на песчаной плите, в маленьком углублении, найдены истлевшие кости, кусочек стекла и кольцо. Кости были прикрыты доской. У самой северной стены под плитой, в углублении в пол-аршина длиной и 1/4 глубиной, найдены еще кости с черепом, который разбит на кусочки. Кости оставлены мной на своем месте и заложены плитой, у устья ямки положен булыжник. Все место завалено снова землей.

Можно сказать, что сделанными пробными траншеями внутри церкви не добыто таких результатов, которые оправдывали бы дальнейшие в том же направлении попытки. Очевидно, следовало бы перенести работы на окрестности храма, где находится обширная поляна с неровностями и где можно предполагать основания зданий, принадлежавших храму и окружавшему его монастырю.

Но я был поощрен важной находкой и внутри самого храма. Не столько с археологической, сколько с церковной и политической точки зрения может получить значение сделанная мной находка внутри церкви. Выше было указано,

что по некоторым литературным указаниям местонахождение раки св. Евгения следовало предполагать у правого предалтарного столба. И, действительно, после снятия деревянного настила, когда обнаружился каменный пол из штучного мрамора и когда стало возможным выяснить план мозаичного пола, в правой (южной) стороне между пилястром и алтарем в полу открылись явственно следы углублений, каковые обозначают места для четырех ножек саркофага. Далее выяснено, что эти углубления сделаны в скалистом грунте и что дальнейшие попытки раскапывать место были излишни. Остается неизвестным, греки или турки удалили раку из церкви. Если допустить мысль, что мощи были заблаговременно скрыты в алтаре под верхним слоем земли, то можно бы видеть в найденных нами костях остатки мученика. Рака св. мученика и сама по себе представляла значительную ценность, как можно видеть из следующего описания раки св. Стефана Сурожского³¹: «разбивь двери и вниде видеше гробъ святого, а на гробе царское одяло и жемчугъ и злато и камень драгый и кандила злата, сосудовъ златыхъ много. Все пограбиша».

Когда выпадет на долю оживить память св. Евгения в Трапезунде, и этот вопрос должен разрешиться вместе с общим вопросом о церквях, обращенных турками в мечети.

Кроме перечисленных больших церквей сюда относятся: 1) церковь св. Филиппа, или мечеть Ай-Филипо; 2) древняя церковь в Деремехале, или мечеть Исмаил-баба; 3) церковь св. Иоанна, или Богородица Керула, ныне мечеть Карабет-джами в Леонтокастрон (мол); 4) церковь на акрополе Комнинов, или Кале-джами. По преданию есть еще некоторые церкви, обращенные или в текэ или в бани, например одна такая близ гимназии фрутаттшу, другая под именем Зейдык-лык близ нынешней комендантской площади. Выяснить в точности другие стороны предания является задачей будущих исследований.

ГЛАВА II. МЛАДШАЯ ЛИНИЯ КОМНИНОВ И ОСНОВАНИЕ ИМПЕРИИ В ТРАПЕЗУНДЕ

В высшей степени любопытным явлением в фамильной истории византийских Комнинов оказывается младшая ветвь князей, стечением обстоятельств и частью личной волей императоров устраненная от наследования престолом и вступившая на путь протеста и интриг против старшей линии, располагавшей высшей властью. Этот специальный вопрос имеет, как видно будет далее, особенное значение в империи Трапезунда, и потому считаем необходимым его выяснить. У царя Алексея I Комнина (1081-1118) было три сына и четыре дочери от Ирины Дукэны. Старший его сын Иоанн был третьим в порядке рождений, т. е. родился после двух дочерей, Анны и Марии. После Иоанна у царя Алексея родились еще два сына, Андроник и Исаак, и две дочери, Евдокия и Феодора. Старшая дочь Анна, известная писательница и цесаревна, родилась в 1083 г., а старший сын Иоанн, впоследствии вступивший на престол, — в 1088 г. Как известно, в Византии определенного закона о престолонаследии не существовало, и на почве домогательства высшей власти происходили большие потрясения. В семье Алексея Комнина высокообразованная, гордая и властная супруга его проводила свои взгляды на престолонаследие, несогласные с видами и распоряжениями царя. Между тем как Алексей в 1092 г. объявил соимператором царевича Иоанна, едва достигшего трехлетнего возраста, царица Ирина употребляла все старания к передаче преемства власти кесарю Никифору Вриеннию, за которым была в замужестве цесаревна Анна. Из этого возникли семейные недоразумения и раздоры.

³¹ Труды В. Г. Василевского, III, с. CCLXX.

Скоро в этих раздорах начал принимать участие и играть видную роль цесаревич Исаак, третий сын Алексея I Комнина, носивший недавно лишь созданный громкий титул севастократора — первый чин вслед за императорским титулом. Ему усвоится еще титул порфирородного, на который имели право императорские дети, рожденные в порфировой зале. Хотя в день смерти Алексея в 1118 г. Исаак был душой партии, стоявшей за переход власти к старшему сыну умершего, Иоанну, тем не менее в царствование своего брата он не занимал видного положения ни при дворе, ни в администрации. Даже напротив, он оказался в немилости и находился то под стражей, то в изгнании в иностранных землях. И затем вся почти долголетняя жизнь этого весьма даровитого и высокообразованного князя-изгоя прошла в скитаниях по чужим землям и в разнообразных приключениях. Официальный историк Иоанна Комнина, писатель

Киннам, упоминает, что при вступлении на престол (в 1143 г.) Мануила севастократор Исаак содержался в заключении, «ибо было подозрение, что он подкапывается под брата». Хотя Мануил дал ему свободу, но вскоре должен был предпринять меры предосторожности, так как «желание царской власти у Исаака овладело им, с ним росло и развивалось и как наследие перешло к его детям». Историк характеризует его следующими чертами. Он был человек воинственный и храбрый, одаренный высоким ростом и прекрасным сложением. Проживая у разных народов, между прочим у иконо-нийского султана, он стремился к одной цели — напасть на византийские области и нанести вред царю. Сколько правды в этих словах официального историка и нет ли в них преувеличения насчет опасности для императоров Иоанна и Мануила, на это не имеется точных данных. Для нас важнее здесь обозначить, что ближайшее потомство этого князя, именно его сыновья Иоанн и Андроник, разделяют судьбу севастократора Исаака; и они были также чуждыми в Константинополе, воспитывались на чужбине и проводили жизнь в странствованиях по чужим странам. Старший сын его Иоанн принял мусульманство и окончательно порвал с эллинизмом и православием, что же касается второго сына Андроника, то он в старости достиг императорской власти в Константинополе и, так сказать, осуществил притязания протестующей младшей линии. Большую часть предыдущей жизни он провел за границей при дворелатинских князьях Сирии и Палестины, у гостеприимных владетелей Грузии, с которыми связывали Комнинов родственные отношения, у сельджукских эмиров Икония и у русского Галицкого князя³². По прямой линии от Андроника, через его сына севастократора Мануила, византийские Комнины в лице Алексея и Давида, сыновей Мануила, являются основателями Трапезундской империи.

Одним из крупнейших, хотя и недостаточно разработанных вопросов в истории образования Трапезундской империи должна быть признана родственная связь младшей линии Комнинов с грузинскими Багратидами. Значением этих связей не только объясняются самые события провозглашения захудалой линии византийских князей императорами в Трапезунде, но и главнейшие факты истории империи в первый период ее существования (XIII в. — начало XIV в.), пока ожесточенная борьба влияний местных и пришлых партий не окончилась преобладанием византийских Палеологов. Несмотря на бесспорную важность и настоятельную необходимость выяснения отношений между грузинским домом Багратидов и князьями-изгоями из Константинополя, в особенности Андроника и его внуков Алексея и Давида, все же недостаток

³² Дополнительные сведения о родоначальнике этой младшей линии можно найти в моей статье «Константинопольский Серафимский кодекс Восьмикнижия», с. 18-22 (Известия Р. А. Института в Константинополе, т. XII).

исторического материала служит причиной того, что сделанные в этом смысле попытки не проливают достаточного света на занимающий нас вопрос³³.

«Из дошедших до нас известий, — читаем у академика Куника, — о связях между Багратидами и Комнинами в XII и XIII вв. смело можно вывести заключение, что или сам Андроник, родившийся около 1120 г., или кто-нибудь из его семейства породнился посредством брака с грузинским царским домом, потому что иначе трудно понять, каким образом Алексей, сын Андроника от Феодоры, в 1187 г. называется в грузинской летописи близким родственником Тамары, а Тамара в 1204 г. называется в Трапезундской летописи теткою Алексея, сына Мануила и внука Андроника (т. е. основателя трапезундской империи)». Весьма показательно описание в грузинской летописи приема, оказанного в Тифлисе Андронику около 1170 г.³⁴: «Его (царя Георгия III) посетил Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, обладателя всего запада и царя греческого, сопровождаемый своей женой ослепительной красоты, своими сыновьями и сыновьями сестры своей». «За такую милость Георгий оказал сему принцу прием, достойный его высокого рода, дал ему столько городов и крепостей, сколько ему нужно

было, и назначил ему пребывание близ своей столицы... Находясь в Грузии, Андроник принимал участие в военных делах, но затем искал гостеприимства у султана Кылидж-Арслана II». В нашу задачу не входит, однако, следить за приключениями Андроника, которые закончились катастрофой в 1185 г., когда он был низвержен с престола византийских императоров и погиб в последовавшей затем смуте. Историческая роль затем выпадает на его потомство. Старший сын Андроника, севастократор Мануил, титул которого имеет для нас значение применительно к объяснению рисунка и надписи в башне трапезундского кремля³⁵, погиб в той же катастрофе, хотя нельзя удовлетворяться теми скудными данными, которые находим в летописи, будто он умер от ослепления. Не было бы удивительно, если бы действительно тело его было перевезено или в Грузию, или непосредственно в Трапезунд.

В частности, о судьбе детей его, хотя они родились еще до катастрофы 1185 г., до самого 1204 г. не имеется определенных известий. Принимая во внимание рассказанный местным, т. е. трапезундским историком факт, что в 1204 г. великий Комнин Алексей, отправившийся из Грузии «стараниями и трудами тетки своей Тамары, взял Трапезунд в апреле месяце 7 индикта», мы невольно останавливаемся перед загадкой: ужели же так легко досталось право на империю потомкам низверженного византийского императора, не имевшим ни войска, ни денежных средств для найма охотников? Не менее того представляется очень сомнительной та традиция, усвоенная Фальмерайером и Финлеем, по которой малолетние Алексей и Давид после катастрофы 1185 года спокойно оставались в Константинополе. При господствовавших тогда в империи нравах цари из дома Ангелов никак бы не потерпели присутствия в Константинополе соперников на власть из угасшей династии Комнинов. По догадке академика Куника, находящей себе поддержку в известии историка Халкокондила, царевичи Алексей и Давид в смутную эпоху смены династии Комнинов и воцарения Исаака Ангела переправлены были секретным образом в Колхиду, т. е. в Грузию.

Следовательно, весь период до 1204 г. они провели именно при дворе Тамары, своей тетки, где и получили воспитание и где выжидали благоприятного момента заявить о своих правах на царство. Есть сведения в грузинской летописи

³³ Лучшим остается исследование академика Куника в Ученых Записках Академии Наук по I и III Отдел., т. 2, вып. 5. С.-Петербург 1864, с. 705. Основание Трапезундской империи в 1204 г. Но здесь как родство с царицей Тамарой, так и роль ее в судьбе царевичей Алексея и Давида лишь намечена, а не доказана.

³⁴ Brosset. Histoire de la Georgie. I partie, p. 396-397.

³⁵ Об этом будет речь в Приложении.

о том, что Тамара не была в дружественных отношениях с константинопольскими Ангелами и из-за дела об иконах Афонской горы начала успешную войну с греками, следствием которой было присоединение к Грузии Лазистана, Трапезунда, Синопа и Понта. Эти сведения, во всяком случае, служат достаточно правдоподобной подготовкой к последовавшим в 1204 г. событиям; в них мы находим объяснение тому, откуда у Алексея и Давида оказались материальные средства и где они набрали военный отряд, с которым открыли поход на Трапезунд. Независимо от того, при этом именно порядке событий и отношений получают себе объяснение оставшиеся загадочными факты внутренней истории Трапезунда в XIII и XIV вв., на которых мы останавливаем внимание в дальнейшем изложении. Характер первых царей и их правительства в течение целой половины существования империи отличается от господствующих в Константинополе обычаев и нравов и более сближается с восточными порядками. Итак, «Комнины еще младенцами попали в Грузию, где и получили воспитание; природным языком их был грузинский. Воспитываясь и вырастая при дворе своей родственницы, среди туземцев и в армии, они всюду были под влиянием грузинской жизни и грузинских понятий, так что в двадцатилетнем возрасте, по всей вероятности, больше походили на грузинских князей, чем на византийских, — точно так же, как дети греческих фанариотов в Молдавии и Валахии переродились в романцев (румыны)»³⁶.

Продолжительная осада и занятие Константинополя крестоносцами Четвертого крестового похода было тем благоприятным для младшей линии Комнинов обстоятельством, которым они и воспользовались при помощи лазов, мингрельцев и частью греков, которых могли нанять на свою службу. Падение Константинополя рассматривалось патриотами как падение империи, восстановленная империя в Никее Феодором Ласкарем только присутствием патриарха могла иметь преимущества перед Трапезундской империей с царской династией Комнинов во главе. В других отношениях и та и другая империя имели право на историческое существование в зависимости от внутренних сил и средств и от способностей стоявших во главе правительства лиц. Признание власти в Трапезунде обеспечивало за царевичем Алексеем успех и в ближайших областях, находившихся под влиянием этого центрального и важнейшего в торгово-экономическом отношении города. Центральная часть империи, оставшаяся в тесном единении с Трапезундом, вошла в крепкую спайку с ним без всяких, по-видимому, усилий, и береговая область от Фермодона до Фасиса была в полном обладании Алексея и Давида. Что касается положения города Трапезунда перед весной 1204 г., то, по-видимому, в нем держался Никифор Палеолог в качестве дуки, представителя императорской власти в Константинополе, но он не был в состоянии оспаривать авторитет, идущий притом из двух источников, эллинского и грузинского. Повторяем, однако, во всем этом больше догадок и правдоподобных предположений, чем фактов, извлекаемых из летописи, но приходится прибегать к первым, чтобы осмыслить результаты последовавшей на Черноморском побережье эволюции.

Когда Алексей утвердился в Трапезунде, первым его старанием было воспользоваться всеми правами и привилегиями, на которые он мог претендовать как член царствовавшей в Константинополе династии, не угасшей со смертью Андроника. С точки зрения обычаев и господствовавшего права не было ничего необычного в принятии им титула василевса ромеев; затруднения были в событиях, имевших место в Никее, где утвердился и объявил себя царем Ласкарь, но здесь предстояло вступить в состязание за власть, которое могло обещать победу, а не поражение. Ближайшие к Трапезунду города и области, в особенности

³⁶ Куник. Указ, статья, с. 726.

Пафлаго-ния, где были наследственные земли Комнинов, скоро примкнули к его владениям. И совершенно обычным явлением нужно считать то, что вся фема Халдия не имела иного выбора, как признать свою зависимость от государя, власть которого обеспечивала восстановление нарушенного порядка в потрясенной сельджукскими набегами стране³⁷.

Главным соперником вновь образовавшейся империи был, рядом с Никейской империей Феодо-ра Ласкаря, румский или иконийский султанат, также принявший на себя задачу поддержать на востоке идею Греческой империи. Вследствие этого власть Великих Комнинов в Трапезунде значительно сократилась, в конце концов ограничена была прежней фемой Халдия (с одной стороны Фермодон, с другой Фасис, на юг цепь гор). И политика империи великих Комнинов перестала претендовать на мировое значение, будучи ограничена мелкими интересами самозащиты от султаната и установления прочных отношений с Грузией. Прежде всего обращает на себя внимание географическое и этнографическое положение фемы Халдия, в которую входит Трапезунд. Самая военная и административная организация фемы способствовала тому, чтобы центральные притязания, идущие из Трапезунда, могли быть выполнены без особенного труда. Горная, труднодоступная область сдерживалась военными гарнизонами, сидевшими в крепостях, к которым, как к естественной защите против врага, тянуло местное население. Нужно присоединить, что власть в поселках и деревнях принадлежала крупным или мелким владетелям по местному феодальному праву, которые стояли в вассальных отношениях к начальникам крепостей и гарнизонов и административным чинам Трапезундской империи, как об этом будет подробнее изложено в одной из нижеследующих глав. Таковыми крепостями, подчиненными Трапезунду, оказывались Триполь, Керасунт, Ясоний, Месохалдия и др.

Объединительное движение имело два центра или двух вождей. В то время как Алексей выполнял поставленные ему задачи в Халдии, брат его Давид также с помощью грузин и лазов и константинопольских приверженцев начал расширять трапезундские владения в сторону Малой Азии. Здесь угрожала Комнинам особая опасность в провозглашении никейским императором Феодо-ра Ласкаря и особенно в венчании его рукой патриарха. Нужно было спешить войти в непосредственное соприкосновение с этой новой империей, не дав ей времени для организации. Нет никакого основания сомневаться в том, что Давид Комнин имел определенную идею на этот счет — завладеть Никеей и свергнуть Ласкаря, но задача оказалась выше его средств. Никейский император, — чтобы не входить здесь в подробности, уместные при изложении никейских событий, — в трудных обстоятельствах не останавливавшийся над выбором средств, лишь бы они вели к цели, вошел в соглашение с султаном Икония против своих соперников, трапезундских Комнинов. Последний также имел полное основание войти в виды Ласкаря, так как усиление трапезундских Комнинов было далеко не в его интересах. Столкновение между соперниками, имевшее трагические последствия для Комнинов, имело место при Амисе, где стоял Алексей и откуда турки воспрепятствовали ему движение вперед на помощь своему брату. Между тем в это же время отряд, предводимый Синадином, полководцем Давида, был разбит греками Ласкаря наголову, причем был взят в плен и его предводитель. Так скоро должны были рассеяться планы Комнинов на широкую власть и притязания. Это должно было оказать значительное влияние на перемену их политики. В высшей степени неблагоприятной и непоправимой была неудача при Амисе. Эта приморская крепость, в то же время и торговая пристань для Черноморья, зависела тогда от греческого администратора, управлявшего городом вполне са-

³⁷ Ιωαννίδου Ιστορία και στατιστική Τραπεζούνης, 1870, р. 51-59.

мостоятельно и не признававшего ни Трапезундской, ни Никейской империи. Невдалеке от Амиса турки основали свою торговую колонию под именем Самсуна; таким образом местная греческая колония, опиравшаяся на симпатии греков Никеи, смотрела как на специально национальное дело на удержание власти в Амисе. Правитель города Савва отклонил все предложения Алексея Комнина и предпочел держаться мира с турками и с никейским императором. Здесь решилась таким образом дальнейшая судьба Трапезундской империи³⁸.

Именно совершенно неизбежной становилась катастрофа, постигшая операции Алексея Комнина. Сельджукские турки приостановили его движение, захватили Ираклию, Амастриду и соседние области, вошедшие уже в соглашение с трапезундскими Ком-нинами, поставив его в отчаянное положение и принудив к самому экстремному средству — к просьбе союза с завоевателями Константинополя, франками и венецианцами. Но на равнине между Ираклией и Никомидией полководец Ласкаря Андроник нанес франкским отрядам поражение, взял многих в плен. Давид пытался еще некоторое время держаться в Синопе, где и окончил жизнь. С тех пор этот город вполне отделился от Трапезундской империи.

История первого трапезундского царя Алексея, принявшего титул «Великий Комнин», проходит и постоянной войне с турками Икония, чей султан Айзеддин находился в дружбе с греками Никейской империи. Ввиду стесненного положения, в котором была Трапезундская империя, можно по-прежнему ставить в большую заслугу Алексею I, что он не настаивал на невозможном, не думал искать спасения в безнадежном соперничестве с никейскими греками и турками, напротив, нашел возможность войти в соглашение с турками, правда, на условиях вассальных отношений с обязательством уплаты небольшой подати и посылки вспомогательного отряда султану Икония, чем утвердил положение империи, существование которой признали, наконец, никейские греки и турецкие эмиры Малой Азии. Он умер 1 февраля 1222 года, оставив после себя сына, именем Иоанна, который, однако, не был непосредственным его преемником. Скучные сведения об основателе империи в Трапезунде, находимые в письменных памятниках, нисколько не восполняются археологическими данными, представляющими в других отношениях богатый материал; тем не менее мы позволяем себе остановить внимание на одном факте археологического значения, в котором усматриваем забытый намек на место погребения основателя Трапезундской империи.

Во время занятий в трапезундском кремле в 1916-1917 гг. мною было обращено внимание на северную угловую башню кремля, которая сохранила следы древней церкви с остатками живописи. Эта башня первоначально имела военное значение, приспособлена же для церкви впоследствии, когда явилась в том потребность и когда для защиты кремля были приняты другие меры. В изображениях по стенам верхнего отделения башни находится между прочим царственная фигура в орнаменте и с короной на голове. По ту и другую сторону головного убора значительно потертая надпись в 8 строк, в которой читаются имена непосредственных родоначальников, т. е. отца и деда основателей Трапезундской империи. По различным соображениям, основывающимся как на изучении головного убора этой фигуры и одеяния, так и всей композиции, мы пришли к заключению, что эта башня заключает в себе, в склепе под средним отделением, усыпальницу первых Великих Комнинов. К сожалению, мы не имели достаточно времени, чтобы приступить к раскопкам в этой местности, без каковых

³⁸ Более подробно о борьбе Великих Комнинов с Феодором Ласкарисом и сельджуками с учетом новых исследований см.: Шукуров Р. «Новый Мацинкерт» императора Феодора I Ласкариса // Византизм между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб, 1999. С. 409-427; Жаворонков П. Н. Никео-трапезундские отношения в 1213-1223 гг. // ВО. М., 1982. С. 188-190. — Примеч. ред.

нельзя категорически решить затронутого здесь вопроса. Андроник Гид, занявший после Алексея трапезундский престол, по своему происхождению принадлежал, вероятно, к местному дворянству. Фамилия Гидов и до сих пор встречается между обитателями области. В объяснение того факта, что Гид занимал престол помимо законного наследника в лице сына Алексея Иоанна, известно лишь то, что он был женат на дочери Алексея Комнина. Можно сделать догадку, таким образом, о семейном раздоре, последовавшем по смерти основателя империи, следствием чего было то, что он не был погребен или в митрополии, или в другой городской церкви, как то было в обычае.

Некоторый свет на место погребения основателя империи бросает северная башня, в верхней части которой, по-видимому, была церковь и в ней сохранились остатки росписи. Башня подвергалась исследованию в два приема: в 1916 и в 1917 гг. Год от году находящиеся в ней фрески портятся, потому что за отсутствием кровли они подвержены постоянному вредному влиянию солнца, ветров и дождей. Хотя с целью предохранить их от неминуемого разрушения мной были приняты меры в устройстве деревянного щита, но эта временная мера едва ли спасет уже значительно пострадавшие изображения. Обращают на себя особенное внимание три фигуры, из коих одна с императорским головным убором; в связи с объяснением их получают любопытные проблемы.

Неоднократно и по разным поводам поднимал вопрос о головных уборах императоров и придворных лиц, в особенности Византийской империи, академик Н. П. Кондаков³⁹. По громадному материалу, каким он располагал в этом отношении, равно как и по тонкому знанию его технических особенностей, вследствие продолжительного с ним обращения, акад. Кондаков приобрел навык авторитетного суждения по вопросам, касающимся парадной одежды и головных уборов. Пользуясь его указаниями, находимыми в отдельных сочинениях, мы пытались дать нашим соображениям о лице, которое носит на фреске занимающий нас головной убор, некоторую твердость и положительность. Позволим себе войти в необходимые по существу дела подробности. Прежде всего выделяем те задачи, которые нас здесь не должны занимать, ограничиваясь выяснением темы об особенностях, свойственных короне императора и парадным головным уборам высших придворных чинов. Основная мысль акад. Н. П. Кондакова заключается в следующем⁴⁰: «Нет надобности прибегать к объяснению того, что исходным типом венца является... венец императорский. Историческое развитие его форм естественно должно ложиться в основание всякого расследования по форме других венцов... Можем считать условно установленным, что основная форма металлического обруча для византийской короны уже не была диадема (повязка матерчатая, затем металлический обруч), но со времени Юстиниана заменена формой стеммы, т. е. золотым обручем, снабженным изнутри матерчатой шапочкой, над которой укреплялась еще металлическая крестообразно сложенная дужка, в перекрестье которой, наконец, утверждался драгоценный крест. Венец в виде обруча, без матерчатого верха и без металлической дуги, а потому также и без креста, составил, во-первых, обычную форму так называемой обетной (вотивной) короны, подвешивавшейся над престолом, под арками кивория, и, во-вторых, старинную форму венца (στέφανος), впоследствии (уже с XII—XIII в.?) ставшего головным убором чина кесаря и других ему приравненных».

По-видимому, прямым и простым выводом из приведенного места был бы тот, что царская корона и головной парадный убор высших придворных чинов — в

³⁹ См. 1) Русские клады, I; 2) Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.; 3) Византийские эмали собрания А. В. Звенигородского.

⁴⁰ Изображения русской княжеской семьи, с. 60.

основной части тот же металлический обруч с тем лишь различием, что первая снабжена матерчатой тульей или верхом, утвержденным на металлических стержнях или крестообразно сложенной дужке с крестом, а последний не имел ни матерчатого покрытия, ни дужки с крестом. Если бы существующие тексты не давали ничего другого, то мы бы не имели спорных вопросов и затруднений по изучению императорской короны и головных уборов высших чинов; на самом же деле вопрос далеко не так прост.

Ближайшие к царю чины по табели о рангах были: деспот, кесарь и севастократор; головной убор этих именно чинов обращает на себя внимание. Точным указанием парадного головного убора этих чинов на основании свидетельства Кодина занимается акад. Кондаков на дальнейших страницах того же сочинения (с. 74 и ел.). Может быть, то обстоятельство, что «картина, представляемая Кодином, относится к середине XIV столетия», то есть на три века позднее того, что наблюдалось при Константине Порфирородном, служит объяснением некоторой путаницы, которая остается и до сих пор в вопросе о головных уборах императора и высших чинов. В самом деле, у Кодина находим уже новые термины, Кодин дает уже *mutates formas*. Между тем, по нашему мнению, есть текст гораздо более ранний, который не подвергся исчерпывающему Наблюдению и в котором, как нам кажется, точно определенно ставится круг предметов для сравнения. Имеем в виду известие Анны Комниной о происхождении нового придворного чина, введенного царем Алексеем I Комнином, вследствие чего произошла перестановка в положении чинов по табели о рангах. Царевна Анна и сама строго следит за этикетом и очень хорошо знает цену всех особенностей парадных одежд, поэтому свидетельством ее никак нельзя пренебрегать в нашей теме⁴¹. ; Так как Никифору Мелиссину предстояло пожаловать обещанный ему сан кесаря, а старшего брата царя Исаака облечь в высший сан, то, за неимением более высокого, чем кесарский, сана, царь Алексей создал новое почетное звание для своего брата в имени «севастократор», составив его из слова «севаст» и «автократор» и таким образом дав ему честь как бы первую после царской, кесарский же сан понизив и поставив его на третье место в славословиях после имени автократора. Независимо от того отдан был приказ, чтобы севастократор и кесарь при всенародных торжествах украшали себя стеммами, т. е. венцами, которые во многом отличались по роскоши украшений от диадемы, которою венчался сам царь. «Ибо царская корона (диадема) облегает голову подобно полусферическому обручу, украшенному со всех сторон жемчугом и драгоценными камнями, как вышитыми, так и висячими. Сбоку же, по обеим сторонам висков, прилажены особенные наборные цепи (привески) из жемчугов и разноцветных камней, прилегающие к щекам. И это есть особенность царской столы (мундира)»⁴². «Венцы же севастократоров и кесарей не имеют сплошных украшений из жемчуга и драгоценных камней, за исключением сферического верха закругления»⁴³.

В сущности, мы находимся здесь перед трудноразрешимой дилеммой, которую осложняет приведенное выражение *ἀνευ του ἐπισφαιρώματος*. Но допустим условно, что это выражение должно быть истолковано в том смысле, что венцы севастократоров и кесарей редко обладают сплошными украшениями по сравнению с царской стеммой, за исключением покрывающего их закругления, то

⁴¹ Alexias, III, 4 (ed. Bonn, p. 147-148).

⁴² Το μεν γαρ βασιλικόν διάδημα καθάτιερ ἡμισφαίριον εὐγυρον την κεφαλὴν διαδεῖ πανταχόθεν μαργάρους και λίθοις κοσμούμενον, τοις μεν ἐγκειμένοις, τοῖς δε και ἐξηρμένοις· εκατέρωθεν γαρ των κροτάφων ὄρμαθοί τίνες ἀπαιωροῦνται δια μαργάρων και λίθων και τὰς παρειὰς ἐπιζέουσι. και ἐπὶ τοῦτο ἐξηρμένον τι χρήμα τοῖς βασιλεῦσι στολής.

⁴³ Οἱ δε των σεβαστοκρατόρων και των καισάρων στέφανοι σποράδην εἰσιν οπου των μαργάρων και λίθων μετέχοντες ἀνευ του ἐπισφαιρώματος.

есть прием не то толкование, как дано латинским переводом текста: «*neque globosum superne tegumentum habent*». В таком случае рассуждения акад. Кондакова оказались бы не совсем основательными, подрывалась бы надежда отличить форму стеммы и кесарикия, как называется у Константина кесарский головной убор. Притом же в дальнейшем положении и сам Н. П. Кондаков, говоря на с. 75 о головных уборах великого дуки, великого доместика и др. высших чинов, признает возможным видеть матерчатый верх на их скиадиях, хотя и без клавов или галунов. И в дальнейшем проверяя тексты Кодина памятниками, автор дает именно такие головные уборы высших придворных чинов, которые представляют разных форм и размеров матерчатое закругление и таким образом подрывают основную мысль об отличии по форме императорской стеммы и кесарикия. Но вот что останавливает на себе наше внимание. Сам Коди́н по отношению к венцам кесаря и севастократора⁴⁴ сделал признание, что древних форм он не знает, но что царь Константин, пожаловав сан севастократора своим шуравьям Мануилу и Иоанну Асану, наделил их венцами, украшенными камнями и жемчугом и с одною камарою наперед. Нельзя иначе представлять себе и этот убор «с камарой», как именно с металлическими приспособлениями или с «дужкой» для утверждения камары, а самая дужка необходимо нуждалась в матерчатом покрытии. Возвращаясь еще раз к тексту Анны Комниной, мы должны высказаться прямо против того понимания выражения *ἀνευ τοῦ ἐπισημασμένου*, какое дано латинским его переводом и которое, по-видимому, направило на ложный путь исследователей. Что здесь нужно видеть не больше того, как «кроме (или за исключением) покрывающей», т. е. матерчатого верха, это сейчас будет объяснено параллельным местом. Но и вообще смысл места цесаревны Анны так категоричен, что только при желании оправдать им предвзятую мысль можно видеть в нем отрицание той особенности убора, которая дана выражением *ἐτῆσιαρᾶχα*. Об этой особенности она бы и не должна была говорить, если бы ею не обладал кесарикий. Но вот место, которое говорит за нас: *ὁ τοιοῦτος οὖν μοναχὸς τφοσκαρτερεῖ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἡμεῖρας ἐπτά σκολάζων ἀπὸ παντός ἔργου, ἀνευ ἀναγνώσεως*, т. е. этот монах остается в церкви в течение семи дней, удерживаясь от всякого занятия, кроме чтения⁴⁵. Таким образом, в словах цесаревны Анны нужно видеть тот смысл, что царская стемма отличалась от кесарикия лишь теми украшениями и особенностями, которые ею определено указаны, а что в кесарикий таких украшений было меньше.

Предыдущее изложение состояния вопроса дает малоутешительный вывод именно насчет формы того кесарикия, который составлял принадлежность сана кесаря и севастократора и который хорошо был знаком как Константину Порфирородному, так и цесаревне Анне. Не один раз первый упоминает об этом уборе. Отличие кесарского и севастократорского облачения состоит в широком плаще с фибулой и в головном уборе, т. е. в кесарском парадном облачении⁴⁶; но ясно, что это говорит столько же, как наше выражение: «мундир IV класса» или «праздничная форма», тем более что и лорон, как далее выясняется у Константина (р. 221, 20), составлял принадлежность кесарской формы. Лишь раз употребленное выражение *венец*, т. е. кесарий (*ibid.*, 224, 24) приближает к конкретному представлению о кесарикий как венце.

Нет сомнения, что в толковании текста Анны Комниной о кесарском головном уборе нужно отправляться от следующего места о кесарской короне⁴⁷. Он имел, говорится о сыне Василия Македонянина, головной убор белого цвета,

⁴⁴ О чем упоминает и Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи, с. 85.

⁴⁵ Ducange. *Glossarium graecitatis*, s.v. *ἀνευ*.

⁴⁶ De ceremoniis I, 218, 24: *αἱ χλαμύδες μετὰ τῶν φιβλῶν καὶ τῶν περικεφαλαίων ἴτοι τὰ λεγόμενα καίσαρικια*.

⁴⁷ Dt ceremoniis, Appendix, р. 500: *φακιδόλιον δίκην προπολῶματος λευκόν χρυσοῦφαντον, ἔχον ἐπὶ τοῦ μετώπου ομοίωμα στεφάνου χρυσοῦφαντου*.

напоминающий деревянную резьбу на капители колонны (проτολωμα) златотканый, похожий на золотом вышитую корону. Никак нельзя этот текст понимать иначе, как в смысле высокого убора, имеющего покрывку из материи и украшения.

Проτολωμα X в. вполне отвечает ελτοφαίρωμα Анны Комниной, и последнее должно быть истолковано как принадлежность кесарика, в противоположность латинскому переводу текста. И вообще столько же тексты писателей, как и памятники, одинаково дают понятие о головных уборах высших чинов византийского двора, как о таких, которые обращали на себя внимание своей причудливой формой, т. е. способами приготовления матерчатого покрытия для металлического обруча⁴⁸.

Как видно из приведенного выше места цесаревны Анны Комниной, сан севастократора есть высший, первоклассный, в придворном обряднике; его носил самый близкий к царю член царской династии. Титул севастократора до Исаака, сына Алексея I Комнина и брата царя Иоанна, носил только один член дома Комнинов, именно брат царя Алексея, именем также Исаак, иногда называемый первый севастократор. Племянник его Исаак, на которого перешел титул, играет исключительную роль в истории. Вся почти долголетняя жизнь этого весьма даровитого и высокообразованного принца прошла в скитаниях по чужим землям. Нельзя также не принимать во внимание и того обстоятельства, что потомство этого князя разделяло судьбу своего предка: было всегда в протестующем лагере, не уживалось с комниновским режимом и искало приключений на чужбине. Сыновья севастократора Исаака, Иоанн и Андроник, будущий император, были также исключены из наследования при Мануиле. Старший сын Исаака, Иоанн, известен тем, что принял мусульманство, а Андроник представлял собой тип изящного, обаятельного и прекрасно образованного принца. Он также большую часть жизни провел за границей при дворах латинских князей Сирии и Палестины, у гостеприимных государей и эмиров Грузии, Икония и, наконец, у русского Галицкого князя. Правнуки Исаака, Алексей и Давид, сыновья севастократора Мануила, положили основание Трапезундской империи⁴⁹.

Теперь легко понять, что если бы мы нашли на изучаемом памятнике, в башне кремля, некоторые указания на сан или чин изображенного лица, то особенности головного убора его могли бы быть истолкованы применительно к этому именно сану, независимо от существующего в литературе представления о кесарском венце или головном уборе. Выше было сказано, что по обе стороны изображения была надпись. Уже то обстоятельство, что она занимала восемь строк, свидетельствует о ее особенном назначении и характере. Каждая строка ее начиналась по одну сторону лица и продолжалась по другую — делаем это объяснение, чтобы показать, что надпись имела коммеморативную, или по-святительскую цель, т. е. надписью желали обозначить больше, чем могло дать изображение: намек на исторические обстоятельства, на цель построй ки самого памятника и т. п. Вот об этом следует очень пожалеть, что из надписи сохранилось так мало и что она подвергалась очень суровой промывке. Не один раз мы принимались за разгадку следов букв при разном освещении, причем выносили неодинаковые заключения. В конце концов нужно было удовлетвориться

⁴⁸ Укажем, напр., очень выразительное место в словаре Дюканжа з. v. Φακτολιον. А комментарий Reiske на место Константина (ad. p. 427) о модиоле прямо кричит за себя: Modiolus (μοδιολον χρυσαυον) quoque terminus fabrorum lignariorum est, Sims vel Crantz, proiecturam vel moeniana columnarum vel parietum notans... accedit ad figuram modiolii propoloma ornatus capitis turritus Augustarum (т. е. венец теремчат русских памятников).

⁴⁹ Об отношении Исаака севастократора к константинопольскому монастырю Хора в диссертации Ф. И. Шмитд «Кахриэ-Джами» (Известия Р. Арх. Инст. в Константинополе, т. XI, с. 38 и след.).

наименьшим, но таким, что бесспорно. В восьми строках надписи мы могли прочитать:

- 1) ... ΟΤΟΥΑΟΙΔΙΜΟ... ΒΑΣΤΟΚΡ
- 2) ... ΜΗΘΗ... Α
- 3) ΔΟΥ
- 4) ΗΜΟΜΚΥΡ
- 5) ... ΑΝΔΡΟΝΙΚΟ
- 6) НОЙСЕВАСΤ
- 7) ΚΡΑΤΟΡΟΣ
- 8) ΜΑΝΟΥΝΑ

Прежде чем предлагать свои догадки к осмыслению даваемых надписью намеков, продолжим описание самой композиции. Как сказано выше, здесь есть центральная фигура и есть боковые. Рядом с первой, по правую сторону от зрителя, по направлению к дверям, фигура в виде ангела с ясно читаемым на боку [Ⓐ]т. е. *αγιος* (святой), в панцире и со стеммой на голове, т. е. с узким металлическим и украшенным камнями и жемчугом обручем. Это второе изображение составляет принадлежность композиции, что и выражено в определенном его отношении к центральной фигуре: в поднятии руки или в жесте приглашения, обращенном к ней. Можно бы даже думать, что святой касается руки стоящего перед ним лица. Менее отчетливо сохранилась та фигура, которая находится по левую сторону от центральной и изображена держащею крест в левой руке. Относительно этой ; фигуры нужно сказать, что в ней явно заметны два наложения, две краски, два фона и, наконец, следы разного одеяния: хитона снизу и дорогого верхнего плаща. Не подлежит лишь сомнению то, что и эта фигура обращена к центральной и составляет принадлежность композиции. Она снабжена, как и первая фигура, нимбом вокруг головы. Поверх ее благоговяющее поясное изображение Эммануила.

Таковы отрывочные наблюдения по изучению занимающей нас композиции. Не подлежит сомнению, что она сделана по старому рисунку и что прежнее содержание не совсем еще уничтожено при исполнении новой композиции. Прежними элементами мы считаем крест и Эммануила и думаем, что первоначально было здесь изображение Константина и Елены. Что касается идеи, содержащейся в новой композиции, к ней мы должны подходить на основании совокупных признаков, вынесенных из наблюдений над всеми частями башни.

Ясное дело, что надпись должна служить точкой отправления для дальнейших выводов. Уже первая строка дает понять, что мы имеем здесь дело с особым видом коммеморативной, может быть, даже ктиторской композиции. В ней указывается на почившего севастократора. Тот же самый титул повторяется в 6-й и 7-й строке: естественно думать, что в центральной фигуре мы имеем изображение севастократора. Заметим тут же, что в трапезундской номенклатуре чинов, заимствовавшей обряды константинопольского двора, не находим чина севастократора. Далее, в 5-й и 8-й строке имеются два имени Андроник и Мануил. Хотя эти имена так же обычны в царской семье константинопольских Комнинов, как и в именослове трапезундских царей, но мы должны здесь держаться первой линии, потому что сочетание Андроника и Мануила более оправдывается константинопольской, чем трапезундской семейной историей.

Мы имеем здесь имена родоначальников династии трапезундских Комнинов и таким образом получаем разгадку до некоторой степени как приспособления памятника для новой цели, так и хронологии фресковой росписи. Позволим себе историческую справку. Основатель трапезундской династии Великих Комнинов, названных так в отличие от других ветвей многочисленных Комнинов, Алексей I был сын севастократора Мануила и внук кон-

стантинопольского императора Андроника I, низверженного вследствие народного возмущения и погибшего в 1185 г. Во время катастрофы Алексей был ребенком 4 лет. В 1203—1204 гг. во время завоевания Византийской империи крестоносцами и основания отдельной империи в Трапезунде Алексей был молодым человеком 22 лет. Обстоятельства, при каких произошло основание империи в Трапезунде, остаются малоизвестными, за недостатком источников. В истории Панарета, сохранившей официальные данные для XIV в., о времени первых Великих Комнинов не находим почти никаких известий. Даже о месте погребения Алексея I нигде не сохранилось упоминаний, хотя тот же Панарет почти о всех царях и митрополитах сообщает точные известия: погребен в митрополии, в монастыре Богородицы Богопокровенной и др., нередко даже поясняя, что новые погребения делались в склепах и саркофагах прежде похороненных царей и митрополитов. Если бы место погребения Алексея I было в больших трапезундских церквах, то могло бы сохраниться хотя мимоходное на то указание. Таким образом мы приходим к предположению, что эта башня скрывает в себе усыпальницу первых Великих Комнинов, которая должна находиться в склепе, под вторым средним отделением башни, а устроенная в верхнем отделении церковь в изучаемой нами композиции представляет ктиторскую фреску. Возвращаясь к центральной фигуре композиции⁵⁰, мы считаем необходимым подчеркнуть, что это не царское изображение, следовательно не сам Алексей I, имени которого в надписи нет и следа, если в 7-й строке не читать (ΑΥΤΟ)ΚΡΑΤΟΡΟΣ вместо (ΣΕΒΑΣΤΟ)ΚΡΑΤΟΡΟΣ, на что не имеется особенных побуждений. Между тем из двух имен: Андроника и сына его Мануила — о первом не может быть и речи, так как прах его был рассеян народом по ветру, а о Мануиле сообщается, что он умер в Константинополе вследствие жестокой операции ослепления, произведенной над ним. Конечно, не представлялось бы затруднений к мысли, что его прах впоследствии перевезен в Трапезунд и ему устроена погребальница в башне, а над телом его возведена церковь. При этой перестройке башня с военным назначением должна была испытать некоторые архитектурные приспособления.

Кроме рассматриваемой нами композиции в дворцовой церкви можно еще отметить другие фрески. Из них остановлю внимание на изображении св. Евгения, наилучше сохранившее лик и одеяние средневекового патрона Трапезунда. К сожалению, следует признать, что нынешние греки до такой степени основательно забыли его, что с большим трудом можно отыскать теперь икону св. Евгения в церквах Трапезунда. Я принял меры к тому, чтобы изготовить образ трапезундского патрона на основании фрески в дворцовой церкви и древнейших трапезундских монет.

Считаю необходимым еще заметить, что в самой церкви св. Евгения (мечеть Ени-джума), в верхнем слое земли в алтаре, в насухо сложенном помещении из камней, оказались кости, которым я не мог не придать особенного значения в мыслях, что, быть может, здесь скрыты монахами взятые из раки мощи святого патрона города Трапезунда. Немного смущало меня лишь то, что в указанном помещении оказалось больше костей, чем следовало. К сведению тех лиц и учреждений, которым переданы мною в октябре 1917 г. под расписку эти реликвии, могу сообщить, что в церкви св. Евгения во время империи находились вместе с мощами патрона и останки сподвижников его: Кандидия, Валериана и Акилы. В этом удостоверяет Типик Дионисиатской библиотеки на Афоне № 448, в котором под 21 января находим заметку: «В этот день память прославленных святых великих мучеников Христа Евгения, Кандидия, Валериана и Акилы, которые почитаются в Трапезунде, где пребывают в сокровищной кладовой» (τη

⁵⁰ В свое время был зарисован головной убор на этой фигуре художником Н. К. Клуге.

αὕτη ἡμερα μνήμη των αγίων ενδόξων του Χρίστου μεγάλων μαρτύρων Ευγενίου, Κανδιδίου, Ουαλεριανοῦ καὶ Ακύλα, ὡν τα τίμια λείψανα εν τη Τραπεζοῦνα, ὡς άσυλος θησαυρός εναλόκειται)⁵¹. Нет ничего невероятного, что все святые, хранившиеся в этой церкви, были собраны и зарыты монахами в одном месте в алтаре и что именно все эти святые находятся теперь в митрополии.

ГЛАВА III. АНДРОНИК ГИД. ИМПЕРИЯ МЕЖДУ ТУРКАМИ-СЕЛЬДЖУКАМИ И МОНГОЛАМИ

В 1222 г., по смерти основателя империи, престол занимает Андроник Гид, его зять. За весь период существования империи это единственный случай перехода власти не по прямой линии; конечно, этому должны быть свои причины, остающиеся пока невыясненными.

Андронику Гиду, прозвание которого сохранилось и до сих пор в стране, выпала нелегкая задача выдержать опасный кризис, угрожавший империи, с одной стороны, от монгольского нашествия на Черноморские области, с другой — от нападения турок-сельджуков на Трапезунд. Между тем и другим есть внутренняя связь, которую нам предстоит здесь выяснить наряду с первостепенными и живейшими интересами, стоящими на пороге исторической жизни империи. Судя по тому, как будут поняты ее длительные жизненные задачи вновь создавшегося государства, должны были сложиться и отношения к соседям. К сожалению, история располагает скудными данными для воспроизведения истории Черноморских областей в первой половине XIII в. Трудно в настоящее время предоставить себе все значение постигшей тогда человечество катастрофы, и было бы чрезвычайно несогласно с условиями того времени думать, чтобы в период монгольского вторжения затронутые движением народы могли заниматься составлением мемуаров или отдать себе отчет в реальном значении событий, свидетелями коих они были. На истории стран, подвергшихся в первой половине XIII в. монгольскому погрому, лежит печать ужаса, и события, память о коих дошла до нас в сказаниях, составляют не реальные факты, а впечатления, переработанные в легенду. Исторiku нужно относиться к своему материалу, припоминая слова Хондемира⁵²: «Соловьи, поющие на лугах предания и разливающие песни свои по цветнику повествования, в ухо различных людей принесли следующую весть». Таков характер большинства известий о выступлении монголов.

Как показывает географическая карта, доступ в юго-восточную Европу для монголов возможен был двояким образом. С одной стороны — самый верный и прямой путь, который был избран Батыем, сыном Джучи. В 1227 г., в год смерти Чингис-хана и Джучи, этот путь еще не был монголами изведен, и, следовательно, Китань не сделался еще монгольским улусом, иначе грозный поход Батыя казался бы излишним. Правда, и восточная и русская летопись очень определенно выставляет и другой путь передвижения из Азии в область северных побережий Черного моря, именно через Кавказ. Этот путь избрал монгольский отряд под предводительством Чжэдэ и Субудая в 1221 — 1222 году; как известно, это движение монголов сопровождалось битвой при Калке. Было бы весьма важно точно обозначить мотивы и обстоятельства этого похода через Кавказские горы, равно его политические последствия, так как не подлежит сомнению обратное движение этих вождей, оставивших черноморские завоевания едва ли в таком положении, которое бы обеспечивало их спокойствие.

⁵¹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. III, ч. II. Петроград, 1917, с. 464.

⁵² История Хулагу, перевод Григорьева, с. 43.

Прежде чем входить в детали истории движения Чжэдэ и Субудая, которое не может быть рассматриваемо как самый обычный путь вторжения кочевых народов в юго-восточную Европу, мы должны принять в соображение несравненные выгоды того пути, какому следовал Батый. Если предполагать, что поход Батыею имел целью завоевание Западной Европы, то избранный им путь от верховьев Иртыша и западного Алтая должен быть признан очень правильным и наиболее легким. В самом деле, от китайских равнин до срединной Европы существует одно натуральное препятствие в серии гор от Гиндукуша и Гималаев до озера Байкал, которые разделяют долину бассейна рек Сыр и Аму-Дарьи, Оби и Иртыша от Тарима и Монголии. От Центральной Европы и России до Китая, пересекая упомянутую цепь гор, идет прямая дорога. Это настоящий караванный путь, знаменитая шелковая дорога, соединяющая Европу с Китаем. От Ферганы долиной Сыр-Дарьи путь идет на юг Небесных гор и ведет по Каспийскому и Аральскому морю, и здесь одна ветвь направляется к Персии, Армении Средиземному морю, другая к Русской равнине. Этими двумя дорогами во все времена ходили завоеватели и купцы⁵³.

У восточного писателя Ибн-ал-Асира находим весьма подробное описание движения монголов в рикавказские области в погоне за хорезмшахом. Нельзя не видеть у него также непосредственного увлечения изумления перед успехами нападающей стороны и к слабости защищающейся. Не больше, как в течение года они разгромили Персию, Азербайджан и Закавказье. Имея главной целью разгром хорезмийской империи, писатель, по-видимому, располагает хорошими материалами для своего предмета и передал весьма обильное количество военных фактов. Но напрасно стали бы мы искать у него логической последовательности и причинной связи между событиями. Почему, например, монголы, не удовлетворившись делами с хорезмшахом, пошли на север в Грузию, в Кавказские горы и далее? Ибн-аль-Асир не заинтересован поводами и причинами дальнейшего движения, он переходит от описания одного успеха к другому. Отряд грузин, которые оберегали от нападения свою землю и были разбиты наголову, искал спасения в бегстве, и страна была предоставлена победителю, который пошел далее через Дербентский проход на аланов, лезгин и другие народы тюркского происхождения, к которым примкнули кипчаки⁵⁴. Татары остановились, говорит арабский историк, в Кипчаки. Эта земля, обильная пастбищами зимой и летом, есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ и места теплые зимой также со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку: это город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря, и к нему пристают корабли... Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя в Судак, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Камджарелана.

Приведенное место о движении татар к Черноморскому побережью и в Крым и о завоевании Судака как торгового города с большим количеством иностранных кораблей, откуда крымское население могло частью спастись от татарского меча, — представляет собой вполне реальный факт, заимствованный автором из хорошего источника, и подтверждается местными данными⁵⁵. Но никак нельзя относиться с таким доверием к изложению других частей Ибн-аль-Асира того же самого движения в пределы русские. Повествование

⁵³ Rene Pinon, *Le peril jaune au XIII siecle* (Revue de Deux Mondes 1905, Mars). Автор говорит, что здесь, конечно, пройдет железная дорога между Европой и Китаем.

⁵⁴ Тизенгаузен. С. 22-25.

⁵⁵ Кулаковский. Прошлое Тавриды. С. 93, прим. I.

Ибнелъассира не дает такого представления о событиях, которое можно было бы считать за историческое. О нем следует думать не как о реальном факте, а как об искусственной комбинации событий, о которых у автора было в запасе несколько рассказов. Чтобы дать доказательство этого отношения к рассказу Ибн-ал-Асира, приведем одно место из повествования о поражении, нанесенном кипчакам и русским⁵⁶. «Их преследовало множество татар, убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ее опустела. Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей их разбился и потонул, спаслись только люди. Существовал такой обычай, что султану принадлежал тот корабль, который разбивался, и он забрал с него много вещей. Остальные корабли уцелели. Рассказывал мне об этом деле участвовавший в нем». За этим любопытным эпизодом следует рассказ о возвратном движении татар и о понесенном ими поражении от болгар, вследствие чего они должны были оставить землю кипчаков, которая от них освободилась. Мысль об освобождении от татар Черноморского побережья доказывается еще следующим фактом: пока монголы владели морским побережьем, прекратились торговые сношения с Крымом и из южнорусских степей не стало получаться обычных товаров; после же отступления татар торговля снова восстановилась.

Приведенное место может быть рассматриваемо как лучший образец исторического изложения автора и заслуживает во многих отношениях тщательного разбора, так как по этому образцу можно составить понятие о писателе.

В событиях, касающихся битвы русских князей с татарами при Калке, которым уделено много места в изложении русской истории⁵⁷ и которые дополняются известиями русской летописи, движение монголов к Черному морю и Крыму является неизбежным и вполне реальным фактом, если монголы прошли через Кавказские ущелья. Все, что касается подробностей выписанного выше места о Судаке и о спасении богатых граждан на иностранных судах, может подвергаться сомнениям и критике, так как выдает в себе или неосведомленность, или легкомысленное отношение к полученным от другого сведениям. Так, 1) ясно, что могли спастись только городские жители и купцы, местные и иностранные; 2) направление, в каком могли спастись беглецы, едва ли могло быть то, которое указывается у Ибн-ал-Асира, — страны мусульманские, под которыми следует понимать занятые сельджуками страны. Таких мест на Черном море было немного, и искать спасения в таких гаванях было рискованно. Нужно было искать спасения или в Трапезунде, или в гаванях, зависевших от Никейской империи; далее, 3) странное рассуждение предлагает писатель о береговом праве, по которому судно, терпевшее крушение у морских берегов, становится законной добычей береговых жителей. Товары, выброшенные вследствие крушения, точно так же достаются тем, кто воспользуется ими. И это право изложено у писателя спутанно, неправильно, и появление здесь султана вызывает крайнее недоразумение. Султан тогда мог быть один — сельджукский сул-ан со столицей в Икони, и притом право его на Черноморские области в то время весьма сомнительно по случаю начавшегося тогда переворота, произведенного монгольским вторжением. И любопытна прибавка автора, что он получил эти сведения от современника — участника в событиях.

В начале XIII в. побережья Черного моря легко могли представить спокойное пристанище для жителей северного побережья, искавших спасения от Монголов. Если восточные части не могли не вызывать опасений со стороны

⁵⁶ Тизенгаузен. С. 27.

⁵⁷ Соловьев. История России. Т. VI, гл. 6.

монголов, одержавших победу над хорезмшахом и продвинувшихся до Черного моря, то на северном побережье в Трапезунде и зависящих от него приморских городах, в особенности же в полосе владений Никейской империи и в Константинополе, недавно перешедшем во власть крестоносцев, торговое движение по Черному морю и сравнительная безопасность могла быть более гарантирована, чем в немногих городах, при-надлежавших сельджукам. Таким образом, слова Ибнелъассира о том, что крымские или, в частности, судакские жители, сев на иностранные корабли, стремились в мусульманские страны, чтобы найти там приют, и что крушение корабля случилось вблизи именно такой гавани, которая принадлежала сель-джукской власти, может найти себе объяснение скорее в национально-вероисповедных чувствах писателя, чем в действительном и фактическом распределении политических сил на побережьях Черного моря. Независимо, однако, от того, в мусульманские или греческие гавани естественнее было направиться судам, в которых большинство беженцев состояло из крымских жителей, важнее для нашей цели ограничиться здесь соображениями касательно исторической ценности самого известия. Ясное дело, что Ибн-ал-Асиру предстояло выбрать из рассказов, до него дошедших, по отношению к походу Чжэдэ и Субутая и обстоятельств бегства из Крыма населения, такие, которые наиболее подходили к его симпатиям, и что более этого мы не вправе требовать от его изложения. Если это заключение может найти признание среди интересующихся историческими исследованиями, то, конечно, на них лежит обязанность дальнейших углубленных изысканий и критических исследований, в особенности в тех областях монгольской истории, которые входят как составные элементы в русскую историю.

Давно уже признано, что хронология и география должны стоять во главе исторического изучения. Точной хронологии движения Субутая через Дербентское ущелье и определенной даты разграбления Крыма и крымских торговых городов мы не имеем; точно так же трудно сказать, пошли ли монголы на север прежде или после, предшествовала ли битва при Калке разграблению Кипчака и нападению на Крым или же нет. По всем соображениям, смерть хорезмшаха на острове Каспийского моря могла иметь место в 1221 г. Операция монголов с переходами через горы и столкновения с аланами и кипчаками могла потребовать не менее года. Следовательно, обстоятельства, касающиеся движения в Крыму, могут относиться не иначе как к 1223 г.; битва при Калке у Соловьева относится к 1224 г. Вообще нужно считать, что события, описанные у Ибн-ал-Асира, не могли иметь место ранее 1223-1224 гг.

Эти даты выдвигают в поле нашего зрения несколько однородный факт, происшедший в Трапезунде и записанный между чудесами св. Евгения Трапезундского. В изложении автора, принадлежавшего к высшим представителям трапезундского клира XIII в., относящийся сюда факт представлен следующим образом. В царствование Андроника Гида, в 1223 г. христианского летосчисления, судно, нагруженное драгоценными товарами, на котором находились и знатные представители Херсона, отправилось в Трапезунд с целью внести ежегодную дань императору от Херсона и Готских Климатов. Буря загнала судно в Синоп, находившийся в то время в подчинении у иконийского султана Гийяс-эд-дина, от лица которого в Синопе был губернатором Рейс-Хетум. Он завладел судном и бывшими на нем сокровищами и затем сделал нападение на Херсон и опустошил страну. Следствием этого была война между сельджукским султаном и императором трапезундским Андроником Гидом, которая и составляет предмет повествования трапезундского бытописателя⁵⁸.

⁵⁸ Пападопуло-Керамевс. Сборник источников по истории Трапезундской империи. 1897; *Johannis Lazaropuli Miracula S. Eugenii*.

Если на первое место поставить вопрос о сравнительной достоверности двух известий, относящихся к Крыму в 1223-1224 гг., то, конечно, предпочтение обеспечено за греческим сказанием. Не затрагивая пока вводных слов, предшествующих повествованию о войне сельджукского султана с Андроником Гидом, в ходе которой придается крупное значение помощи гения-покровителя Трапезунда св. Евгения, мы не можем не признать в изложении обстоятельств осады Трапезунда, равно как в ходе событий, много бытовых подробностей и местных вполне трапезундских намеков и указаний, которые придают этому рассказу вполне реальный характер свидетельства очевидца, хорошо осведомленного с предметом. Нельзя оспаривать основного положения, что южное побережье Черного моря находилось в то время в сравнительно большей зависимости от греков и латинян, чем от сельджуков. Весьма вероятно, что связь между северным и южным побережьем не прерывалась, будучи поддерживаема итальянскими торговыми судами, и что Трапезундская империя претендовала на то, чтобы зависимость Готских Климатов выражалась в посылке дани. Хотя корсарские набеги на черноморские берега не прекращались и, конечно, усилились при катастрофических событиях начала XIII в. и при монгольском продвижении к Крыму, тем не менее главное направление морских сношений и передвижений не выскользало из рук христианских народов. Это положение дел следует учитывать при обсуждении рассматриваемых известий. Восточный писатель, не имея точных сведений о положении дел на побережьях Черного моря и в желании не пренебречь сообщениями известий о крымских жителях, искавших спасения от монголов на морских судах, изложил свой взгляд на судьбу их согласно своим настроениям и симпатиям. Трапезундский писатель, хотя и осведомленный лучше о предмете, внес, однако, в описание того же обстоятельства, т. е. плавания греков, спасавшихся по Черному морю, политический и вместе патриотический элемент о дани, предназначенной для Андроника Гида, хотя в тогдашних обстоятельствах едва ли можно допустить такой способ внесения дани, как говорит писатель. По нашему мнению, оба эти известия, рисующие явления одинакового характера и того же самого времени и места, должны быть сопоставлены между собой и приведены к единой основной идее. Что касается того обстоятельства, что у восточного писателя идет речь о Судаке, у греческого — о Херсоне, то это видимое разноречие теряет на этот раз различие, потому что Судак, особенно у восточных писателей, доминирует над всеми городами Крыма, и даже самое море называется Судацким. Достаточно указать на дополнения и поправки у Тизенгаузена (с. 542—544), где сношения с Валахией производятся по морю Судацкому, где в договоре Михаила Палеолога с египетским султаном есть статья о купцах из земель Судацких, наконец, о послах из Египта в Золотую Орду «в эти края и на море Судацкое». Таким образом, термин «Судак» является в данном случае заместителем общего термина, относящегося к Крыму, и «Судацкий» равносителен слову Черноморский.

При общеизвестной скудости материала для истории Трапезундской империи мы не можем пренебрегать случайно попадающимися счастливыми исключениями, двумя-тремя на всем протяжении, содержание которых бросает яркий свет на некоторые отдельные стороны или отделы. Такое счастливое исключение представляет, между прочим, сокращенное сказание скевофилака Лазаря о чудесах св. Евгения. Этому сказанию мы обязаны тем обстоятельством, что о войне Андроника Гида с иконийским султаном в 1223 г. можем говорить не в общих чертах, а с известными подробностями. Эти последние касаются не только подробностей, какими вообще богаты жизнеописания святых или повествования о чудесах, т. е. подробностями, удовлетворяющими благочестивое настроение слушателя или читателя и вызывающими в нем чувство, но таких реальных черт, которые свойственны бытописателю, историку и географу. Ни об одном событии

Трапезундской истории мы не обладаем такими реальными подробностями, как в этом вопросе; ни один военный поход и военное дело не обставлено такими многочисленными указаниями местных имен. Эти столь драгоценные для нас местные имена касаются прежде всего движения турецких отрядов на трапезундскую территорию и главных стоянок султана перед опасными ущельями и горными проходами, характеризующими вообще природу страны и объясняющими ее малую доступность для врага. Далее, когда повествователь переходит к осаде турками Трапезунда, к перемещениям стана неприятелей с одного места на другое в поисках более слабого и легче доступного пункта, мы снова имеем дело с прекрасным знатоком местной топографии, обозначающим положение сторон, имена церквей и монастырей, направление улиц, отношение их к морскому берегу, к окружающим город горным вершинам и, наконец, к стенам. Все эти преимущества нашего единственного источника в занимающем нас походе обязывают нас сообщить его в точном переводе.

«Во второе лето правления почившего благолепного царя Андроника Гида в 6731 от сотворения мира [1123 н. э.] султан Мелик, сын великого султана Аладина, вместе с упомянутым Гидом дали взаимную клятву и пришли к соглашению не вступать в войну, но жить обоим странам в мире, так чтобы живущее вокруг укрепленных мест население пользовалось спокойствием. Но соглашение было нарушено вследствие неправильного поступка Рейс-Хетума, губернатора Синопа, подчиненного султану. Начало военных действий вызвано следующим случаем. Нагруженное собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находились, как заведующий казенными сборами Алексей Пактиари, так и некоторые херсонские архонты, шло по направлению в нашу сторону с целью уплаты царю Гиду годичного взноса. Но по случаю бурной погоды корабль был прибит к Синопу. Названный губернатор разграбил это судно, завладев находящимися на нем суммами, а равно пленив всех вместе с корабельщиками; кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности. Когда в Трапезунде было о том получено известие, царь, приняв в соображение варварское нападение и видя в этом нарушение договора со стороны султана и весь убыток, нанесенный поступком губернатора Синопа, снаряжает флот против Синопа и направляет туда вооруженные отряды. Флот пристал у Карусы и опустошил всю прилегающую страну даже до Синопской гавани. Найденные в гавани корабли взяты, часть экипажа перебита, другая пленена. Родственники этих последних и начальники морских судов восстали против губернатора и осыпали его ругательствами. Не обращая внимания на недовольство начальников судов, он снаряжает послов для заключения мира. После длинных переговоров в обмен на Алексея Пактиари и на то судно, на котором были сосредоточены денежные суммы, трапезундские корабли весело возвратились домой, унося с собой и ту добычу, которая была взята с крымских городов».

«Иконийский же султан Мелик, немедленно узнав о том, почел дело не терпящим отлагательства и послал в Малатию, чтобы пригласить военных вождей, сам же двинулся в Эрзерум и стал собирать войско и скоро достиг крепости Кельцины. Осведомившись о том, и могущественный царь начал собирать войско и, соединив все подвластные отряды, вышел против врагов. Он укрепил узкие проходы и все в соседних областях, пригласил союзников с их войском от Сотирополя и Лазини до Инея — цвет молодежи, отборных, сильных. Но убедившись, что и варварское войско многочисленно, царь прибегает к Госпоже и Владычице всего мира и Спасительнице всего христианского народа, святейшей всех святых Богородице Златоглавой и великомученику Евгению, и все умоляют о помощи. «Султан же, миновав местность Катукий, между Байбуртом и Заилусой, расположился там лагерем и стал допытываться от жителей Байбурта о

дороге, ведущей в Трапезунд. Они отвечали, что следует идти в обход Халдии, так как эта фема труднопроходима и имеет воинственное население. Но так как существовала тем не менее прямая дорога от знаменитого ущелья на Трапезунд, то султан избрал именно этот путь, приказал бить тревогу и отдал приказ, и в тот же день расположился у ущелья».

«Царь же Комнин отправил наблюдать за этим ущельем, находившимся над селением Хортокопи, известного полемарха Феодора с несколькими людьми, который нанес большой ущерб варварам при входе и выходе из ущелья. Другому отряду под начальством Георгия Акривициота поручено было занять недоступную местность у св. Меркурия. Сам же царь, будучи сведущ в военном деле и очень дальновиден, отделил для себя отряд в 500 мужей, вооруженных только щитами и копьями, двинулся к крепости Лавра и, снабдив ее гарнизоном, отступил к селению Верении, где со слезами и горячими молитвами прибег в обитель св. Григория, а оттуда спустился по реке до моста. Достигнув Дикесима (ныне Джавазлык), помолился в храме св. мученика Феодора на скале и просил его помощи. Во время божественной литургии полемарх Феодор донес царю, что отборный отряд варваров вступил в Дуверу, и просил его оставить храм и идти с войском. Но царь оставался в церкви до конца службы и приобщился Св. Тайн, потом сел на коня, стал во главе отряда и со словами: «С нами Бог, знайте народы и подчинитесь», с доверием пошел вперед и миновал мост. Варвары же, бывшие в передовом отряде в числе 2000, увидев, что царь идет с небольшим отрядом, поспешили за ним и, нагнав его в тамошней равнине, вступили в бой... Неприятельский передовой отряд, в опасении неизвестного пути и боясь засад, не выдержал нападения: одни в бегстве утонули в реке, другие погибли в сражении, иные же в страхе побежали. В это время Феодор полемарх оказал на варварах дела, достойные удивления и похвалы».

«Султан же, подошедши с главными войсками, когда узнал о поражении передового отряда, хотя сильно желал двинуться вперед, но не успел в этом. Ибо царь, предвидя это наступление многочисленных варваров, поспешил занять подъем к селению Сахное и отсюда дошел до укрепления Лавры. Отдав нужные распоряжения тамошним гарнизонам и укрепив подступы, сам он занял путь на Трапезунд. Но как и войска султана не успели вступить в сражение, то и они пошли по трапезундской дороге и раскинулись лагерем поблизости обители св. Евгения и вокруг цидатели».

«Итак, варвары бродили кругом города, и хотя были многочисленны, но Трапезунд со стороны стен был недоступен, что же касается помещения войска и населения, то не был вместителен, ибо он еще не имел стен, доходящих до моря. Эти стены построены были потом царем и внуком первого Великого Комнина Алексеем, носившим также имя Великого Комнина Алексея. Добрый царь Гид волновался вследствие того, что уничтожен был пожаром торговый квартал и что варвары со всех сторон теснили город. В сокрушении он обращал свои взоры к богородице, и, когда солнце склонялось к западу и наступала ночь, он выходил из дворца через малую угловую дверь св. Георгия Лимниота и, спустившись по укреплениям города, вступал в прекрасный и божественный храм всехвальной девы и воссылал богу и богоматери целоночные гимны и молитвы с горячими слезами. В это время при храме находился монах и почтенный иерей по имени Герасим, сильный духом, а не телом, посвященный в божественное; он разделял с царем молитвы и печаль. Так подвизался наш царь в ночное время, а дни проводил в сражениях с варварами».

«Спустя несколько дней, султан, обходя город, нашел его неприступным и подвергся большому обстрелу со стен. Но как с южной стороны города не было готового пути для нападающих, чтобы приблизиться и начать бой на самом главном театре, то он распорядился сделать наступление с другой стороны. Как бы

варварские силы ни сосредоточивались со стороны св. Евстратия и пролегающей выше большой дороги, в той же мере пополнялись против них защитники, выступавшие из ворот кремля, и отражали натиск. Нападавшие должны были всегда отступать и терпеть урон. Между тем стоявшие вдалеке на площади, называемой ныне Эм-фания, а равно части, расположенные в середине между монастырем св. Лонгина и св. Евгения, не будучи в состоянии из-за недоступной местности приблизиться и принять участие в сражении, без пользы оставались на месте».

«Но как город казался легче доступным со стороны морских ворот, где была равнина, то неприятели расположились с этой стороны с целью осады, обложив город, начиная от старого арсенала с древней верфи и св. Константина и всей приморской полосы до западной реки (Пиксит) и св. Варвары и ближайших мест. Трубаچی дали знак наступлению, раздался единодушный крик в рядах варваров. Начальники поставили ближе к стенам тяжеловооруженных, позади коих расположили пращников, камнеметателей, копейщиков и щитоносцев, а среди тех и других частей стенобитчиков. Когда началось сражение, царь и военачальники и отборные кавалеристы, заметив отряд людей возле храма, в нерешительном и робком настроении, открыли ворота святых сил и, надеясь на помощь свыше, выступили и стремительно на них бросились. Варвары же, не выдержав нападения, обратились вспять и побежали. Тогда наши напали на лагерь в местности Катуны и многих перебили, разграбили самые палатки и пожитки. Султан и его полководцы испугались, но потом оправились и сделали натиск. Тогда царь, заметив стремительное и совокупное нападение варваров, сделал поощрительное обращение к своему войску и приказал двинуться заранее приготовленной здесь коннице к храму св. Прокопия и, найдя там некоторую часть конных варваров, вступил с ними в бой. И хотя с той и другой стороны пали немногие, но из злейших варваров погибли наиболее знатные и особенно храбрые. Таковы Гийяс-эд-дин, двоюродный брат султана, Рейс Хетум, губернатор Синопа, виновник нарушения мирного договора между султаном и царем Гидом, и другие чины из Кельцины и Сиваса. На стороне греков пали также мужи именитые и отважные. Это были Георгий Торник, наш военачальник, Феодор Акривициот, Николай Калофет, Никита Фалавит и Иоанн Цанкси; супруга этого последнего, мужественная и благонравная женщина, пожертвовала в монастырь стасть Путцея на поминование.

Когда же варварское войско постепенно пришло в движение, царь спокойно перешел поток св. Георгия, где растут три ореховые деревья, и в безопасности возвратился в город. А султан, под влиянием неудачного исхода предприятия, в печали и раздражении, накинулся на божественный храм великого Евгения, приказал разрушить постройки и поспешил, несчастный и грубый человек, самую почву перевернуть и смести. Что же касается его войска, то оно, наподобие зверей, набросилось на город в надежде легко завладеть им. При звуках кимвалов, арабских свирелей и ливийских инструментов устремились варвары со стороны нагорной части к городу, к самым его воротам. Единодушный крик и варварский шум доходили до такой силы, что, казалось, началось земное колебание и небо валилось, и всех охватил ужас. В город летело столько стрел, что он покрылся как бы туманом; вместе с тем пускали копья и камни и другие снаряды, употребительные в военном деле. Защитники города метанием стрел с жаром отвечали на посылаемые против них орудия и несколько образумили неприятелей и ослабили силу стрел. Но затем храбрые лазы неожиданно появились за стенами города, сначала пехотинцы, пускавшие тучи стрел, за ними вся конница. Из неприятелей многие убиты, многие взяты в плен».

«Царь, принимая во внимание дикие, неукротимые и зверские нравы султана, не желал никоим образом прекращать сражение или дать некоторый

отдых войску; но он был обеспокоен судьбой городского населения, которое очень страдало от войска, от скопления народа и от тесноты в городе, ибо еще не была построена внешняя укрепленная стена от старой цитадели города, так что до самого моря место было открыто для неприятеля и самый морской берег был ему доступен; это печаливало царя и внушало ему страх. Будучи, однако, праведным мужем и боясь Бога, на него он возлагает надежду, молится и просит всемогущей божественной помощи, обходит стены кремля и взывает к Богу. Архиепископ с непорочной иконой Богородицы Одигитрии на плечах, настоятель монастыря с всечестной главой св. Евгения и избранная часть священного клира участвовали в процесии и восклицали: «Восстани, Господи, на помощь нам».

«На заре наступающего дня снова злейшие варвары напали с горной части города на кремль и пытались приблизиться к стенам. Султан же говорил горожанам такие слова: «Не обольщайтесь надеждами на вашего Бога и на своего великого Евгения; завтра и храм его предам пламени, и город возьму, ибо знаю, что у вас недостает съестных припасов и воды и что вы страдаете и в других отношениях». Услышав эти богохульные слова, царь сильно опечалился и горько заплакал. Но пришедши в себя, придумал следующее. Предложил прийти к нему в город некоторым из неприятелей с тем, чтобы заключить мирный договор в согласии с волей повелителя их. Они пришли и выразили такие предложения, которые были полны напыщенности и высокомерия. Царь же, затаив в сердцесказанное, ласково обошелся с ними и устроил им обильное угощение. Затем они сели на коней и проехали по городу Трапезунду, осмотрели войска, вьючных животных, видели быков, овец, запасы мяса, кухни, склады, наполненные сладостями, магазины с хлебом, погреба с вином, лавки с мясом, целые источники с водой и ключи, бьющие от ворот, ведущих к морю. Когда варвары прошли по городу и осмотрели все, он послал их назад. Они по возвращении доложили о всем виденном султану, который был этим очень опечален».

«Жители Халдии и обитатели области Мацука, получив сведения об успешном сопротивлении трапезундцев, воспрянули духом и, прибыв ночным временем, угнали военных коней из неприятельского стана, произвели расхищение, полон, а стражу разогнали, что страшно раздосадовало султана. Свой гнев он излил на храм св. Евгения: вошел в него надменно и с полным презрением и приказал поставить свою палатку возле раки святого; с ним расположились избранные воины. Коням было приказано стоять вне священной ограды, а внутри были допущены распутные женщины».

«Когда царь во храме Богородицы Златоглавой молился Богу и изливал потоки слез, услышал слова: «Андроник, твоя молитва принята». В то же время святой явился к султану и сказал: «Я начальник этого города, в моих руках ключи от ворот его. Я димарх города, мое имя Евгений. Меня послали граждане, и воины, и весь дим... Поспеши в город, где ожидают тебя».

«Была светлая ночь, неожиданно засверкала молния. Казалось, что пламя льется со всех четырех сторон вселенной; оно ослепляло зрение противников и поражало дух безбожных; вода поднималась, и гром был оглушительный, выпал сильный град, и сильный дождь падал в эту ночь на безумных... Варвары, пораженные происшедшим, рассеялись в разные стороны. Утратив сознание, одни по ошибке попадались в ущелье горы, другие же скакали на конях с горных утесов, считая, несчастные, утес за ровное место; одни, находясь у подошвы гор, снимали с себя доспехи и бросали их, другие умирали от холода. Такова-то была участь напавших на нас безбожных врагов. Вождь их султан Мелик, спасаясь бегством с отборной фалангой своей свиты, когда началось утро, прибыл в

кураторий у капалия⁵⁹. Осведомленные об этом некоторые мужи из жителей Мацуки прибыли сюда и взяли его в плен, в ознаменование чего построен на этом месте храм великому Евгению, сохранившийся и поныне».

«Царь, принеся молитвы и благодарение, вышел из города, обошел кругом палатки неприятеля, нашел их полными всякого имущества и совсем безлюдными. Греки овладели конями, оружием, оставленным в поспешном бегстве. Мацукаиты и жители Халдии скольких перебили беглецов в ущельях Тавра — разве может кто перечислить? Тогда же привели и пленного султана».

«Спустя несколько дней из Сурмена и других мест пришли варвары, бежавшие после сражения и попавшие в плен; все они обращены в рабство».

«Царь же собрал сенат и предложил на его решение вопрос о том, как поступить с султаном. Когда высказаны были мнения, последовало такое решение: «Отпустить его домой по доброй царской воле ввиду его высокого звания и расположения к нему турецкого народа». На пути же его устроить для него торжественную свиту для сопровождения в Иконию, Эрзерум, в страну Кармианскую и даже до Синопа, чтобы в мире возвратился в отечество. Когда было принято это решение, заключен мирный договор на том условии, чтобы на будущее время не посылать из Трапезунда военного вспомогательного отряда в знак признания зависимости от султана, не платить податей и не посылать даров. По заключении договора султан возвратился к себе с честью и с подобающей почетной охраной».

«Возвратившись в Иконию, султан не только исполнил то, на чем давал клятву, но стал ежегодно посылать арабских коней и другие важные приношения царю Андронику Гиду, распространять славу о чудесах святого и каждый год отправлять монастырю богатые подарки»⁶⁰.

Находясь между монголами и турками, Трапезунд, хотя и защищенный ущельями и горными укреплениями, недолго мог отстаивать свою самостоятельность. Пока еще не было сломлено преобладание хорезмшаха Джелал-ад-дина в соседстве с Трапезундской империей, сельджукский султан подвергался опасности со стороны Хорезма, и происходившие между ними столкновения не могли не держать в напряжении Трапезунд. Битва между сельджукским султаном и шахом при Ахлате, относимая к 1229-1230 г., сопровождалась поражением хорезмийской армии, в которой был и трапезундский отряд, и таким образом Андроник Гид должен был поплатиться за посылку помощи хорезмшаху и снова признать себя данником сельджуков. Умаление монгольского влияния в прикавказской области после 1231 г. и завоевания ими Грузии, новый удар, нанесенный Джелал-ад-дину, подготовил в лице монголов громадную военную силу, которая могла уже представить серьезную угрозу для самого Иконийского султана Ала-ад-дина. В ближайшее время, пока был жив Андроник Гид, турки-сельджуки удерживали свое владычество над Трапезундом, выражавшееся в форме уплаты дани и посылки вспомогательного отряда иконийскому султану. Уже во время Андроника Гиды, вследствие изменения торгового пути из Центральной Азии в Европу и других перемен, происшедших в отношениях между сельджуками-

⁵⁹ Прибыл в кураторий, находящийся около капалия (Φευγὼν περὶ τὴν καραλίαν – εἰς τὸ κουρατορειὸν ἀφικετο).

⁶⁰ Считаю необходимым присоединить в оригинале это место, имеющее важное археологическое значение: 131. 'Αφίγμενος τοίνυν εἰς Ἰκόνιον ὁ σουλτάνος οὐ τα συνήθη μόνον τῶν ὀνομασμένων συνθηκῶν ἐξεπλήρου, ἀλλὰ γε καὶ ἵππους ἀραβικοὺς καὶ ἄλλο τι τῶν ἐπιστήμων ἐπ' ἐνιαυτοὺς ἐπεπόμψει τῷ βασιλεῖ Ἀνδρονίκῳ τῷ Γίδῳ. τα δὲ τοῦ ἁγίου θαυμάσια ἀπανταχοῦ διεφήμιζε καὶ χρήματα κατ' ἔτος παρείχε δαψινῶς τῇ μονῇ τοῦ μάρτυρος, εἰτα ὁ βασιλεὺς θέλων ἀπονείμει τῇ θεοτόκῳ καὶ τῷ μάρτυρι τα εἰκότα, λίθους τίμιους καὶ μαργάρους λαμπροὺς, οὗς ἐκ τῆς λείας εἰλήφει Μελῆκ τοῦ σουλτάνου ἐκείνου, τῇ τιμῇ κεφαλῇ τῆς ἀχράντου στήλης τῆς παννυμνίου Θεοτόκου τῆς Χρυσοκεφάλου καὶ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ ἐν ἀγκάλαις αὐτῆς ἀνεχομένου, προσεκόλλασεν καὶ κατεκόσμησεν.

магометанами и монголами, Трапезунд воспользовался большими преимуществами, какие доставляло ему торговое положение в мировой торговле.

В 1235 г. по смерти Андроника престол занял Иоанн Аксук, правивший не более трех лет и умерший вследствие случайности во время модной на Востоке игры в поло, (В романе Paul Bourget «Outre Mer.», I, p. 89-90, дано подробное описание, хорошо знакомящее с этой игрой: «Большая часть общества, а равно и та молодая женщина, времяпрепровождение которой я описываю, собираются смотреть партию поло. Я отправляюсь с ними. Четверть часа водой, 20 минут в экипаже, и вот мы у входа в огражденное досками место, где происходит эта удивительная и опасная игра. Над нами возвышается откос, на котором собирается масса народа, чтобы извне смотреть на состязание. Это удовольствие в такой степени национально, обнаруживаемая в нем энергия и соединенная с ним опасность до такой степени соответствуют расе, что скромные ремесленники, например прачки, с 4 часов утра начинают свою работу, чтобы ранее окончить свою дневную работу и закончить здесь свое послеобеденное время. «Это великолепная игра, — говорила мне американка. — Двадцать лет назад молодые люди занимались только пьянством. Теперь, полюбив спорт и главным образом поло, они привыкли к воздержанию, чтобы не быть тяжелыми. Они мало едят, не пьянствуют. Без этого режима они не выдержали бы восьми дней». И действительно, стоит только вступить на покрытую травой площадь и посмотреть на игроков двух партий, как они с согнутой спиной сидят на конях, держа в правой свободной руке длинный деревянный шест, чтобы понять невозможность соединения такого мужественного упражнения с пьянством и невоздержанностью. Всего их восемь, они скачут на маленьких пони, крепких и бойких. Ноги, обутые в сапоги желтой кожи, в широкие панталоны, рубашка и 'шапка цвета партии — они все стремятся к белому шару, который катится по зеленой траве. Кони, покрытые потом, сами несутся за шаром, руководимые прекрасным пониманием животного, на котором так ловко сидит всадник, как будто он неотделим от лошади. Шар под ударом шеста, более искусный, чем прежние, отскочил на далекое пространство, за ним пустились обе партии, скача около экипажей, выстроенных в линию. Слышен стук копыт по утопанному газону. Зрителями овладевает легкое ощущение той дрожи, какая волнует нервы жителей Севильи, когда они смотрят состязание между быком и тореадором. Может быть, здесь представляется более реальная опасность, хотя внешность не так сурова. Я присутствовал не больше часа, и уже один из всадников валялся под ногами лошадей. Его сменил другой, но через 10 минут он получил прямо в лицо удар шестом. На моих глазах он слез с лошади, обливаясь кровью. Потеряв сознание, он потом пришел в себя и удалился с поло в сопровождении двоих своих друзей, причем никто не обратил на это особого внимания. Сожалели только о том, что партия осталась неоконченной».)

ГЛАВА IV. МАНУИЛ I И ИОАНН II (1238 – 1280)

Ряд Великих Комнинов, занимавших трапезундский престол вслед за Андроником Гидом и Иоанном Аксуком, продолжается лицами той же династии, хотя и не всегда в порядке определенного наследования от отца к сыну или старшему в семье. Было бы не совсем согласно с ходом событий пытаться излагать их историю по отдельным царствованиям, тем более что личные качества трапезундских Комнинов не отличаются характерными особенностями и не представляют таких черт, которые придавали бы им значение исторического типа. Большинство из них не выходят из ряда посредственностей, и они более или менее послушно следуют условиям создавшейся к их времени обстановки. Крайняя скудость сохранившихся известий не дает возможности вникнуть в

существо тех внутренних затруднений, с какими борются императоры, и выяснить, хотя бы в общем масштабе, те элементы, на кои опиралась их власть. Казалось бы, так естественно рассматривать империю в Трапезунде с точки зрения отдела Византийской империи, как это и наблюдается вообще в относящейся сюда литературе. Но при этом не принимаются в соображение местные особенности истории и этнографический характер населения, в котором эллинизм не занимал доминирующего положения. Следует хотя бы вспомнить древнюю историю Понта и направление политики понтийских царей, а равно особенности в языке трапезундских греков. Но главнейшее — до сих пор не отдается отчета в том важнейшем для истории Трапезунда явлении, которое представляет сама Трапезундская империя. В этом отношении нельзя не выдвинуть и не подчеркнуть с особенной настойчивостью те условия, которые в начале XIII в. и почти целое столетие после образования империи указывают на преобладание в Трапезунде местных, лазистанских тенденций, поддерживаемых из Тифлиса и имевших поддержку в симпатиях трапезундских царей.

От 1238 по 1263 г. во главе империи стоял второй сын основателя династии Великих Комнинов — Мануил I. Официальный историк Панарет, хотя не отметивший его царствование никаким конкретным фактом, признает за ним исключительные качества храброго и удачливого воина, из чего можно, по крайней мере, делать то заключение, что Мануил вел удачные войны, хотя с кем и когда — об этом можно лишь делать догадки.

За отсутствием местных известий, которыми можно было бы характеризовать важнейшие периоды Трапезундской истории, мы должны дать себе отчет в тех условиях внешней обстановки, в которой постоянно находилась империя. С начала второй половины XIII в., которая падает на время Мануила I, намечается в ближайшем соседстве с империей ряд событий, имевших произвести глубокий переворот в сложившихся к тому времени условиях политической и экономической жизни мусульманских и христианских народов на Ближнем Востоке. Разумею переход военного преобладания от господствовавших народов мусульманского вероисповедания с турками-сельджуками во главе к народам монгольско-татарского происхождения, объединенным под властью преемников Чингисхана. Маленькое государство, расположенное по южному берегу Черного моря от Батума до Синопа, не могло по многим причинам остаться незатронутым подразумеваемым переворотом, хотя счастливо избежало роковой опасности опустошения и порабощения.

Считаем необходимым бросить взгляд на два факта первостепенной важности с целью освещения времени Мануила I. Это, во-первых, образование четырех улусов по смерти Чингис-хана; во-вторых, падение Багдадского халифата (1258), давшее монголам религиозное и политическое преобладание среди мусульманского мира. Этими двумя событиями мирового значения обуславливается направление истории Трапезунда в половине XIII в.

Весь этот период Трапезундская империя выступала в качестве соперницы Никейской империи, притязания которой восстановить прежние пределы империи, нарушенные латинскими завоеваниями, сталкивались с не менее основательными трапезундскими стремлениями. Это обстоятельство выражается в разностях официального титула, употреблявшегося в Трапезунде в первый период империи и измененного впоследствии, когда Византия, до известной степени укрепленная в своей политической и церковной роли, могла настойчиво заявить свои притязания со времени вступления Михаила Палеолога в Константинополь. Тогда Трапезунд принужден был отказаться от нескольких слов в титуле, наносивших ущерб притязаниям Константинопольской империи возглавлять собою православный христианский мир. К этим взаимным притязаниям между той и другой империей мы должны будем возвратиться

несколько ниже. В настоящее же время ограничимся сказанным, чтобы отметить лишь в главных чертах направление событий.

Наступил, однако, крутой поворот в трапезундской политике, следствием которого были существенные перемены в настроениях руководящих политикой лиц. Прежняя партия военных и гражданских чинов, державшая в своих руках самые высшие придворные звания, постепенно уступает место лицам другой партии, причем эта смена сопровождалась актами чрезвычайной жестокости, насилия и гибели целых родов. Смерть и конфискации имущества постигали не только мужской состав гонимой партии, но и женщин. Рядом с этим усиливаются сношения с Константинополем, выступают притязания на опеку трапезундских Ком-нинов константинопольскими Палеологами, стремление всячески держать в зависимости династию Комнинов то посредством брачных связей, то при посредстве системы заложничества. Ясное дело, что наступил период разгрома прежней грузинской партии и переход влияния к эллинско-константинопольской. К сожалению, мы можем лишь наметить этот ход событий в общих чертах, не будучи в состоянии выяснить подробности, при каких происходило ослабление местного грузино-лазистанского влияния и усиление константинопольских палеологовских тенденций. Не подлежит, однако, сомнению тот капитальный факт, что со второй половины XIV в., когда мы можем считать совершившимся указанный перелом, направление истории Трапезундской империи пошло по другому руслу, вследствие чего дальнейшая судьба ее совпадает с событиями Византийской империи. Имеем в виду не только приближение к катастрофе, постигшей весь греческий мир, но и многие подробности и детали, ознакомление с которыми ослабляет у историка и мыслителя самое естественное чувство сожаления и сострадания к современникам эпохи оттоманского завоевания.

После 1230 г. монголы появились в Армении и стали угрожать иконийскому султану. Сопrotивление Гийяса-эд-дина Кей-Хюсрава II (1236-1245) не спасло султаната, и он должен был признать себя данником монголов. Хотя отдаленность Малой Азии от центра монгольской власти дала возможность эту зависимость свести к формальностям, в виде выплаты условленной подати, тем не менее монгольское завоевание существенно изменило существовавший доселе порядок в подчиненных туркам-сельджукам областях. Мелкие владетели в звании бэков, эмиров или ханов, управлявшие отдельными частями, при ослаблении иконийского султаната постепенно получили независимость от центральной власти и образовали в Малой Азии целый ряд небольших феодальных владений, находившихся в постоянной вражде одно с другим. Это именно обстоятельство, приносившее много вреда сельскому населению, подвергавшемуся набегам и опустошениям, создавало для христианских империй такую обстановку, благодаря которой она могла лавировать между враждебными течениями, заключая то политические, то родственные союзы с тем или иным эмиром и ослабляя тем опасность дружного и соединенного турецко-монгольского напора. В особенности трапезундские императоры отличались искусством приобретать себе друзей и союзников между мусульманами посредством браков, выдавая за местных эмиров своих красивых дочерей и сестер.

На фоне событий, развивающихся между 1235 г. (разумею образование четырех улусов) и 1261 г. (падение Багдадского халифата), на долю Мануила I отмечается несколько военных выступлений. Так, при движении монголов в 1244 г. (великий хан Угедей или Октей) получает значение битва при Kousadae, недалеко от Arcinga на границе Трапезундской империи, где нанесено поражение сельджукскому султану и его союзникам, между которыми был и Мануил I. С этого же времени нужно полагать начало вассальной зависимости его от монголов. В 1253 г. Рубрук дает об этом точные сведения. Очевидно, с целью выйти из вассальной зависимости, Мануил обращался с письмом к Людовику и просил его о

брачном союзе. Наконец, ему принадлежит постройка храма св. Софии неподалеку от Трапезунда.

Для царствования Мануила имеется официальный акт, сохранившийся в библиотеке Ватопедского монастыря на Афоне. При исключительной бедности источниками, афонский акт не должен оставаться неиспользованным, хотя бы значение его и казалось на первый взгляд слишком узким⁶¹. Это есть выписка из протокола патриаршего поместного собора от 1 января 1260 г., занимавшегося и вопросом о Трапезундской митрополии, заверенная хартофилаком Феодором Ксифилином⁶². Конечно, можно пожалеть, что не сохранилось всей деловой обстановки, которою были вызваны и наш акт, и соборное деяние, а между тем она могла бы ознакомить нас с политическими и церковными отношениями Трапезунда к Константинополю, а ранее того к Никее, когда Константинополь был еще в руках латинян. Тем не менее следует использовать хотя бы только намеки на деловую обстановку. Выписка, относящаяся к вопросу о Трапезунде, начинается с восхваления мира, превосходящего всякий ум. Читатель должен дополнить здесь рисуемую картину мира таким состоянием, которое нарушало мир, а это было прежде того времени, когда между Константинополем и Трапезундом улажен был церковный вопрос, составлявший предмет соборного суждения. Оказывается, что церковный вопрос не имел первостепенного значения во взаимных отношениях империй.

Вопрос ставился — и именно со стороны Константинополя — шире; в акте говорится об этом так: державный и святой самодержец, совокупляя все распавшиеся члены и части Ромейской империи⁶³, вместе со всеми другими пригласил к единению и владетеля Трапезунда, и подчиненных ему областей, возлюбленного двоюродного брата, благороднейшего, Великого Комнина и возлюбленного сына нашего смирения кир Мануила, и это не посредством переписки только, но через посольство. Всего же искреннее он настаивал на соединении его брачным родством с его царством.

Вот при каких условиях состоялось соборное суждение о церковном положении Трапезунда. В нашем акте читается по этому вопросу: «И поелику названный высокоблагороднейший великий Комнин и возлюбленный сын нашего смирения ходатайствовал перед нашим смирением и божественным и священным собором нашим об испрошении согласия державного и святого моего автократора на то, чтобы назначаемые в Трапезундскую митрополию архиереи, ради опасности морского путешествия, освобождались от необходимости являться к нашему смирению ради принятия от него рукоположения, но чтобы по благожелательному препоручению нашему получали и наречения и рукоположения на месте (т. е. в Трапезунде) от местного митрополита, как бы от нашего смирения⁶⁴. Обсудив этот вопрос и принимая в соображение, с одной стороны, то, что вызывается согласием на уступку определенного права, с другой же — на происходящую отсюда пользу, т. е. единение ромейского племени и вместе семейный союз, мы соглашаемся на настоящую уступку и делаем следующее определение. Когда наступает время наречения духовного жениха, Трапезундская митрополия сообщает об этом в Константинополь, в патриархию, которая посылает в Трапезунд одного из синодальных архиереев или кого-либо из церковных архонтов. В его присутствии и в присутствии одного из местных

⁶¹ Напечатан в Известиях Русского Арх. И-та в Константинополе, т. VIII, с. 163-171.

⁶² Характер акта, хотя и надписанного Επιστολή, т. е. письмо патриарха Никифора, не подлежит сомнению, ибо в заключении читается: ταύτα παρεκβλήθεντα από τῶν ἡμερησίων συνοδικῶν παρασημειώσεων, καὶ ὑπογραφί... и проч., т. е. извлечено из журналов синодских деяний и подписью и печатью заверено.

⁶³ Напомним, что начало 1260 г. совпадает с первыми месяцами вступления Михаила VIII Палеолога в Константинополь и выполнения греческой «великой идеи», на которую и делается намек.

⁶⁴ Здесь в тексте маленький пропуск.

архиереев, или местных митрополитов или епископов, с ведома царского уполномоченного и всего областного клира, под председательством митрополита происходит наречение имеющего быть избранным во епископы по каноническим положениям, а потом хиротония, которую совершает или посланный от патриарха, если он в архиерейском сане, или если не имеет этого сана, то другие. Вменяется в необходимую обязанность имеющих принимать там рукоположение архиереев подавать прежде рукоположения собственноручное изложение веры, т. е. святой символ. После же рукоположения обязываются во всех совершаемых ими церковных службах и священнослужениях возглашать имя нашего смирения, во свидетельство того, что и они находятся в единении с апостольским патриаршим престолом Константинополя по каноническим постановлениям. Трапезундский митрополит должен совершать хиротонию только в подчиненных ему епископиях и не имеет права совершать рукоположения митрополитов или архиепископов, ибо это право остается за константинопольским престолом. Если же сам трапезундский митрополит или другой из митрополитов позволил себе хиротонисовать митрополита или архиепископа без поручения или соизволения нашего смирения, то он подлежит каноническим наказаниям и прощениям».

Таково содержание акта, бросающего свет на отношения Трапезунда к Константинополю в царствование Мануила. Из него вытекает, что в 1260 г. был сомнительный мир между империями и что император Михаил Палеолог употреблял энергичные меры к восстановлению единения между Константинополем и Трапезундом; между прочим, предполагался брачный союз между Комнинами и Палеологами. Трапезунду сделана была важная уступка в смысле церковного управления. Именно, митрополиту Трапезунда было даровано право посвящать на месте нужных для митрополии епископов. Можно думать, принимая во внимание высказанный в акте мотив пользы и соблюдения единения, являющегося следствием этой уступки, что ранее уже практиковалось в Трапезунде то, что получило теперь формальное признание.

По отношению к выдвигаемому в акте родству между династиями можем указать на свидетельство Панарета, что у Мануила одна жена называлась Анна Ксилолая, другая — Ирина Сирикена и, наконец, третья — грузинка по имени Русудана, от которой родилась дочь Феодора, из чего следует, что брачного союза между трапезундским и константинопольским домом при Мануиле не было.

После Мануила, которому приписывается построение церкви и монастыря Св. Софии, хотя ныне не сохранилось следов его времени, отмечаемых в истории Финлея⁶⁵, правила один за другим два его сына, Андроник II и Георгий. От времени последнего отмечается довольно любопытный факт: во время похода его против турок-сельджуков, сделавших набег на пограничные области, Георгий был постыдно оставлен своими военными людьми и попал в плен к неприятелю.

Указанные в приведенном известии намеки приготавливают нас к исторической драме, начинавшей разыгрываться в последней четверти XIII в.

Ряд царей, начиная с Иоанна II (1266-1280), вступают на престол и сходят с исторической сцены, по-видимому, без всякого влияния на события. Требуется большая внимательность и настойчивая пытливость, чтобы распознать в этом ряду какой-либо исторический процесс и определенную государственную мысль. Великие Комнины сменяют один другого в последовательном порядке, но ничем себя не отмечают: как будто им приходилось править в спокойное время, как будто турки и монголы не угрожали постоянно маленькой христианской державе. На самом деле Трапезунд в указанный период должен был вести и внешнюю и внутреннюю борьбу, и последняя была так же важна, как и первая. Нужно принять в соображение, что Константинопольская империя с чувствами крайнего

⁶⁵ The history of Greece, p. 394-395.

недовольства смотрела на Трапезунд и никак не могла допустить равенства на императорский титул для трапезундских Комнинов. На официальном языке Константинополя трапезундский император никогда не носил подобного титула; ему усвоялось лишь звание лазистанского владетеля или властителя Трапезунда, иногда просто архонта; в присутствии царя он даже не имел права носить красную пурпуровую одежду и красную обувь. Но само собою разумеется, дело не ограничивалось подобными чисто внешними выражениями несочувствия к этой конкурирующей с Константинополем империи, а имело гораздо более широкую и чисто политическую постановку. Интрига, тайная работа через специальных агентов — слишком обычное и испытанное средство в руках византийского правительства, и оно с успехом пользовалось им в Трапезунде, и это с тем лучшими надеждами на успех, что агентами его были здесь официальные чины трапезундские как светских, так и церковных кругов. Интрига свила себе гнездо на почве, давно уже подготовленной, именно среди политических партий, развившихся в самом Трапезунде и к концу XIII и началу XIV в. представлявших собою уже большую общественную силу. Мы говорили выше о грузинском влиянии при дворе и в администрации, что подавало в Константинополе повод насмешливо называть Великих Комнинов лазистанскими властителями. На первых порах, т. е. до конца XIII в., трапезундские цари женились большею частью или на туземках, или на тифлисских принцессах. Первые попытки приводить в Трапезунд невест из Палеологовской династии знаменуют уже начало константинопольского засилья, встречая протест среди придворных кругов с преобладанием местных симпатий. В то же самое время происходит другое явление. Палеологи заявляют притязания на опеку династии трапезундских Комнинов с целью иметь возможность во всякое время наложить запрещение на то или иное распоряжение, которое не согласовалось с желаниями константинопольского правительства; многие члены из династии Комнинов проживали в Константинополе, конечно не по доброй воле, и выступали претендентами на власть в Трапезунде, когда это казалось полезным и нужным Палеологам или Кантакузинам. Намечаемое политическое раздвоение в Трапезунде не ограничивалось высшей политикой и дворцовыми партиями; к нему примыкали представители служилого сословия, преимущественно военные, а последние рекрутировались главнейше из местных и особенно грузинских элементов и частью из наемных отрядов, содержимых выходцами из Константинополя; понятно, что внутренние смуты и волнения возникали и быстро развивались на почве национальной исключительности и нерасположения к константинопольским грекам. Принимая во внимание сказанные обстоятельства, мы не должны преуменьшать значения известий о кровавой, беспощадной и неумолимой внутренней борьбе между партиями.

Иоанн II вступил на престол вслед за получением в столице известий о плене брата его и предшественника Георгия. Финлей (с. 397 и сл.) рисует картину перемен, происшедших в Трапезунде к этому времени, — именно старается выяснить зарождение политических партий и внутренних смут в империи. «Иоанн был юный и слабый человек, и вожди аристократической партии надеялись получить в свои руки значительную часть политических прав». Возникшие затруднения, в какие были поставлены Иоанн и его преемники, объясняются как состоянием общества, так и их собственной неспособностью и дурной администрацией, — таково утверждение Финлея. Но мы мало знаем действительную историю этого времени. Нужно глубже выяснить следствия сношений с Константинополем и усиление в Трапезунде эллинских тенденций, затронувших местные грузино-тифлисские и армянские предания.

После сделанных объяснений переходим к изложению скудного фактического материала, относящегося к периоду детей Мануила. В общем это

довольно бесцветный период, характеризующийся для Георгия тем, что во время войны с турками ему изменили бояре и он попал в плен, а для времени Иоанна — более сложными внешними и внутренними фактами, в которых, однако, нужно разбираться с большою осторожностью.

Прежде всего с особенным удовольствием сошлемся на одну из глав историка Пахимера, описавшего царствование Михаила Палеолога⁶⁶; в этой главе историк говорит исключительно об отношениях Константинополя к Трапезунду и дает прекрасный комментарий к указанному выше синодальному акту времени Мануила. Редко для истории Трапезунда имеем такое живое и реальное наблюдение очевидца; для занимающего нас здесь вопроса свидетельство Пахимера высокоценно, а потому мы передадим его с надлежащей полнотой.

«Для Михаила (Палеолога), — говорит он, — составляло заботу не только держать в границах должного повиновения своих близких, но и не имевших никакой связи с империей держать в установленных пределах, которые нельзя было бы преступать. Одних он принуждал к умеренности угрозой оружия — это тех, что пользовались автономностью по случайному стечению обстоятельств; они опытом познавали, как опасно преступать установленные границы и надменно относиться к правам империи. По отношению к «архонту» лазов Иоанну, который выставлял напоказ императорские инсигнии, хотя не имел никакого участия в царском достоинстве, частыми посольствами ставил на вид, что ему невозбранно пользоваться по своему усмотрению правом властителя, но пусть остерегается злоупотреблять императорским именем и регалиями. Ибо неблагоприлично, чтобы в то время как он, будучи настоящим носителем императорской власти и притом занимая царский престол в царственном городе, допускал, чтобы в то же время и некоторые другие лица позволяли себе величаться этим величайшим достоинством; часть должна согласоваться с целым и не привносить смещения в царский чин. Варвар надмевался и пренебрегал внушениями и притворно прикрывался предлогом, что не с него началось это, но принято от предков, и еще ссылался на то, что приближенные чины не позволят ему обесчестить отеческое достоинство, унаследованное им от предков, что это бесчестие падет и на них в том случае, если он поступится частью императорских привилегий. Для того, кто имеет высшие преимущества, ни красная обувь, ни царское имя не могут быть соблазнительны, а таковы суть, по его словам, высший почет от подчиненных, рабское унижение, договорные соглашения вовне и притом благоприятные во всех отношениях».

«Император решился применить к Иоанну другую систему, как к человеку, принявшему власть в юношеском возрасте. Он задумал привлечь его к себе посредством брачного союза и через то отвлечь подозрения, будто задумывает унижить Трапезундскую империю и вместе с тем угрожает изменением царственных его привилегий (ибо было бы нелепо предположить, чтобы кто-либо желал постыдно нарушить права своих собственных детей). Для этого он поручил посольство в Трапезунд вельможам и мудрым мужам, дабы, с одной стороны, самим авторитетом доверенных лиц усилить ценность передаваемых речей, с другой — чтобы ум и известность их служила порукой, что слова их искренни и устраняют всякое сомнение. Был отправлен к нему великий логофет Георгий Акрополит⁶⁷ и великий эконо́м великой церкви Ксифилин, которые имели предложить Иоанну брачный союз с третьей дочерью царя, Евдокией. На их же обязанности было убедить Иоанна и его приближенных, чтобы последние советовали молодому человеку предпринять путешествие в Константинополь с полной уверенностью и с надеждой на добрый прием и успех. Таковы были

⁶⁶ Georgii Pachymeris de Mich. Palaeologo lib. VI, c. 34, p. 519. Bonnae.

⁶⁷ Это действительно весьма авторитетный сотрудник Михаила Палеолога, умерший в 1282 г.

намерения царя; трапезундские же вельможи ни сами не соглашались на путешествие, ни своему царю не советовали это. С давних времен, говорили они, цари их женились на иностранках из соседних стран, не выходя сами из пределов своей страны, так как на царя все смотрели как на божественное существо и себя ставили относительно его в скромное положение. Как ни старались послы убедить, но на все свои доводы встречали возражения и должны были возвратиться без успеха».

«Но царь не терял надежды; он снова и неоднократно отправлял посольства то с угрозами, то с ласковыми обещаниями, убеждая решиться на путешествие. Наконец он посылает логофета собственного двора Иатропуло и вместе с ним церковного клирика, одного — как авторитетное лицо, ручающееся за обещания царя при передаче важного поручения, другого же для большей верности речей, дабы присоединением посредства церкви, которая не имеет обычая, как он и сам утверждал, изменять своему слову, и, с устранением всех поводов к недоверию, из самых дел ясно было, мог ли император в одно и то же время и усыновить его, и желать ему зла. На этом пришли к соглашению и дали клятву на том, что Иоанн, женившись на дочери царя, возвратится с большими почестями и что приближенным его оказан будет милостивый прием. После этого сели на большой корабль и отправились в Константинополь. Царь в это время не был дома, а находился в Лопадии. На границе Византийской империи Иоанну было доложено, что сопровождавшие его послы из Константинополя требуют, чтобы он переменил красную обувь на темную, что скоро царь постановит решение об его привилегиях, ибо постановлено, что он возложит на себя символы звания деспота, как скоро сделается сыном царя, и будет ими с честью пользоваться; что же касается употребления красной обуви и двухцветной порфиры, это и вообще было бы некрасиво и, кроме того, неудобно царю. Сказав это и настояв на исполнении требования, прибыли к столице. В Золотом Роге вышли из корабля и были пышно приняты в одном из городских домов. Спустя несколько дней получили приказание отправиться в Лопадии. С должным почетом принятые там, снова возвратились в Константинополь, так как царя побуждали спешить и брак дочери, и полученное известие о выступлении тохаров (т. е. монголов). В конце месяца сентября происходило бракосочетание дочери. Трапезундскому царю пришлось долго гостить в Константинополе».

Едва ли гостеприимство было для него приятно после всех оскорбительных для него сцен с переодеванием. По свидетельству Панарета, он возвратился в Трапезунд 25 апреля 1284 г. с беременной женой. В том же году родился от брака с греческой принцессой сын Алексей.

У того же историка Пахимера об Иоанне⁶⁸ имеется еще несколько слов: «В 1297 г. умер Иоанн, повелитель лазов, зять царя, как говорено выше. Он оставил двух сыновей, из которых Алексей получил отцовскую власть, младшего же сына мать его взяла с собой в Константинополь, куда отправилась к своему брату и царю».

В связи с изложенным путешествием царя Иоанна в Константинополь следует рассматривать и другие сохранившиеся известия как об отношениях между константинопольским и трапезундским дворами, так и некоторые другие, доселе не получившие достаточного освещения.

Во время, более чем было нужно продолжительное, его пребывания в Константинополе, в Трапезунде происходили такие события, которые требовали присутствия на месте самого царя. Только крайняя скудость известий заставляет нас с осторожностью относиться к некоторым фактам, оставляя их без надлежащего освещения. Само собою разумеется, наше внимание обращают на

⁶⁸ Pachymeris, II, lib. III, c. 29 (p. 270 Bonnæ).

себя те обстоятельства, в которых может читаться намек на то, как в это время могла реагировать Грузия на попытки Палеологов наложить руку на Трапезунд.

Летопись отмечает нападение на Трапезунд грузинского царя Давида, опустошение им страны и осаду столицы. Еще более энергичное вмешательство в судьбы Трапезунда последовало с другой стороны. Сестра Иоанна, по имени Феодора, бывшая в замужестве за грузинским князем Руссуданом, воспользовавшись внутренними смутами в Трапезундской империи и, как следует думать, вакантностью трона, собрала войско и завладела в Трапезунде властью. Это было в 1285 г. Неизвестно, сколько времени она была во главе империи и при каких условиях уступила свою власть Иоанну, который снова занял престол и, как известно, умер в Лимниях в 1297 г. Важно при этом заметить, что мы присутствуем при энергичных попытках со стороны Константинополя и Тифлиса удержать в Трапезунде каждому свою партию. В связи с этим следует предполагать внутреннее брожение между трапезундскими военными и гражданскими служилыми чинами, бурная политическая роль которых обнаруживается позже.

На то же время Иоанна падает восстание под предводительством Пападопула, о котором мы лишены подробностей. Гораздо серьезнее было для Иоанна освобождение из плена Георгия, его брата, который тоже имел приверженцев и пытался завладеть престолом. Впрочем, между братьями состоялось, по-видимому, соглашение в том смысле, что Георгию предоставлено было право пользоваться внешними атрибутами царского титула.

Следствия непрерывных домашних революций и гражданской войны могут быть легко поняты, но причины последних неясны. Одним из непосредственных последствий была утрата большой и важной провинции, Халивии, с ее удивительными металлическими залежами, из коих со времен аргонавтов местные жители добывали железо, составляющее предмет местной индустрии. Туркмены, пользуясь смутами в Трапезунде, изгнали значительную часть прежнего населения и обратили эту область в пастбище для своих стад.

Иоанн II в Европе пользовался славой, далеко не соответствовавшей его реальному положению. Титул императора покрывал его слабость, а расстояние скрывало малое протяжение его владений за линией морских прибрежных областей. Папа Николай IV приглашал его принять участие в крестовом походе для возвращения Птолемаиды. Иоанну было не до этих предприятий: он должен был остерегаться домашних движений и принимать меры против туркменорды Черных Баранов.

ГЛАВА V. КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТРАПЕЗУНДА. КОНЕЦ XIII И НАЧАЛО XIV В.

За Иоанном следовал его сын Алексей II, и в таком юном возрасте, который устраняет всякую мысль о самостоятельной политике. Поэтому показательное известие Панарета, что он женился на грузинке, дочери Бека (тог) Пекби), из которого ясно, что при конце жизни отца его возобладало влияние в Трапезунде местных интересов и что вместе с тем военное положение в войнах с туркменами склонилось в пользу империи. Продолжительное правление Алексея II (1297-1330) также обильно всяческими интригами и насильственными мерами со стороны Палеологов с целью осуществить свое влияние и авторитет в маленькой империи. На этот раз выдвинута была новая фикция, за которой в Трапезунде не признавали значения и которая, по нашему крайнему разумению, составляла константинопольский вымысел: будто бы царь Иоанн назначил императора Андроника II Палеолога опекуном над Алексеем II и вместе с тем предоставил ему некоторое право над его племянником. Нет никаких оснований видеть в фикции

этой опекичего-либо другого, кроме заветной мысли Палеолога, для осуществления которой он прибегает к всевозможным ухищрениям. К сожалению, у национального историка Великих Комнинов на это обращено мало внимания; зато из слов историка Пахимера ясно, что такова была излюбленная политика по отношению к Трапезунду. «Царь, — говорит Пахимер (II, р. 287), — желая доставить удовольствие канцлеру Хумну, как верному слуге и искуснейшему в своем ведомстве, притом же располагавшему громадным приданым для своей дочери, задумал сочетать ее браком с лазским юношей Алексеем, которого был опекуном по завещанию отца и которого мать, сестра его, была тогда в Константинополе. Он считал этот брак полезным не только для самого Алексея, но и для эллинских интересов, и в то же время этим он угождал своему человеку, соединяя его с высоким родом, и заручался его преданностью. Он так настойчиво проводил свое намерение к осуществлению, что с тех же пор украсил дочь Хумна отличиями деспины и объявил невестой Алексея. И мать согласилась на этот брачный союз и, одобряя царское решение, думала отправиться к сыну и приготовить его к браку. Но он или по чьему-то внушению не был склонен к этому браку, или по иным соображениям, пришедшим ему, поспешно женился на одной грузинке знатного происхождения. Узнав об этом, царь громко выражал неодобрение, ссылаясь на законы и на свои права опекуна. Он вознамерился расторгнуть брак с грузинкой, выставляя на это следующие основания: свои отцовские права по отношению к Алексею и вместе с тем обязательства по завещанию, а равно императорские и родовые привилегии. И не самовластно или по царскому приказу думал он осуществить этот проект, но не менее того с согласия и определения церкви. Поэтому в сношениях с патриархом и его синодом, ссылаясь на царское и отцовское право и вместе с тем выдвигая свои опекунские обязанности по отношению к молодому человеку, недействительным и противозаконным старался выставить этот союз с грузинкой и считал справедливым расторгнуть брак, как состоявшийся против его воли. Когда в синоде стал обсуждаться этот вопрос, некоторые из архиереев, придерживаясь точного смысла законов, соглашались с царским мнением, патриарх же и большинство членов твердо отстаивали противоположную мысль, между прочим и потому, что, как стало известно, грузинка была уже беременна от Алексея. Мать же Алексея, желая возвратиться домой, казалось, поддерживала надежды канцлера, говоря, что лично она скорее успеет в расторжении брака, чем если будет давать знать о своих желаниях через других, ибо надеется убедить своего сына личным словом, а не через переписку, и таким образом сделать его послушным царской воле. Последовало разрешение царя, и она отправилась морем в Трапезунд. А как она по возвращении не исполнила того, что обещала, это можно было видеть на месте. На практике оказалось, что, предпринимая путь для расторжения брака, в действительности она все сделала в обратном смысле, сведя на сына всю ответственность за неповиновение царю».

Мы не можем не настаивать на той мысли, что константинопольско-трапезундские отношения сложились весьма неблагоприятно вследствие настойчивого желания Палеологов держать Трапезунд в своем подчинении, между тем так симпатии Великих Комнинов и трапезундских бояр, а равно политические интересы Трапезундской империи склонялись более на сторону союзов и связей с восточными соседями, преимущественно с грузинами. На этой почве возникли всяческие осложнения, которые нуждаются в выяснении.

Период, отмеченный правлением Алексея II, можно рассматривать как время ослабления константинопольского влияния. Это доказывается как неудачей брачного проекта, так и прекращением новых попыток к утверждению в Трапезунде исключительно национальных эллинских тенденций. Рядом с этим следует отметить несколько реальных успехов в достижении обеспеченности

Трапезунда против туркменских нападений. Особенно успешны были принятые Алексеем II меры к ослаблению вреда, наносимого синопскими корсарами как на море, так в особенности береговым селениям, которые подвергались грабежам и хищениям. Памятники Вазелонского монастыря дают в этом отношении красноречивое свидетельство бедственного положения сельского населения, у которого многие члены семьи попадали в плен, вследствие чего приходило в расстройство хозяйство и прежние культурные места обращались в пастбища для скота. Несомненно, громадную услугу оказал царь своим предприятием защитить стеной третью часть города, именно восточную, которая особенно страдала от грабежей и пожаров. Новая стена, оконченная, как свидетельствует сохранившаяся надпись, в 1324 г., имела целью защитить восточную часть города от моста через ров до самого моря. С тех пор в случае приближения неприятеля и высадки его жители города обеспечены были тем, что обширное ровное пространство, включенное в черту города и окруженное стеной, давало возможность искать приюта за стенами значительной части даже и пригородных деревень.

В пользу личных качеств царя Алексея говорит и более или менее благоприятное устройство отношений с итальянскими торговыми республиками. Это вопрос громадной важности во всей истории Трапезунда; в целях сбережения места мы должны сослаться на соответствующие места сочинения Гейда⁶⁹.

У Алексея II было четыре сына, из них старшие Андроник и Василий, за которыми следовали еще два⁷⁰. Этот наиболее интересный, хотя по многим основаниям также и трагический период трапезундской истории, позволяет понять до некоторой степени лишь установленная выше точка зрения на борьбу влияний в Трапезунде, константинопольского и тифлисского. Как можно догадываться, со смертью Алексея (1297 г.) наступил последний и решительный момент схватки между партиями, причем в борьбе за политическое влияние приняли участие служилое и поместное сословие Трапезундской империи, взаимная ожесточенная и кровопролитная война между которыми могла окончиться только после истребления одной из партий.

Чтобы последовавшая за смертью Алексея II картина сменяющихся быстро событий выступила перед нами в должном освещении, мы должны сопоставить несколько однородных фактов, дав им необходимое освещение.

И прежде всего под 1333 г. у Панарета находим следующее известие: «22 сентября в понедельник прибыл из Константинополя великий Комнин царь Василий и принял царскую власть». Почему он жил в Константинополе, почему не вступил на престол еще в 1330 г. по смерти старшего брата Андроника, наконец, как он избежал той же судьбы, какая постигла его младших братьев? Все эти недоумения должны быть разрешены по догадкам. В Трапезунде, по-видимому, место для него было готово, и не может быть сомнения, что он был кандидатом Палеологов, хотя, конечно, были и другие кандидаты, но в то время они не имели силы. Какая была партия, которая могла выступить против Василия и его приверженцев, ясно из первых действий Василия. Подвергаются казни два крупных государственных мужа: великий дука Леки Чанцичей и сын его, великий доместик Чампа. Это были первые чины государства; первый управлял обширной областью на правах военного и гражданского губернатора, второй стоял во главе трапезундского войска. Ясное дело, что в их руках была вся власть до прибытия Василия, в период восьмимесячного управления малолетнего Мануила. Характеризует Василия и то, что племянника своего он заключил под стражу, а

⁶⁹ Heyd-Raynand, *Histoire du Commerce du Levant au Moyen-age*, Leipzig, 1886.

⁷⁰ Мануил и Георгий, убитые старшим братом Андроником. Панарет дает Мануилу прозвание тов 'Αζαχουτλουv, а Георгию — тоу 'Αχλουvαν.

через несколько месяцев лишил жизни. Что воцарение Василия не было мирным актом, а революционным, прекрасное доказательство этого мы усматриваем в дополнительном сведении летописца: жена великого дуки из семьи Скрикяна была побита камнями. Но весь драматизм положения раскрывают неэллинские имена жертв, в которых нужно видеть вождей партии, враждебной константинопольской. Таким образом, не подлежит сомнению тот кардинальный в занимающей нас истории факт, в котором нельзя не усматривать не менее вредной для Трапезундской империи политической обстановки, чем обстановка, вытекавшая из соседства с туркменскими владениями. Эта очень горячая родственная опека, которая так настойчиво проводилась в отношениях к Трапезунду и которая в случае нужды поддерживалась эмиссарами из династии Великих Комнинов, проживавших в качестве заложников в Константинополе, находила себе противодействие частью в самой династии, частью в высших правительственных лицах, которые и делаются жертвами политической реакции.

Мы подчеркиваем это положение дел как потому, что в нем заключается большой трагизм трапезундской династии, так еще и вследствие того обстоятельства, что в нем заключается ключ к объяснению политической судьбы империи. Тесный союз с Константинополем для нее всегда был менее выгоден и полезен, чем родственные и политические связи с соседними мусульманскими властителями. Независимо от вышесказанного, константинопольская интрига производила большие опустошения в среде высших чинов военного и гражданского служилого класса.

Финлей (с. 417 и сл.) весьма живо описывает внутреннюю смуту, разъедавшую Трапезунд в течение 20-25 лет. Но, по нашему мнению, им неправильно понята и объяснена причина этой упорной смуты, вследствие чего допущено им много произвольных, малообоснованных заключений. В самом деле, едва ли следует все зло видеть там, где указывает его английский историк, т. е. в испорченности высших классов и народа: «Никакие меры, — говорит он, — не казались чересчур сильными, если имелось в виду достижение богатства и власти при помощи гражданских смут или убийства. Руководители различных партий возбуждали народ к волнениям и подстрекали к бунту с целью удовлетворения собственного честолюбия. Как скоро умер Андроник, министры, духовенство, вельможи, губернаторы провинций и полководцы начали интриговать один против другого, с целью получить единоличное влияние в центральном управлении и распоряжение всеми придворными ведомствами. Это был благоприятный момент для туркменов, чтобы сделать нападение на империю. Но при политической внешней опасности все партии одушевлены были желанием выиграть на популярности и выявить особенный патриотизм в защите отечественной земли. И туркмены в 1332 г. испытали полное поражение при Осомато, потеряв большую часть лошадей и багаж. Тем не менее в городе продолжались интриги и борьба партий. Чтобы положить конец анархии, из Константинополя был приглашен на царство второй сын Алексея II, Василий. Он прибыл в Трапезунд в сентябре 1333 г. и был провозглашен царем. Мануил низложен, и его восьмимесячное правление служило лишь ареной для всяких беспорядков и насилий. Началось новое восстание под водительством одного евнуха, носившего звание великого дуки, и Мануил был убит в этом движении.

«Царствование его продолжалось 7 1/2 лет. Оно знаменуется проявлением необыкновенного своеволия и независимого положения высших чинов, каковое они получили во время предыдущей анархии. Главные провинциальные чины приобрели ранг маленьких суверенов и, пользуясь богатством и влиянием, стали во главе столичных партий. Схоларии, или привилегированная милиция, приобрели устройство и степень влияния подобно оттоманским янычарам. Император оказался в необходимости окружить себя отрядом франков, грузин и

византийцев, которым доверил охрану цитадели и дворца. Их дерзость и хищения усиливали непопулярность правительства».

Василий был женат на Ирине, незаконной дочери византийского императора Андроника III. Его личное поведение вызывало общественное недовольство. Случившееся в его время затмение солнца народ объяснял как знак божественного гнева и проявил свое нерасположение к царю оскорблением и бросанием камней. Ирина была бездетна. Василий жил в открытой связи с местной женщиной, носившей также имя Ирины, от которой имел двух сыновей. Он желал им передать наследство власти и вступил в законный брак со своей любовницей в 1339 г., в месяце июле. В следующем году он умер. Об Ирине Палеолог, законной жене Василия, было мнение, что она не без вины в смерти мужа. Она была объявлена правительницей империи. Утвердившись во власти, она сослала своих соперников и сыновей мужа в Константинополь с просьбой содержать их в качестве заложников. Но в Трапезунде продолжались смуты. Предлагаем выдержку из истории Никифора Григоры, современного писателя, который делает следующую оценку событий⁷¹.

«Из лиц, принадлежавших к сенаторскому сословию в этой стране, наиболее могущественные блеском славы и силой богатства придерживались своего плана. Дабы получить свободу издевательства над властью и вести и направлять тамошние дела так, как внушает им произвол, они принимают на себя личину приглашения занять царство одного из незаконных сыновей Василия. Вследствие чего, когда Комнин высадился в Трапезунде, они не нашли удобным прямо обнаружить на деле свои планы, дабы, поняв их намерения, городской дим не оказал им сопротивления, тем более что он имел опору в двух недавно прибывших с Комнином латинских кораблях, но, немедленно приняв его с должным почетом, препроводили в царский дворец. С наступлением же вечера заключили его во дворце как в темнице, а из приставленного к нему простого народа, кто не успел спастись бегством на военные корабли, одних посекали мечом, других посадили в темницу, а на следующий день его самого отправили морем под стражу к евноху, принадлежавшему к партии сенаторского сословия и в то время командовавшему крепостью Лимнии, которая отстояла на 200 почти стадий от митрополии Трапезунда. Следствием таких обстоятельств дела империи, сосредоточившиеся в руках двух или трех сенаторов, велись небрежно и в полной тайне, а днем выражалось недоброжелательство или замышлялся бунт. Но так как те, которым удалось избежать этой опасности, возвратились в Константинополь, а это были из партии (γενοὺς) схоляриев, их заботой было всемерно мстить тем насильникам. Почему, действуя в Константинополе на царицу Анну словами и всяческими обещаниями, убедили ее дать им на Трапезундскую империю сына царя Михаила Комнина, которому шел тогда 20-й год.

Наняв три латинских корабля и взяв с собой царевича, на десятый день они вошли в трапезундскую гавань. А как находившиеся в городе прежние повстанцы выступили с оружием, то начался против них бунт дима, и совокупными усилиями латинского отряда извне городские ворота были взломаны, и без всякого труда повстанцы были побеждены и имущества их разграблены».

«Итак, когда власть перешла на сына Комнина и схолярии, виновники переворота, достигли громадной силы, их постигло воздаяние за содеянные им прежде злодеяния. Главные виновники, двое первых по достоинству и славе, поплатились жизнью и имуществом, а занимавшие вторую и третью степень присуждены были к пожизненному изгнанию. Но не прошло и трех полных лет, как был низвержен и новый властитель. Ибо, нимало не обращая внимания на убеждения старых схоляриев, он предпочитал общество сверстников, составлял с

⁷¹ Nicephori Gregorae Byzant. Hist. p. 680.

ними тайные сообщества, проводил с ними в пирах и попойках ночи и дни, наслаждаясь обществом женщин, игравших на цитрах и плясавших, и расточал на них царскую казну Трапезундской империи. Недовольные этим схолярии возвратили содержавшегося в Лимниях отца молодого государя, Михаила Комнина — ибо стерегущий его там евнух умер — и восстановили его на царском троне, а того беспокойного отправили в узах под стражу в Византию».

«Получив власть, Михаил Комнин выполнял обязательства, данные под клятвой. Сущность же соглашений, скрепленных клятвой, в какие он вступил со схоляриями, содействовавшими возведению его на трон и приобретшими могущество выше других сенаторов, которое равнялось с царским, состояла в следующем. Он сохранял лишь титул императора, во всех же исполнительных делах они были советниками и решителями и имели главное и неограниченное полномочие как в публичных, так и в тайных делах. С течением времени их самовольные действия, с одной стороны, восстановили против них дим, с другой же — и враждебная ослабленная партия начала постепенно усиливаться и стала на сторону дима в борьбе; тогда начались ссоры и взаимная вражда, приведшая обе партии к сознанию необходимости усиления императорской власти Михаила Комнина. Вследствие этого он утвердил за собой верховную власть, так как никто не препятствовал ему осуществить свое решение».

В другом месте у того же писателя читаем (I, p. 548 и след.):

«Этой весной Василий, властвовавший в Трапезунде, скончался после кратковременной болезни; может быть, божественный гнев неожиданно изъял его из живых. Ибо, женившись на Ирине, сестре царя, и пожив с ней короткое время в законе и согласии, затем перенес расположение на любовницу, именем также Ирину. Находясь с ней в незаконном сожитии, возненавидел законную супругу. С течением же времени замечая, что царица не может примириться с фальшивым положением, но взывает к небу и земле и всем выражает свое сердечное горе, он изгнал ее из царского дворца. Он не остановился бы и перед причинением ей насильственной смерти, если бы не боялся дима, который выражал по этому случаю сильное против него негодование и волновался. В церковных песнопениях, в праздничных торжествах и в публичных зрелищах имя Ирины провозглашалось, однако, рядом с царским, и таким образом Василий в одно и то же время удовлетворял и своей незаконной привязанности, и народному желанию, пользуясь одноименностью обеих женщин. Вследствие этого родилось подозрение, что смерть Василия произошла от тайных козней царицы Ирины. По смерти же его от той или иной причины законная супруга вступила во дворец с полной царской властью; изгнав из него наложницу, она с согласия сената высылает ее вместе с детьми в Константинополь. Вместе с тем через особое посольство просила своего отца прислать к ней такое лицо, с которым она могла обвенчаться и сделать его участником власти. Когда послы прибыли в Константинополь, царь был тогда в Солуни, и они решились идти к нему... Так как проходило время, а дела в Трапезунде под женским правлением не шли надлежащим порядком, то в городе начались волнения и смута. Вследствие того царица Ирина послала быстроходную триеру с другими послами и с трапезундским архиепископом с тем, чтобы они поторопили царя с исполнением прежней ее просьбы. По прибытии в Константинополь послы, не нашедши царя на месте, отправили к царю нескольких всадников, знатнейших по роду и достоинству. Но они не нашли царя в Солуни. Оставаясь на месте, они решились чисьменно уведомить царя о причине своего прибытия. Поелику же власть, способствуя возбуждению женской похотливости, нарушает все преграды, стал носиться слух, что царица находится в тайной связи с трапезундским великим доместиком. Когда слух стал распространяться, он привел в волнение дим и особенно родовитых вельмож, и одни присоединились к Цанихиту, тогда особенно

могущественному по богатству и славе, другие же — к великому domesticу. Так взволновался город и разделился на две партии, и дело перешло в междуусобную войну, в которой были перебиты очень многие с той и другой стороны, и между ними Цанихит».

«Явилась другая женщина с большим, чем Ирина, правом на трон. Это была Анна Анахутлу, старшая дочь Алексея II, принявшая пострижение и жившая до сих пор в уединении. Противоположная Ирине партия убедила ее бросить монашеское платье и бежать в Лазику, где она была провозглашена императрицей как ближайшая законная наследница своего брата Василия. Лазы, цаны и все провинциалы предпочитали природную госпожу из дома Великих Комнинов господству палеологовской линии, решившей притом выйти замуж за иностранца. Анна шла спокойно в Константинополь, не встречая сопротивления. Правительство Ирины не пользовалось популярностью и ради ее личного поведения, и тех потерь, какие нанесла всем классам последняя экспедиция против турок, так как ее константинопольские наемники разбежались, не вступая в борьбу с неверными, которые приблизились к стенам и сожгли подгородные селения, оставив почерневшие развалины и такое количество непогребенных трупов, что страшная смертность была последствием этого».

При таких условиях Анна явилась в Трапезунд, была немедленно допущена в цитадель и признана всеми законной царицей. Ирина лишена власти, процарствовав 1 год и 4 месяца.

30 июня 1341 г. после трехнедельного правления Анны прибыл в Трапезунд Михаил, второй сын Иоанна II. Он был предназначен константинопольским правительством в мужья Ирине, но он был в возрасте 56 лет, и она была свергнута прежде его прибытия в Трапезунд с 3 военными кораблями и с отрядом войска. Михаил высадился без всякой оппозиции, был встречен Никитой, предводителем схолариев, и казалось, что его права на трон будут одобрены всеми партиями. Но то обстоятельство, что он являлся мужем Ирины, был окружен византийскими наемниками и поддерживался партией схолариев, тревожило туземную партию, т. е. грузинскую, которая свергла Ирину. Архиепископ Акакий принял Михаила с должной церемонией, но скоро его постигла измена и ссылка в заточение в Лимнии.

Приверженцы партии Палеологов отправили в Константинополь посольство с тем, чтобы выставить претендентом на власть в Трапезунде сына Михаила Иоанна, проживавшего в Константинополе. По прибытии его в Трапезунд там произошла неумолимая резня представителей местной партии.

Иоанн был у власти только два года (1342-1344); затем был восстановлен и провозглашен царем отец его Михаил, правивший до 1349 г.

Анархия была в полном разгаре, когда в 1349 г. выдвинут был на престол юноша одиннадцатилетнего возраста, второй сын императора Василия, по имени Иоанн, принявший популярное имя основателя империи Алексея. Ему удалось удержаться на шатком престоле до 1390 г. и перенести в историю имя Алексея III, окруженное почетной памятью. Ниже мы посвящаем особую главу изложению тревожных событий второй половины XIV в., а здесь, ради сбережения места, позволяем себе ограничиться ссылкой на Финлея, давшего несколько страниц (р. 444-446) изложению его царствования⁷², и на новейшего историка Миллера, который дал более полный перечень событий его времени⁷³. Алексею III принадлежит широкое использование системы брачных союзов с соседними магометанскими владетелями в качестве меры укрепления политических связей.

⁷² Cp. Nicephori Gregorae LIII, 11 (ed. Bonn. p. 678-680).

⁷³ William Miller. Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926, p. 55 и сл.

Так, сестра его Мария была в замужестве за ханом орды Белых Баранов⁷⁴ Кутлубеком, другая сестра Феодора — за эмиром Халивии Хаджи Омаром, дочь Евдокия за эмиром Таджеджином, которому была уступлена крепость Лимнии, другая дочь Анна — за Багратором грузинским, третья дочь — за эмиром Арсинги Эрзинжан. Такова была вызванная естественными условиями и, может быть, симпатиями политика трапезундских императоров, против которой настойчиво действовали Палеологи и Кантакузины.

ГЛАВА VI. АДМИНИСТРАЦИЯ, ВОЕННЫЕ ОКРУГА. ПОЛУЗАВИСИМАЯ ХАЛДИЯ

Прежде чем продолжать изложение безотрадных событий внешней истории, попытаемся бросить взгляд на другие стороны переживаемой империей жизни с целью хотя бы до некоторой степени понять, чем же держался среди всевозможных домашних интриг и внешних опасностей этот государственный организм.

При значительной скудости материалов по отношению к внутренней истории те сведения, какие почерпаются из актов Вазелонского монастыря, имеют большую цену. Правда, эти сведения отрывочны и случайны, но ими дополняется то, что мы знаем из других источников. Принято думать, что Трапезундская империя была вполне подражанием и продолжением Византийской, но это мнение не имеет за собою положительных данных, которые основывались бы на исследовании источников. Многое, конечно, представляет сходство, как результат продолжительного господства в Трапезунде общеимперского закона и администрации, но местные особенности, вытекающие из сожителства на территории Трапезундской империи разных народностей, а равно влияние соседних с империей народов, должны были наложить особую печать на внутреннюю жизнь Трапезунда и повлиять на устройство империи, в особенности в период ее созидания в первой половине XIII в., когда она была некоторое время совершенно изолирована от сношений с коренными греческими областями.

Небольшая территория, какую занимала Трапезундская империя, правда, и не нуждалась в очень сложной административной организации. Сохранившиеся известия, не исключая и Панарета, историка Трапезунда, знакомят более с центром, с царским двором в Трапезунде и если делают намек на администрацию, то на центральную, и притом имеют дело с высшими чинами администрации. Между тем акты знают только глухую провинцию, маленькую область, находившуюся под влиянием Вазелонского монастыря, и, следовательно, в них преобладают интересы провинции и исполняют административную работу мелкие чины. Тем любопытнее находимые здесь указания, которые легко, впрочем, могут быть проверены теми же самыми актами, вращающимися в той же самой сфере земельных отношений, привлекающих внимание центральной администрации по случаю многократно повторяющихся одинаковых правонарушений.

Прежде всего выступает военный характер устройства империи, хотя едва ли она содержала значительное войско.

Мы знаем теперь три военных округа, или банды, на которые была разделена империя. Действие земельных актов монастыря происходит в банде Мацуке, иногда называемой также Палеомацука, хотя последняя составляла отдельное селение в этой банде. Когда в акте имеется в виду обозначить место нахождения данной местности, усадьбы или участка, о котором в акте идет речь, то называется прежде всего банда, в нашем случае Мацука, потом селение и,

⁷⁴ Государство Ак-Коюнлу, существовавшее в Западном Иране в первой половине XV в. — Примеч. ред.

наконец, стась: так, например, в банде Мацука, в селении Хортокопи, в стаси Паладиана (εν τῷ βάνδῳ Ματζουκάων εν τῷ χωρίῳ Χορτοκόπης καὶ εν στάσει τῇ Παλαδιανῇ).

Второй округ известен по хрисовулу царя Алексея III Комнина в пользу монастыря Сумелы (1364г.). Этот округ, в который входит и самый монастырь, назывался бандой Гимора. Подразделением его служили также селения и стай, как можно заключить по содержанию самого документа.

Наконец, третий военный округ представлял собой Трапезундский округ, т. е. банда Трапезунд.

Во главе каждого округа стоял дука (δούξ), носивший также звание «кефала» («головы») округа и другие чины. На актах он подписывается всегда так: раб святого нашего государя и императора Великого Комнина (всегда без указания имени) и судья всей банды Мацука, орфанотроф Севаст Пилина [ὁ δούλος τοῦ αἰγίου ημῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ καὶ κριτῆς πάσης Ματζουκάς καὶ ὀρφανοτρόφος Σεβαστός ὁ Πηλινάς] (Г. 84 v.) раб святого нашего государя и императора Великого Комнина и судья царского дворца и всего Трапезунда, ничтожный иконом Великой церкви ГеоргийДоранит [6 δούλος τοῦ αἰγίου ημῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ} καὶ κριτῆς τῆς βασιλικῆς αὐλῆς καὶ πάσης Τραπεζούντας ὁ ευτελής οἰκονόμος τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας Γεώργιος ὁ Δωρανίτης] (f. 85 v.).

Принимая в соображение те указания, какие находим в актах, мы должны приходить к заключению, что основным принципом административного устройства империи была военная организация. Тип такой организации был выработан в Византийской империи, начиная с VIII в., и с некоторыми изменениями может быть наблюдаем до турецкого завоевания. Это так называемое фемное устройство, выражавшееся в разделении империи на военные округа, подчиненные военным начальникам округов со званием стратигов. В зависимости от стратигов находились как военные части, расположенные в округе, так и гражданское население входившей в военный округ области. Конечно, в Трапезунде произошли разные отступления от принятой в империи системы, бывшие в зависимости от местных условий, главное же — от развития по-местно-вотчинных тенденций в среде крупных землевладельцев.

Для подробностей относительно этого устройства в Византии можем сослаться на собственную статью «Военное устройство Византийской империи»⁷⁵, которая до известной степени подготавливает и к пониманию трапезундского устройства. Византийская фема в смысле военного управления предоставляла собой округ или дивизию с 10 000 военных людей, помещенных в военных участках, выделенных в той области, где организовался подобный округ. Под стратигом стояли подчиненные ему военные чины: турмархи (начальники турм), начальники кавалерийских банд и другие низшие чины. Все гражданское управление в этих частях было в руках военных чинов. Теперь легко понять, в чем трапезундское управление отличалось в смысле организации военного округа от константинопольского. Во главе округа стоит дука, иначе кефал, хотя позже XI в. и в Византии находим некоторые округа, особенно пограничные с опасными соседями, получившие некоторую реформу в управлении, с отменой звания стратига. Наши материалы не сообщают, сколько в банде было военных людей: константинопольский военный чин с этим именем, занимавший третье место в организации фемы и следовавший за турмархом, имел под командой 1000 человек. Но это, конечно, далеко не разрешает вопроса о Трапезундской банде, во главе которой стоял δούξ или дука, большой чин, имевший отдельное и самостоятельное командование. Точно так же мы не нашли никакого намека в

⁷⁵ Известия Русского Археолог. Института в Константинополе, т. VI, с. 154.

наших актах на военные участки в той или иной банде, хотя военные чины появляются в судопроизводстве провинции то в качестве свидетелей, то истцов и ответчиков. Можно считать весьма вероятным, что в Трапезунде военная система не основывалась на земельных наделах. По-видимому, главная оборонительная сила империи состояла в наемных отрядах и не превышала для внутренней стражи 30 000, большей частью всадников. Если считать по 10 000 на военный округ, то это количество приближалось бы к действительности.

Некоторые косвенные указания на административную систему империи заимствуются, с одной стороны, из прекрасного, полного неприкрашенного реализма, описания своего перехода от Трапезунда до Эрзинжана испанского посла Гонзалес де Кла-вихо⁷⁶, с другой — из актов, принадлежащих монастырю Иоанна Предтечи в Вазелоне. Если первый позволяет судить о центральном правительстве, то монастырские акты бросают свет на провинцию, на состояние крестьянского населения и на его отношение к местному землевладельцу и к провинциальным административным чинам.

В указанном дневнике путешествия Клавихо есть весьма важное показание, что второй переход продолжался до Палеомацуки. Выше мы заметили, что Мацука был военный округ, в котором был между прочим расположен монастырь Вазелон и об административном положении коего мы до некоторой степени осведомлены по «кодику» монастыря. О распространении этого округа получаются еще сведения из истории Панарета. Под 6869/ 1361 г. он говорит: «Царь Алексей и мать его Кира Ирина, некоторые из архонтов и я между ними оказались в Мацуке в обители Сумелы для молитвы». Оказывается, что Сумела также находилась в том же округе Мацука; расстояние между монастырями до 20 верст (6 ч. пути). За три года перед тем у Панарета сообщается следующее: «По нашему недосмотру сделал набег в Мацуку Хаджи Омар с большим отрядом и полонил много скота и имущества в области от Палеомацуки до Дикесима», т. е. ныне Дживизлыка. Нужно строго оценить отмеченный здесь факт. Расстояние от Трапезунда до Дживизлыка не больше 20 верст; следовательно, столица была в явной опасности, но это мало тревожило правительство, защищенное крепкими стенами в своем кремле.

Чтобы составить себе понятие об администрации империи, мы должны отправляться от тех немногих фактов, которые так выразительно отмечены у Клавихо и которые рельефно выступают перед нами из наблюдений над историей центра и провинции.

Нужно думать, что тремя военными округами и ограничивалась та часть империи, которая стояла в непосредственной зависимости от Великих Комнинов. Остальное хотя не порывало связей с империей, но находилось в разных степенях посредственной зависимости, так что между императором и населением выступала посредствующая власть в лице великого дуки или кефала и ему подчиненных чинов.

Попытаемся бросить взгляд на управление прежде всего упомянутых военных округов, т. е. банды Трапезунда, Мацуки и Гимора, а затем перейдем к тем областям, которые находились в полузависимом от центральной власти положении.

Но прежде чем переходить к рассмотрению этого вопроса, нам следует возвратиться к трем военным округам Трапезундской империи. Что касается великого дуки Трапезундского округа, его положение, если отправляться от ранга великого дуки половины XIV в. Никиты Схолария, было в то же время сопряжено с самыми первыми военными и административными правами в государстве, так

⁷⁶ Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo to the court of Timour at Samarkand a. d. 1403-1406. London Hakluyt Society. 1869.

что составить понятие об администрации банды Трапезунда на основании тех данных, какие имеются в нашем распоряжении, было бы весьма затруднительно. Тем не менее отметим: (f. 85) раб св. нашего государя и Великого Комнина и судья царского двора и всего Трапезунда, смиренный иконой великой церкви Георгий Доранит; (f. 59 v., 94 v.) дука и кефал всей банды Трапезунда и эпикерн Георгий Симат (Mikloshich Acta, V, p. 469); (fol. 37) примикирий банды Мацуки Иоанн Пиксарит; алагатор той же банды Евгений Псома (так назывался чин, заведовавший почтовым делом).

Лучше обстоит дело с бандой Мацука или Палеомацука. Этот округ лежал на юг от Трапезунда, начинался от нынешнего Дживизлыка и включал в себя монастырь св. Иоанна Предтечи Вазелон, в архиве которого сохранилось несколько грамот; на основании этих последних и получается возможность судить об администрации округа. Прежде всего во главе административного персонала мы встречаем представителей тех же родов, какие занимали высшие места и в банде Трапезунд. Любопытно также отметить, что чины, имеющие управление или командование в Мацуке, носили вместе с тем придворные или имперские титулы⁷⁷.

В дарственных и купчих актах встречаем много и других чинов того же округа: частью при исполнении ими службы, частью в качестве поместных владельцев, покупателей и, наконец, свидетелей при совершении актов. Было уже замечено, что интереснейшая сторона здесь заключается в наблюдении за некоторыми именами скупщиков мелких земельных участков. В более ранних актах они являются простыми владельцами и подписываются без прибавки о δουλος, что служит признаком привилегированного положения, а в позднейших уже являются в рядах административных лиц с титулами и званиями, присвоенными служилому классу архонтов.

По отношению к третьему округу банды Гимора главные сведения черпаются из Сумелийского хрисовула⁷⁸. Имея в виду, что в этом округе находился знаменитый Сумелийский монастырь, можно заранее догадываться, что в хрисовуле должны заключаться хотя бы косвенные указания на административное устройство этого округа. И действительно, не только относительно самой банды Гимора⁷⁹, но и других округов в хрисовуле можно находить ценные данные. Так, утверждая за монастырем разные прежние привилегии и пожалования: водяные мельницы, недвижимые имущества, дома, гостиницы и другие доходные статьи — хрисовул не ограничивает действие жалуемых прав только одной бандой Гимора, но распространяет их на другие военные округа, т. е. Мацуку и Трапезунд⁸⁰. При этом мы находим в хрисовуле и прямую ссылку на банду Мацука со следующим важным добавлением: «Местечко Дувера (существует и поныне), с поселенными в нем париками и владельцами свободных родовых участков, равно как обитателями Куспидия, находилось во владении названной обители по хрисовулу деда моего; хотя они по тому же хрисовулу пользуются свободой и не подлежат ведомству гражданских властей, тем не менее, пользуясь безнаказанностью, приставленные к сбору податей и других казенных

⁷⁷ Так, fol. 87 Вазелонских актов имеет подпись: раб (о δουλος) державного и святого нашего государя и царя Великого Комнина великий коноставль и кефал Палеомацуки Константин Цанихит. Несколько выше имеем подпись: раб и пр. «судья всей Мацуки и орфанотроф Севаст Пилина»; (fol. 84 v.) дука Палеомацуки Константин Хапсономит (fol. 92 дука Мацуки); (I. 94) раб св. нашего государя и царя вел. Комнина дука и кефал всей банды Мацуки эпикерний Георгий Симати (то же лицо встречаем и во главе банды Трапезунда); (fol. 95) примикирий Феодор Псален, дука Лев Ликудопул участвуют в судебном деле о двух ореховых деревьях.

⁷⁸ Mikloshich et Muller. Acta et diplomata graeca. V. p. 276 a. 1364.

⁷⁹ εν τῷ βάνδῳ Γημαιράς καὶ ταῖς στάσεσι τοῦ τε Κοσμᾶ τῶν Ἀλεξάντων καὶ ἐν ἐτέροις ἀλλαχοῦ...

⁸⁰ ἐν οἷοις βάνδεσι καὶ χωρίοις καὶ στάσεσι διάκεινται.

взысканий в области Мацуки лица, невзирая на хрисовул, как дикие звери вторгаются в чужую область, нанося вред и убытки по судебным тяжбам и почтовой гоньбе, а другие, обирая париков у монастыря, способствуют переходу их к архонтам и вельможам».

Восстанавливая право монастыря над селением Дувера, Куспидий и др. и над париками, имеющими здесь быть приписанными, хрисовул выражает строгое запрещение против новых попыток повторения подобных незаконных действий, причем называет те чины, которые могли оказаться в этом виновными: уполномоченный (ἐνεργητής), дука, примикирий, практор, катепан⁸¹. Освобождая перечисленных в хрисовуле поименно 40 париков от всяких повинностей и обложений, как ныне действующих, так и впредь имеющих быть объявленными, равно от суда дуки округа и поборов и притеснений со стороны практоров и катепана, царь Алексей делает одну оговорку, на которой считаем нужным особенно остановиться. Эта оговорка касается одной статьи, относящейся специально к селению Дувера, о которой говорено выше. С этого селения, именно с особой доходной статьи, названной капалий, пожертвовано в пользу монастыря 200 аспров и еще 300 аспров на охрану укреплений монастыря⁸².

По всем до сих пор полученным данным Трапезунд находился в кольце трех упомянутых банд, пределами которых, однако, не исчерпывалась государственная территория империи. На восток, запад и юг, в расстоянии 30-40 верст от столицы, за пределами этих банд, находились города, крепости и целые области, состоявшие в особого рода соединении с империей. Лучшее известие об этом представляет приведенное выше описание пути Клавихо. Оказывается, что на третий день пути от Трапезунда в южном направлении Клавихо переночевал близ Цигана, укрепления, расположенного на скале и занятого отрядом вельможи, состоявшего на службе императора кир Льва Кавасита. Он занимал пост дуки или кефала провинции Халдия (никогда не называется бандой) и вместе с тем великого доместика военных сил империи. Таким образом, от Цигана и далее на юг до Гюмуга-хане, Келкита и Байбурта (по линии Эрзинжан) шла провинция Халдия, страна чрезвычайно гористая и малодоступная, снабженная по линии Трапезундского движения товаров маленькими укреплениями, занятыми гарнизонами дуки Халдии. Мы видели из описания Клавихо, какое значение имели эти крепости, как призрачна была здесь власть трапезундского императора. Великий дука Халдии был полузависимый владетель своей области: его сдерживал в пределах подчинения императору только страх перед соседними турецкими эмирами, а с другой стороны, император должен был во многом смотреть сквозь пальцы на действия дуки Халдии из опасения его соглашения с враждебными империи соседями.

Область, занимаемая Халдией, до такой степени гориста, что в ней нет ни одной долины, которая превышала бы 5000 метров в длину. В древности страна была известна разработкой руд, по преимуществу была обильна добыча серебра; отсюда наименование главного города Аргирокастра, тур. Гю-муш-хане. В эпоху смуты, последовавшей в половине XIV в., Каваситы в качестве дук Халдии были значительно ослаблены. В особенности в 1360 г. Панарет отмечает любопытный факт, нанесший удар дукам Халдии. Отмечено, что в этом году царь сделал поход в Халдию для постройки крепости, тогда же был лишен Кавасит звания кефала, а

⁸¹ И не будет позволено кому-либо впредь вступаться... из уполномоченных, дук, примикириев и остальных практоров и катепанов, в данный момент исполняющих свои обязанности (καὶ μήτε τολμήσῃ τις καὶ πάλιν καθαρπάζειν... μηδὲ ἐκ τῶν ἐνεργητῶν καὶ δουκῶν καὶ πριμικηρίων καὶ λοιπῶν ἐν τοῖς μετέπειτα καιροῖς πρακτόρων καὶ κατεπάνου τῆς χώρας...)

⁸² Пожаловано с капалия Дувера 700 аспров и еще 300 аспров из этого же капалия в пользу укреплений монастыря (ἀλεχαρίσθη καὶ ἀπὸ τοῦ καπαλίου τῆς Δουβέρας ἀσπρα διακόσια, καὶ πάλιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ καπαλίου ἐτέρα ἀσπρα τριακόσια πρὸς τὴν τοῦ κάστρου φύλαξιν)

под 1363 г. отмечено о захвате их в плен⁸³. Каваситы имели командование в провинции Халдии. У Панарета под 6851/1344 г. упоминается Лев Кавасит в звании великого доместика, под 6857/1350 Иоанн Кавасит в звании великого дуки, под 6859/ 1352 Лев Кавасит, бывший протовестиарий, под 6863/1356 в звании дуки Халдии Иоанн Кавасит. В 6864/1357 он погиб. В 6868/1361 Иоанн Кавасит (очевидно, другой член той же фамилии) лишен должности кефала провинции Халдии. Но в начале следующего века в стране господствуют те же Каваситы. В истории Трапезундской империи почти на каждом шагу встречаемся с утратившими в настоящее время значение укрепленными замками или оберегаемыми постоянно живущими в них гарнизонами укрепленными местами. Эти крепости, часто становившиеся точкой опоры для местных административных чинов, вступавших в борьбу с центральной властью, несомненно, имели чрезвычайно важное значение в истории Трапезунда, хотя и не так легко выяснить их положение.

Важное значение в этой области после Аргирокастра имел город и крепость Цанха (Ζαύχα), откуда имеет происхождение известная в истории империи семья Цанихитов (Ζανηχίται). Упоминается великий коноставль и кефал Палеомацуки Константин Цанихит (Ваз. акты ful. 87), эмир-гаум Цанихит (Панар. а. 1344), Севаст Цанихит (а. 1332), великий стратопедарх Севаст Цанихит; Михаил Цанихит, ослеплен в 1349 г. (Панар. 276); эпикерн Иоанн Цанихит, завладел крепостью Цаниха в 1332 г. Другая крепость — Хериана (Χερίανα). Под 1355 г. о ней упоминается в таких выражениях: «Вышедши в поход, дука Халдии Иоанн Кавасит захватил Хериану и пленил ее».

В Трапезундской империи, в особенности на окраинах, встречаем многократные попытки к образованию самостоятельных политических групп, которые служили резким выражением центробежных стремлений в составляющих эту империю частях.

После Трапезунда важнейшее значение имели города: Триполи, Керасунт, Орду, Самсун, Униэ, и исключительно важное значение имела крепость Лимнии.

Начнем с Триполи. Он находился между Трапезундом с востока и Керасунтом с запада. Несмотря на свое выгодное морское положение, Триполи, или ныне Тиреболи, никогда не играл значительной роли вследствие соперничества и близости, с одной стороны, Трапезунда, с другой — Керасунта. Из Триполи пути сообщения с внутренней страной через Эрзинжан, Камаху, Сивас и Карахиссарь гораздо короче и менее подвержены опасностям от высоких гор и заносов снегом, чем из других приморских городов. Правда, в эпоху империи этот город нередко видел в своих стенах царей, которые охотно избирали его для летнего пребывания. Во время покорения города турками местные жители спаслись в крепость Петрома, находящуюся в 25 верстах от Триполи. Поблизости были серебряные руды, в настоящее время оставленные.

Керасунт носит имя от знаменитых еще в древности вишневых садов. Керасунтский порт прежде имел большое значение; следы прежних сооружений для безопасной стоянки судов можно видеть еще и ныне. В эпоху империи это была сильная крепость, остатки которой и в настоящее время свидетельствуют о важном значении его в военном отношении. Как самый город, так и ближайшие окрестности обилуют остатками церковной старины.

Не в дальнем расстоянии от Керасунта находился город Орду, турецкой постройки. Окрестности его представляют исторический интерес; поблизости был город Котиора, нередко упоминаемый в эпоху Трапезундской империи. Точно так же поблизости следы города Полесиона, давшего имя всей области, мыс Ясон и

⁸³ εἰσήλθεν ὁ βασιλεὺς εἰς τὴν Χαλδίαν κτίζειν τοῦ κοῦκου (нужно читать: τοῦ κυλά) δε καὶ τὸν Καβασίτην τοῦ χινην -ἀρέλυσε τοῦ κεφαλατικίου. 1363 οἱ μὲν Καβασίται συνελήφθησαν καὶ ἐκρατήθησαν.

многочисленные остатки церквей и монастырей. Гавань Бона, лучшая по всему побережью Черного моря, Терме, откуда Термодань Трапезундской эпохи, которым означает граница империи, приводят нас к местности, где была пограничная крепость Лимнии, о которой мы предлагаем в дальнейшем специальное исследование. Там же даны замечания о средневековых укреплениях и городах: Фица, Униэ, Терме, Чартамба (на Итиль Ирмаке), которые отделяли империю от византийской области Пафлагонии.

По большой дороге от Трапезунда к Эрзеруму находится несколько пунктов, имевших в Средние века большое значение. Таков город Эрзинжан (Erzinga, Eriza), известный с первых годов христианской эры, Кемаха, или Камаха, на Евфрате, в 38 километрах от Эрзинжана и в 214 от Эрзерума. О древности города свидетельствуют крепостные сооружения. Байбурт находился на большой и политической дороге к Персии через Эрзерум, играл важное торговое значение в Средние века как пограничная крепость, охраняемая гарнизоном, на обязанности коего была и безопасность торговых караванов; он находится в 77 километрах от Эрзинжана на р. Чорохе, впадающей в море у Батума. Испир также на р. Чорохе в 77 километрах от Байбурта, в 143 от Эрзинжана и в 55 от Эрзерума. Сатала, пограничный город (Sadagh), митрополичья кафедра. Последние города, начиная от Эрзинжана, постепенно выпадали из-под власти империи, переходя под власть турецких и сельджукских эмиров.

ГЛАВА VII. ПОГРАНИЧНАЯ КРЕПОСТЬ И МОРСКАЯ ГАВАНЬ ЛИМНИИ

В истории Трапезундской империи весьма важное значение имеет крепость и гавань Лимнии. Это была, с одной стороны, своего рода «Петропавловская крепость», с другой — излюбленное место стоянки имперского флота, сторожевой пост трапезундской государственной территории. У писателей весьма часто встречаются упоминания о Лимниях, по которым легко составить себе идею политического и военного значения местности. Но крайнее удивление вызывает то обстоятельство, что на обычных картах положение этой крепости не обозначено, а если на некоторых и указывается, то без твердых оснований, и потому не может быть приурочено к строго определенной местности. Между тем одно из главных требований истории, стоящее впереди других, — определить время и место события, т. е. хронология и география. Так как вопрос о Лимниях представляется малозатронутым в географии Черноморского побережья, то находим уместным начать с рассмотрения летописных данных, в которых упоминается эта местность. К крайнему сожалению, мы не могли найти руководящих указаний по нашему вопросу ни в превосходных географических сочинениях Карла Риттера и Реклю, ни у путешественников по Малой Азии и Черноморскому побережью, как, например, у Гамильтона. Вследствие этого у историков Трапезундской империи Фальмерайера и Финлея местоположение Лимнии возбуждает сомнение и у них самих, и у читателей.

Главные места о Лимниях находятся у историка Панарета. В первый раз Лимнии упоминаются под 1297 г.: «И затем снова сел на свой стол Колоио-анн Комнин, и процарствовав все 18 лет, умер в Лимниях в августе... 1297» (καὶ πάλιν ἀλεκτέστη εἰς τὸ σκάμνιν ὁ Καλοϊῶάννης ὁ Κομνηνὸς καὶ βασιλεύσας τὰ πάντα ἔτη 18 ἐκοιμήθη ἐν τοῖς Λιμνίοις μηνὸς Αὐγούστου ...ἔτους 1297)). В царствование этого государя, прибавляет писатель, турки овладели Халивией, и постигли эту страну большие опустошения, так что не стало в ней ни людей, ни животных. Второе упоминание под 1340 г.: «В месяц июль 8-го дня евнух вышел из Лимнии с большим войском» (κατὰ δὲ Ἰούλιον μῆνα β' ἡμέρα ἐλθὼν ὁ μέγας δοῦξ Ἰωάννης ὁ

ἐκτορίας ἐκ τῶν Λιμνίων μετὰ φωσάτο πολὺ). В это время Трапезунд испытывает небывалую невзгону, выразившуюся в жестоком междоусобии. Лимнии не раз играли в этом и следующем году значение как место заключения государственных преступников, где их и казнили.

Для целей наших разысканий преимущественно важны следующие места: под 1340-1343 гг., под 1351, 1356, 1366, 1379 и 1386, которыми мы и воспользуемся в следующей главе.

Таким образом, на расстоянии почти сотни лет занимающая нас крепость играет в летописи Трапезунда важную роль, и тем удивительнее то обстоятельство, что с конца XIV в. память о ней до крайней степени затемняется. В самом деле, хотя на карте Spruner-Menke (Hand-Atlas) нанесена местность Лимния между Униэ (Oinaeum) и Самсуном, но это сделано вопреки историкам, как об этом свидетельствует следующее замечание в атласе (Vorvort, 47): «Заключение Фальмерайера о положении Limnia неприемлемо... В 1379 г. трапезунд-ский император, обручив свою дочь с Тажеддином-челеби в Инее (Униэ), отправился в Лимнию именно с целью передать ее своему зятю, о чем умалчивает придворный историк». Правда, почтенному географу можно было бы указать, что под 1386г. у того же придворного историка находим совершенно неприкровенное признание, что царский зять, вышеупомянутый, был теперь эмиром Лимний и что, следовательно, в известии Панарета под 1379г. следовало сделать небольшую поправку текста. Но что положение Лимний и после Фальмерайера не выяснено, об этом можно заключить по заметке в истории Финлея⁸⁴ (р. 440 п.). Само собой разумеется, в дальнейшем нам предстоит считаться главным образом с приведенными местами Панарета, в коих можно находить при сопоставлении их и надлежащем анализе достаточный материал для твердых заключений по поставленному вопросу о положении Лимний. Но прежде чем приступить к этому, считаем необходимым обратиться к авторитетным известиям тех путешественников, которые заведомо посещали те местности, где находилась крепость Лимний. Не может возникнуть сомнения в том, что в названии Лимний имеем греческое слово λιμνί, т. е. местность на озере, гавань с лежащими поблизости озерами, откуда употребление множественного числа «Лимний». Но возьмем хотя бы подробный перечень морских гаваней и населенных мест на южном берегу в труде Гамильтона. По пути от Трапезунда к Синопу он отмечает Inji-liman, к востоку Joros, Buyun-liman, Kaik-liman, Bona-liman. Последний, говорит он, считался лучшей стоянкой и предпочитается даже Синопской гавани. Эта гавань находится на восток от Орду⁸⁵. И притом, проследив весь путь Гамильтона до Самсуна, мы должны прийти к заключению, что у него не отмечена та гавань и крепость при ней, которая нас занимает. Как это объяснить? Невероятно, чтобы трапезундская крепость Лимний была совсем уничтожена, хотя замечание Клавиho⁸⁶ о гавани Леона, у которой находится замок наверху скалы, разграбленный генуэзцами тому назад четыре года, могло бы гораздо основательнее быть применено к Лимниям, чем к Леону⁸⁷. Некоторый свет на встречающиеся в таких материалах пробелы по отношению к ознакомлению с черноморскими берегами бросают заметки, встречающиеся у Гамильтона и у других, из которых видно, что иногда путешественники предпочитали пользоваться морскими средствами передвижения, чтобы не подвергаться

⁸⁴ Limnia ceded to Tadjeddin cannot have been the fortress mentioned by Nicephorus Gregoras as only two hundred stades distant from Trebizond. It appears to have been the name of a district between Kerasunt and Oinaeum.

⁸⁵ Hamilton, немецкий перевод, с. 235, 236, 237, 246, 252.

⁸⁶ Срезневский И. И. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг., с. 114.

⁸⁷ Следует прочесть у Гамильтона с. 253-254 и сравнить с замечанием Клавиho о гавани Леона и турецком владельце местности Арзамире.

непреодолимым затруднениям пути по берегу⁸⁸, и потому оставляли необследованными некоторые части береговой полосы. То же самое можно указать в описании Риттера.

Сославшись на приведенное выше место из Гамильтона, знаменитый географ говорит о пути из Тиреболи в Керасунт⁸⁹: «Чтобы избежать невозможного, а для нагруженной лошади недоступного пути, я предпочел водяной способ: на парусном судне до Керасунта. Пусть будущий путешественник восполнит этот перерыв в обозрении береговой полосы». Но для нашей цели первостепенное значение должно иметь описание озерной области при устьях Кизил-Ирман или Галис, в особенности небольшое пространство между тур. Unich и Самсуном, по словам Риттера, не превышающее 12 миль⁹⁰. Эта местность описана им весьма подробно, причем, ссылаясь на турецкого писателя Евлия-Эфенди⁹¹, Риттер замечает, что дорога к Бафре не описана ни одним путешественником, хотя во времена Евлия Бафра была гаванью Везир-Кепрю. Вся эта область, которую сравнивают с Кара-Тепе Богаз, представляет местность, открытую для исследования в будущем. От Бафры, лежащей на запад от Самсуна, Галис образует настоящую дельту, разделяясь на несколько рукавов. Здесь лежат по обеим сторонам устьев огромные стоячие воды *weite Sumpfлагunen*). Важнейшее озеро на восточной стороне есть озеро Гаммасили, в котором, может быть, следует видеть уже Аппианом упоминаемый *λίμην mit der Einfahrt Indschir Burun*, вероятно, гавань древних на севере от Сопоршт, а на запад — Аладжим (*Zalecus*). Здесь находится маленькое озеро со сладкой водой, принадлежащее к дельте главного течения Галиса. Лагуны на восток от Бафры далеко обширнее, чем это показано на карте, и имеют протяжение до 15 миль. Несколько страниц из 18 тома «Землеведения» Карла Риттера могут достаточно свидетельствовать, что в том пространстве, которое должно было бы показать следы большой военной крепости, имевшей в империи первостепенное после трапезундских укреплений значение, не было найдено остатков в то время, когда Гамильтон и изучивший его Риттер путешествовали по береговой полосе южного Черноморья. Трудно, конечно, ждать, объясняется ли это тем, что к началу XIX в. все следы крепости были уничтожены, или тем, что занимающая нас местность не подвергалась надлежащему обследованию и была обойдена. Принимая же во внимание, что мы имеем дело с пограничным укреплением, которое нарочито было возведено для защиты против соседей, становившихся из Синопа, Амасии и Эрзинжана весьма опасными для империи, мы должны представить себе это укрепление настолько значительным, что оно не могло окончательно быть сровнено с землей, хотя бы и подвергалось частым грабежам и нападениям.

Прекрасный и добросовестный путешественник XVII в., известный Евлий-эфенди, посетивший эту местность в 1648 г., тоже не дает сведений об этой крепости⁹². Но его замечание, что крепость Униэ (*Onia*), построенная одним из трапезундских императоров, отвоевана у греков Кейкубатом и проч., могло бы скорее относиться к Лимниям, а не к Униэ. Евлий, так же как и европейские путешественники XIX века, утверждает, что самый лучший порт на Черном море находится там, где крепость Шипа, т. е. Бона, Лиман Гамильтона и Риттера⁹³.

⁸⁸ Hamilton, S. 241.

⁸⁹ Ritter, *Die Erdkunde v. Asien*, XVIII, 5. 833.

⁹⁰ Ritter, 5. 846.

⁹¹ *Ibid.* 5. 437.

⁹² Euliyā-Efendi. *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa*. London. 1860, trad. Hammer, II, p. 40.

⁹³ It is a good port, where the largest ships can anchor at any time.

Мы не можем в заключение не обратить внимания на две странички Гамильтона⁹⁴, из которых видно, что забытая крепость Лимнии может случайно попасть на глаза какому-либо просвещенному путешественнику.

«Нашедши пристанище, я спросил моего греческого хозяина насчет Демир-Наден или железных руд, которые надеялся найти поблизости, но ничего не мог узнать. Он сказал, что единственно интересный предмет около Униэ есть крепость на вершине высокой скалы, в часовом расстоянии, с удивительной лестницей, драгоценными предметами, банями и т. д., высеченными в скале. Я заинтересовался узнать, что подало повод к такому рассказу, сейчас же нанял в проводники двух мальчиков и достиг после 1 1/2-часовой ходьбы в долине Униэ-су подошвы горы с крепостью. Она находится на вершине высокой почти отвесной скалы, окруженной глубокими расщелинами и лесистыми холмами, покрытыми изредка зеленой травой, и возвышается почти на 500 ф. С южной стороны она соединена узкой полосой земли с холмом, на котором стоит деревня Кале-Кей, но и отсюда крепость стоит на круче в 200 ф. и открывает вид на храм с 4 колоннами, выбитыми на гладкой стене скалы, через которую ведет отверстие в маленькую пещеру, где по преданию жил прежде пустынный. Пещера ныне недоступна. По обеим сторонам храма находятся изображения в красках (ζωγραφηματα, по словам моего хозяина) греческих святых. Верхняя часть холма была до такой степени крута, что мои проводники тщетно искали тропинки на вершину. Поблизости нашел я замечательный ход, пробитый в скале и, очевидно, направлявшийся вниз. В настоящее время он почти доверху наполнен камнями и водой и должен был быть или входом в крепость, или тайным проходом, чтобы доставлять воду в крепость. Мои старания найти в деревне вожака были напрасны, ибо взрослых мужчин не нашлось. Точно так же мы не могли отыскать другой подземный ход, о котором говорили греческие мальчики. Обманутый в моих надеждах недостаточными успехами, сошел я к водоему и думал уже возвратиться в Униэ, как заметил на опушке леса три или четыре почерневшие хижины; это были, к моему изумлению, Einsenschmiden (καμινοσχημα), и мой проводник присовокупил, что соседние холмы полны железных руд. Это было истинное удовольствие, и притом такое неожиданное — напасть на халивов с их горными работами и кузницами. Между тем тут никто не работал, и мне не от кого было получить сведения, как и где добывалась медь. Хотя было поздно, когда я возвратился домой, тем не менее я решился вследствие сделанных наблюдений остаться еще на день в Униэ, чтобы ознакомиться с вопросом обработки железных руд. Мой греческий хозяин выразился с чисто восточной непоследовательностью, что горы наполнены железом»⁹⁵.

Нам следует теперь возвратиться к отмеченным выше местам Панарета и попытаться анализировать их и объяснить их частью из них самих, частью из параллельных текстов. Лимнии, очевидно, принадлежали к разряду тех крепостей, возникших по требованию условий времени и имевших целью защиту против турецких набегов, о которых дает понятие прекрасная страница из книги проф. Рамзэя⁹⁶. Направление дорог определялось соображениями легкого сосредоточения войск различных провинций вдоль дороги, которая была защищена крепостными сооружениями. Те, которые я видел, говорит автор, обыкновенно представляли одинаковый характер: все поставлены на высокой отвесной скале и представляли огромную естественную защиту, но они не могли выдерживать продолжительной осады, хотя фактически были недоступны для штурма. Такие крепости были весьма приспособлены против того характера

⁹⁴ Hamilton. Reisen in Kleinasien, Pontus und Armenien. I, S. 256-267 (XVI Kapitel.. Экскурсия из Униэ).

⁹⁵ Ibid. p. 257 и далее конец главы посвящен описанию работ по добыванию железа в этой интересной стране Халивии.

⁹⁶ Ramsay. The Historical Geography of Asia Minor, p. 200.

военных набегов, которым подвергалась Малая Азия со стороны сасанидских и сарацинских войск; это были обыкновенно совершенно разбойнические экспедиции, кончавшиеся к концу осени. Серия крепостей, которые не могли быть взяты как только блокадой и голодом, составляли удивительную систему защиты против таких врагов. Вследствие этого подобные крепости были ядром новых городов, и значение их постепенно выросло в византийский период, когда города из-за малой их способности к обороне были оставляемы жителями или обращались в простые деревни.

Множество местных и географических названий с именем Λιμναι можно найти в книге Рамзэя. И притом не подлежит сомнению то обстоятельство, что наименование Λιμναι указывает на озерную систему, т. е. на соединение в данной местности по крайней мере двух озер⁹⁷.

Как показано было выше, в первый раз о Лимниях Панарет упоминает под 1297 г. Место Пана-рета получает более яркое значение, если мы поставим в нем на первое место вторую часть, за ключающуюся в том, что в царствование Иоанна, правившего 18 лет и умершего в Лимниях в 1297 г., турки-сельджуки овладели частью империи, называемой Халивия, и производили такие опустошения в стране, что целые области остались необитаемыми для людей и животных. Можно, таким образом, думать, что Лимнии возникли как крепость в это время и что они построены были для защиты части Халивии от турок. Очевидно, для дальнейшего получает особенный интерес выяснение географического термина Халивия. Так называлась область, идущая к югу от мыса Ясона, где было построено укрепление Бона с одной стороны и ряд береговых крепостей в направлении к Самсуну, между прочим Униэ и Лимнии. К югу от этой узкой береговой полосы обширная область, орошаемая течением реки Лириис и верховьями соединяющая эту область с Эрзинжаном и Камахой, Халивия с главным городом Неокесария (Никсар). Это страна железной руды, известная из древности чудесными рассказами. Напор на эту береговую полосу со стороны турок был тем опаснее, что греческие владения в XIII в. были обнажены со всех сторон и могли держаться лишь благодаря уступкам, союзным и родственным договорам и тщательному содержанию построенных здесь крепостей. Лимнии, достроенные в устьях Лирииса, служат ключом позиции и были особенно важны в смысле защиты западной границы империи. Точное положение ее остается неизвестным. По всей вероятности, они сменены были появившимся в турецкое время на течении той же реки городом Чершембе. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Лимнии находились на этом сторожевом пункте.

По поводу изучаемого места Панарета следует еще сделать замечание к словам «снова сел на стол свой Калоиоанн». Этот оборот речи очень хорошо иллюстрируется приведенным в словаре Дюканжа местом⁹⁸, где καὶ πάλιν ἀλεκατέστη εἰς τὸ σκάμνον ὁ Καλοῖωαννης прямо толкуется как престол императора (ὁ θρόνος τῆς βασιλείας).

Пропускаем места из военной истории Трапезунда (1340-1343 гг.), из которых выясняется военное и государственное значение крепости, чтобы не вводить в это специально топографическое и археологическое исследование исторического содержания. Но имеем все основания подчеркнуть известия под 1351 г. и 1356 г. Первое дает очень любопытный термин для командующего крепостью, ο κεφαλτικευων. Вторым же дается точное обозначение местонахождения Лимний. Это известие заключается в следующем. Декабря 19, индикта 10, 6865 (1356) г., пошли с царем в Лимний, выход на Рождество сделали

⁹⁷ Ramsay, p. 414: I have assumed the truth of prof. G. Hirschfeld's excellent that the double lakes now called Egerdir Gol and Hawiran Gol were in ancient time called Λιμναι.

⁹⁸ Glossarium Graecitates. Append., p. 171 з. v. Σκάμνον.

в Керасунте, Крещение праздновали в Ясонии, тогда было побито 14 турок. Отсюда прошли в Лимний и опять вернулись; пробыв в отсутствии всего три месяца, снова благополучно прибыли в Трапезунд. Следует вспомнить, что Керасунт был пограничной чертой между Трапезундом и областью, занятой уже тогда турками; за небольшой полосой турецких владений снова были трапезундские укрепления: прекрасная гавань и крепость Бона и далее укрепление Ясона, или Ясонии, где и проведены были праздники. Остальное время царь Алексей III провел в крепости Лимниях, находящейся ближе к Самсуну и оберегавшей имперские владения от беспокойных соседей с другой стороны. Подтверждаемый картами средневековых итальянских путешественников, так называемый *Periplus Ponti Euxini octaplus*⁹⁹ дает подробную картину морских стоянок и гаваней по Черному морю в XIV в. После Керасунта в направлении к Самсуну в перипле значится: *la vona*, т. е. гавань и крепость *Voaa, Votka, Omnio-Honio*, т. е. Униэ, *la Limnia-Limonia-Liminia*, т. е. наша крепость Лимний.

В конце концов приведенное от 1356 г. место Панарета, сопоставленное с итальянскими географическими картами, дает не подлежащее дальнейшим спорам местоположение для занимающей нас трапезундской пограничной крепости. Несмотря, однако, на указанные обстоятельства, местность Лимний все же нуждается в осмотре и в дальнейших разысканиях. Казалось бы, для местных греков всего легче было ликвидировать этот вопрос. Но то, что мы находим в работе Иоаннида¹⁰⁰, который внимательно относился к своей задаче и, конечно, не по слухам говорит о статистике и географии империи, мало приближает нас к разгадке. После *Οἶνον* он называет местность Митрополию с остатками церквей и с кладбищем, затем *Βαβασαν η Φατζα*, т. е. *Vatiza* периплов, и полагает между Унией и Ватицей расстояние в 5 часов пути. Последняя известна по своей гавани и по остаткам древних церквей, а равно и по теплым источникам. Но что всего любопытнее, так это следующие слова Иоаннида: «Здесь был город и знаменитые в эпоху Комнинов Лимнийские укрепления (*τα φρούρια τῶν Λιμνιῶν*)». Не могу этого понять, потому что Лимнии лежали не в направлении к Ватице, а в противоположном; гаванью же, как известно, была Бона. В смысле политического положения зависящей от Лимний области, а равно административного строя этой окраины имело значение то, что глава большой партии и комендант крепости, Кавасит Иоанн, носит титул *κεφαλαιτικῶν*. В 1360 г. он был лишен власти над крепостью¹⁰¹, и это произошло не без влияния политических обстоятельств, стоящих в связи с наступлением эмира из Байбурта и с постройкой нового укрепления.

По отношению к занимающей нас крепости трудно было ограничиться выяснением той стороны, которая касается ее местоположения. Лимнии и во всех других отношениях характеризуют эпоху и представляют большой интерес в истории Трапезундской империи.

Они имели первостепенное значение не только в военной, но и в политической и церковной истории Трапезунда, о чем дает понять замечание Фальмерайера: «Она должна была быть весьма сильной крепостью, ибо долго могла держаться против победоносной дворцовой партии и служила для императора Михаила»¹⁰².

Не касаясь той политической борьбы, на которую делает намек Фальмерайер, обратим внимание лишь на два известия, стоящие в связи с Лимниями. Под 1379 г. читается у Панарета следующее: «После длинных переговоров и обмена посольствами между царем (разумеется Алексей III) и

⁹⁹ Tafel, Constantini Porphyrogeniti De provinciis imperii Byzantini. Tubingae, 1847.

¹⁰⁰ *Ιωαννίδης*, *Ιστορία και στατιστική Τραπεζουντος*, p. 207.

¹⁰¹ *τον Καβασιτην Ιωαννην παρέλυσε του κεφαλαιτικου*.

¹⁰² Fallmerayer. *Geschichte der Kaiserthums von Trapezunt*, S. 303.

Таджеджином челеби, 14 августа, индикта 7, выступил царь, имея два больших корабля и два параскаλια, взяв с собой и дочь свою кира Евдокию. Когда пришли в Керасунт, получено было известие, что Трапезунду угрожает.

Оставив дочь в Керасунте, царь с архонтами возвратился в Трапезунд, укрепил кремль и принял Меры к защите страны. В конце же сентября выступил из Трапезунда и, захватив свою дочь в Керасунте, прибыл в Иней (Униэ), где было свидание с челеби и где дочь царя, кира Евдокия, была обручена с этим туркменским эмиром 8 октября, индикта 3, 6888 г. Тогда царь сдал Таджеджину Лимнии». Заключительные слова историка оставляют некоторые сомнения ввиду нижесообщенного им известия под 1386 г.: «Выступил в поход в месяце октябре зять царя, эмир Лимнии Таджеджин, против другого царского зятя, эмира Халивии Хадтимира, прозываемого Сулейман-бек». Но в этом походе пал Таджеджин. Однако Лимнии с тех пор перестали быть пограничной Трапезундской крепостью. Все эти данные ярко освещают показную сторону Трапезундской империи, сдающей свои позиции турецким эмирам и покупающей мир, хотя бы на короткое время, брачными с ними союзами.

Наконец, положение вопроса о Лимниях может представить значение и в некоторой степени выясняется с точки зрения тогдашней церковной истории. Уже то обстоятельство, что начальник крепости носит титул κεφαλαικῶν, дает понять, что в термине Лимнии заключается не только понятие о крепости, но и об административном округе. Оказывается, Лимнии были епископской кафедрой. Когда в начале XVI в. митрополия Амасийская, опустошенная набегами мусульман и частью утратившая прежнее христианское население, перестала фактически существовать, удовлетворение духовных потребностей остатков христианского в ней населения было возложено на епископа Лимний. В конце XIV в. епископ Лимний кир Иосиф формально получил право на управление митрополией Амасии¹⁰³. Этим пока можно закончить выяснение поставленной в настоящей главе темы.

ГЛАВА VIII. ЛИКВИДАЦИЯ ВРАЖДЕБНЫХ КОНСТАНТИНОПОЛЮ ПАРТИЙ

Со смертью Василия I (1333-1340) новая эпоха, новый порядок вещей начинается в Трапезунде. Единство уступает место множеству, анархия берет перевес над порядком, вассалы пересиливают корону...

Таковыми словами Фальмерайер¹⁰⁴ характеризует эпоху Трапезундской империи с половины XI в. и до ее падения. Хотя его труд появился уже около ста лет назад, но изучение Трапезундской истории с тех пор мало подвинулось вперед, и с основными воззрениями Фальмерайера необходимо в настоящее время соотнобщаться. Несомненно, он правильно определил состояние, в котором была империя в половине XIV в., т. е. хорошо понял разъедающие ее организм язвы, оценил духовный и культурный маразм греческого правительства и Трапезундского поместного дворянства, но, как мы постараемся далее показать, не мог с достаточной ясностью уяснить себе и читателю историческую эволюцию совершавшихся явлений и представить их в надлежащей перспективе.

Фальмерайер вообще бросает суровый приговор греческой нации и усматривает в средневековой истории Греции многочисленные признаки политического и нравственного упадка народа. Это тот самый ученый, который в двадцатых годах прошедшего века выступил с известной теорией полного

¹⁰³ Mikloshich et Muller. Acta patriarchates Constantinopolitani, 1.88 (a. 1317); 11. 865 (a. 1384).

¹⁰⁴ Fallmerayer. Geschichte der Kaiserthums von Trapezunt, S. 179.

ослабления этнографического состава коренного населения Греции и замены его славянскими и албанскими племенами.

Всматриваясь внимательно в течение трапе-зундской истории, нельзя не прийти к заключению, что в ней мало таких проявлений духовной культуры, которые служили бы к украшению человеческого общества. Финлей произносит не менее безотрадное суждение по поводу той же эпохи истории Трапезунда¹⁰⁵. Империя стала на многие годы добычей гражданской войны и внутренних смут... В XIV в. ни правительство Трапезунда, ни константинопольское, ни самый греческий народ не чувствовали никакого расположения подчинить свою силу, страсти, предрассудки или свои партии влияниям закона и справедливости. Но нигде ослепленное самоволие отдельных лиц не выражает так ярко деморализованное состояние греческого общества, как в Трапезунде.

Предполагая заняться выяснением истории этого бурного периода Трапезундской империи, мы считаем необходимым предварительно указать, что круг наблюдений новых историков, равно как и современных событиям греческого писателя не дают возможности оценить и нарисовать в ясной картине те причины, которые вызвали и поддерживали намечаемый разлад между императорской властью и служилой аристократией. Отправляясь от тех наблюдений, которые сделаны Никифором Григорой, новые историки не отрешились от точки зрения современника на переживаемые события и представили картину в той же перспективе, как и средневековый греческий писатель. Между тем в истории, так малоизвестной и скудно разработанной, какою является история Трапезунда, казалось бы, всего больше нужно было остерегаться обобщений, построенных на немногочисленных и непроверенных наблюдениях.

Попытаемся войти в рассмотрение дошедших до нас фактов и выяснить, в каком свете рисуется деятельность главных лиц, участвовавших в событиях после смерти Василия I (1340 г.). Как ни скудны сообщаемые официальным историком трапезундских Комнинов данные, тем не менее в истории Панарета пока остался единственный ключ к разгадке секретов придворной истории. Он подчеркивает сильное влияние константинопольской партии в Трапезунде; у него же можно видеть по-стоянные и красной нитью проходящие влияния, идущие из Греции. Все говорит об интриге, заговорах и честолюбивых притязаниях, в которых главную и исполнительную роль играли местные трапезундские вельможи, носители высших административных военных и гражданских званий, которые как будто по наследству переходили на членов одних и тех же родов. Если мы не лишены средств выяснить значение иноземных, идущих из Константинополя и из Тифлиса влияний, то гораздо больше трудностей встречаем по отношению к оценке туземных партий: на какой, собственно, почве развивалась борьба, чем она питалась и где находила себе материальную поддержку? Эти последние вопросы для своей постановки и объяснения нуждаются в более точном знании внутренней истории Трапезунда, земельного строя, социальных и экономических условий, торговли и проч. Если бы оставаться при том воззрении, что Трапезунд составляет в истории нечто обособленное и оригинальное, что его история стоит вне общих законов развития, то, конечно, всякая попытка к уразумению поставленной выше проблемы, при скудости местных известий, была бы обречена на неуспех. Но так как об этом на самом деле нельзя думать, ибо империя была образована членами константинопольской династии и при содействии сильной поддержки из Грузии, и так как зерно ее населения было все же эллинское или эллинизированное, хотя и значительно разбавленное местными грузино-армяно-тюркскими элементами, то не может быть сомнения, что в главных чертах административного, земельного и финансового устройства Трапезундская империя не порывала с преданиями

¹⁰⁵ Finlay. The history of Greece and of the Empire of Trebizond, p. 420.

Византии и может быть изучаема с точки зрения эволюции Византийской империи.

Переходя к описанию положения дел по смерти Василия, мы находим у Панарета следующее. Ближайшие к престолу члены царской семьи были: царица-вдова Ирина Палеолог, дочь императора Андроника Палеолога (внебрачная). Непосредственной семьи от этого брака не было, но была побочная семья от сожительницы Василия, местной уроженки, именем также Ирина, которая дала ему четверых детей: двоих мужского и двоих женского пола. Вместе с царицей, принадлежавшей к константинопольской династии, на время утвердилось в Трапезунде палеологовское влияние, выразившееся прежде всего в том, что супруга Василия завладела царством¹⁰⁶, мужское же поколение покойного императора, дабы обезопасить от его притязаний императрицу-вдову, сослано в лице царевичей Алексея и Иоанна, вместе с матерью их, в Константинополь, пока в почетное изгнание и под верное наблюдение. Казалось бы, кризис благополучно миновал. Но вот начинается внутренняя драма, весьма характерная для истории Трапезунда, которую и предстоит нам разъяснить.

Обнаружилась борьба между партиями, которые по этому случаю в первый раз историк называет своим именем, хотя о признаках ожесточенной вражды между высшими сановниками можно судить уже и по тому, что происходило при вступлении на царство Василия, т. е. в 1333 г. Партии недостаточно охарактеризованы, но названы главные вожди, и прежде всего антиправительственной партии, т. е. враждебной Ирине Палеолог и иностранному византийскому элементу. Во главе стоял великий стратопедарх кир Севаст Цанихит; с ним заодно были члены рода Схолариев и Мизоматов, кир Константин Доранит, могущественный род Каваситов, представитель рода Камахинов, несколько членов городского сената и царской гвардии¹⁰⁷. Повстанцы организовались в вооруженную силу, но не овладели ни акрополем, ни средним городом, а заняли укрепленный монастырь Евгения, находящийся против кремля и отделенный от него глубоким скалистым рвом, служившим естественной защитой города. Противоположная, т. е. правительственная, партия, поддерживавшая Ирину Палеолог, организовалась в городе; она описана еще более слабыми чертами. Во главе партии стояли члены служилого рода Амичаранты¹⁰⁸, несколько гражданских и военных чинов и часть гвардии; и вместе с правительницей они удержались на акрополе¹⁰⁹. Нечего и говорить, что сюда же должна была примкнуть константинопольская свита Ирины. Она могла долго держаться в стенах кремля, но, очевидно, не была в состоянии начать осаду монастыря Евгения. Дела оставались в неопределенном положении около двух месяцев, пока партия Ирины Палеолог не получила возможности выступить против своих соперников. Это произошло в начале июля 1340 г. В первый раз тогда выступает значение в политической и военной истории Трапезунда пограничной западной крепости и морской гавани Лимний, которая приобрела первостепенное положение по важности интересов, защищаемых ею на восточной границе империи. В описываемое время крепостью командовал, с титулом великого дуки, один из представителей знатных служилых родов, не названных, впрочем, у Панарета; дука, примкнув к правительству Ирины Палеолог, дал ему перевес над партией, засевшей в монастыре Евгения. В отношении к дуке у Панарета, называющего его просто евнух (ο εκτορίας) Иоанн, сквозит некоторая доля пренебрежения. По его словам, этот Иоанн пришел в Трапезунд с большим

¹⁰⁶ Стала царствовать императрица госпожа Ирина Палеологина [εκράτησε την βασιλειαν Πалеολογίνα κυρά Ειρήνη] (εκράτησε неспроста сказано).

¹⁰⁷ καὶ τινες τοῦ κοινοῦ καὶ τῶν ἀλαγίων τῶν βασιλικῶν. Для понимания ср. Cedreni II, 563.8; 651.10.

¹⁰⁸ Ἀμυτζαράνται, в другом месте Ἀμυτζαντάριοι

¹⁰⁹ Ἐκράτησαν συν τῇ δεσποίνῃ τῇ κουλάν. Кула — башня, здесь вместо кремля.

войском (и, несомненно, на кораблях), снял орудия с судов и направил их против обители, чем и решено было дело в пользу Ирины Палеолог. Следует отметить два обстоятельства, сопровождавшие вступление великого дуки, коменданта Лимний: почти полное разрушение от огня и осады знаменитого монастыря, утратившего при этом свои богатства и украшения¹¹⁰, и громадный удар, нанесенный партии противников Ирины Палеолог, которые были, по всей вероятности, поголовно захвачены в плен, отправлены в заточение в Лимнии и там перебиты¹¹¹. Историк даже не называет их поименно, но холодно обозначает самый факт, хотя все же у него больше реальности и живости, чем у Никифора Григоры, который сообщает следующее¹¹²: «Между тем, так как Трапезундское государство не могло управляться хорошо и твердо под женским управлением, которое начало производить смуту и волновать народ, Ирина, царица Трапезундская, нашлась вынужденной послать быстроходную триеру с другими послами (о первом посольстве писатель говорит ранее), с коими был и митрополит, чтобы ускорить исполнение первой просьбы к царю¹¹³. Носился слух, что царица находится в тайной связи с великим доместиком. Когда слух стал распространяться шире, это возбудило движение в народе и особенно в высшем классе (τοὺς ευυμένεια προύχοντας). Одни пристали к Цанихиту, тогда могущественному богатством и славой, другие стали на сторону великого доместика. Так произошла смута; город Трапезунд разделился на два лагеря, и началась усабица, в которой, по слухам, погибло много и других лиц из обеих партий, и с ними Цанихит».

К характеристике политического положения в 1333 г. и для выяснения сталкивавшихся в Трапезунде противоположных влияний любопытно еще обратить внимание на особое движение, в котором выступают грузинские политические интересы. Оказывается, что сестра умершего Василия, царевна Анна, принявшая монашеский обет, бежала в Грузию и там организовала военный отряд с целью борьбы с приверженцами константинопольской партии. Пожар в монастыре Евгения, жестокая расправа с побежденной партией и неудачи в борьбе с турецкими отрядами из Амиды — все это дало в распоряжение царевны Анны значительные преимущества над Ириной, которая должна была уступить свое место сопернице в июле 1341 г.

Между тем в Константинополе внимательно следили за трапезундскими делами. Там жили некоторые члены из дома трапезундских Комнинов, в которых константинопольские Палеологи всегда имели пригодное орудие для проведения своих агентов и для достижения своих планов в Трапезунде; туда же, как сейчас будет видно, бежали некоторые лица из разгромленной евнухом Иоанном партии. 30 июля 1341 г. прибыл в Трапезунд, сопровождаемый тремя военными судами, кир Михаил, брат царя Алексея II. С ним были Никита Схоларий и Григорий Мизомат, игравшие важную роль в движении прошедшего года и спасшиеся в Константинополь после разгрома их партии. Этот именно момент смуты отмечен в известии Никифора Григоры, которое приведено выше. Из него вытекает с несомненной ясностью, что константинопольские притязания поддерживаемы были в Трапезунде не партией сенаторского сословия и не местными чинами служилой аристократии, а преимущественно опирались, в смысле военной силы, на латинский отряд, пришедший на наемных кораблях, и на городской дим.

Чтобы понять, кто пытался овладеть движением и в чью пользу оно направлялось, необходимо заглянуть несколько вперед и посмотреть, кто в нем в конце концов выиграл. Никифор Григора выставляет как один из главных

¹¹⁰ καὶ ἐπυρπολήθη ἡ μονή, καὶ πάντα τα ὠραία αὐτῆς ἀλεκαῦθησανговорит с обычной протокольной краткостью Панарет.

¹¹¹ καὶ ὁ Τζανιχίτης καὶ ἕτεροι ἀρχόντες ἐπεριώρισθησαν εἰς τα Λίμνια καὶ ἐκεῖ το ζῆν ἀλέδωκαν

¹¹² Niceph. Greg. p. 550-551.

¹¹³ Шла речь о подыскании мужа для Ирины.

мотивов, почему трапезундские дела в то время дошли до крайней степени напряжения, политику великого доместика Иоанна Кантакузина, который далеко не питал расположения поддерживать в Трапезунде Ирину Палеолог¹¹⁴. По этому случаю мы обязаны ему очень важным сообщением, справедливость которого подтверждается всей историей Трапезунда, ни разу не испытавшей династического переворота, несмотря на крайне настойчивые стремления придворной аристократии ограничить царскую власть. Кантакузин потому считал непрактичным слишком резко вмешиваться в трапезундские дела, что не находил там между различными течениями ни одного такого, которое могло бы возобладать над другими; даже могущественная партия Схолариев раскололась на части. Что было прочно и против чего было опасно идти, это — основное государственное законоположение о несменяемости на престоле Великих Комнинов. «У них был закон, — говорит Григора¹¹⁵, — имевший ненарушимую силу, не допускать к царской власти никого из родовой аристократии, за исключением прямого потомства Комнинов». В этом был для Трапезунда очень важный корректив против Константинополя, где партийная борьба часто имела своей целью стремление к свержению династии и достижению царской власти. Так как Ирина Палеолог думала поддержать свои притязания на власть браком с одним из константинопольских царедворцев, о чем и вела уже переговоры, то нужно понимать отрицательное отношение Кантакузина к ее планам именно в этом смысле.

Тем не менее, как мы видим, из Константинополя прибыла военная эскадра и при ней представитель законной династии в лице Михаила, имевшего уже около 60 лет от роду. В Трапезунде была разыграна комедия, как она изложена у Никифора Григоры, сопровождавшаяся взятием под стражу принца Михаила и заключением его в крепости Лимнии. Партия константинопольского влияния с наемными отрядами из итальянцев и из греков была ослаблена и разбежалась. Перевес оказался на стороне туземной, т. е. национальной партии.

Теперь мы можем ознакомиться с представителями этой национальной партии. Панарет перечисляет врагов ее, когда говорит об изгнании в Константинополь царицы-правительницы Ирины, а Григора неодобрительно характеризует ее правление такими словами: «Правительственные дела нерадиво и в секрете направлялись двумя или тремя сенаторами, а дим был ими недоволен и готовил восстание». Между искавшими спасения в Константинополе был Никита Схоларий, Григорий Мизомат, вместе с братом Михаилом, Константин Доранит, вместе с сыном Иоанном и др. Они не теряли времени даром и скоро возвратились в Трапезунд с другим претендентом на престол в лице кир Иоанна, сына захваченного и сосланного в Лимнии Михаила. В 1342 г. он был венчан на царство в храме Богородицы «Златоглавой»; способствовавшая его воцарению константинопольская партия стала во главе правительства и в свою очередь насильственно и ожесточенно стала преследовать побежденную партию¹¹⁶. При этом преследовании жертвами стали представители Амицантариев; между прочим, мать кир Георгия, Саргала, была задушена; той же участи подверглась и царица Анна Анахутлу¹¹⁷. Это была критическая эпоха для грузинской партии. Положение дел, однако, нимало не изменилось. Иоанн III стал номинальным государем, но не был в состоянии овладеть смутой и направить в русло своеволие

¹¹⁴ Niceph. Greg. p. 679: προς μεν της των Τραπεζουντίων ήγεμονίδος Ειρήνης την ζήτησιν επιτείνειν ουκ ειχεν ευθύς, άλλ' εφ' ετέρας ετρεπετο σκέψεις.

¹¹⁵ p. 679: νόμος γαρ εκείνοις οίον αφυκτα δυνάμενος, μηδ' ύπ' ούδενός εκουσίους των απάντων γενών άρχεσθαι βούλεσθαι, -χίν των όσοι το γένος εκ Κομνηνών κατίασιν έχοντες.

¹¹⁶ καν γέγονε διωγμός βαρύς και αρπαγή πολλή.

¹¹⁷ Панарет, 1342 г.: τότε έσκοτώθησαν και οι άρχοντες οί Αβοτζαντάριοι (конечно, Аμυτζαντάριοι) και ή του κύρ Γεωργίου μήτηρ ή Сарγала ή παρεδόθη τη πνιγμονή, και συν αύτη άπεπνίγη καί ή Αναχουτλού.

служилого сословия. Поэтому произошла новая революция, в пользу содержавшегося в Лимниях отца его, кир Михаила. Орудием переворота был великий дука Схоларий. «Поелику тюремщик кир Михаила, — говорит Панарет, — великий дука, упомянутый евнух, был убит в Лимниях в марте 1343 г., отправился великий дука Схоларий и привел кир Михаила, который воцарился в мае 1344 г.». Для своего сына он придумал жестокое наказание: заключил его в пещеру Саввы. Это изысканное место заключения находится в скале под Трапезундом; туда можно было подниматься на веревке и оттуда вид был на море и находящийся при подошве скалы Трапезунд¹¹⁸.

Под 1344 г. находим самое обстоятельное изложение новых пожалований в чины по табели о рангах, «поелику (прежние) первые архонты были лишены жизни»¹¹⁹, хотя и этого оказалось недостаточно. В следующем 1345 г. подверглись аресту великий дука Схоларий, великий domestik Мизомат и другие из их партии.

В 1349 г. кир Никита Схоларий овладел званием великого дуки, потому что на его стороне был отряд из крепости Кенхрина. Тогда же он женился на дочери Сампсона, о котором под 1351 г. снова замечается: 6 татас; М\.%аг\Ъ 6 2ац\|/юу. В следующем 1350 г. отмечается «смута и волнение среди архонтов»¹²⁰, вследствие которой постигла катастрофа всю семью Доранитов. Были захвачены: великий стратопедарх Феодор Доранит по прозванию Пилели, брат его протовестиарий Константин Доранит и все его поколение, и заключены каждый в усадьбе архонтов¹²¹. Вскоре, однако, они были освобождены от заключения.

В 1351 г. смута продолжалась; в январе был схвачен протовестиарий Лев Кавасит, и на его место возведен упомянутый выше Пилели, т. е. бывший великий стратопедарх Доранит. В мае того же года начинается реакция против той партии, или против того движения, которое сейчас было отмечено: Пилели с приверженцами захватил акрополь¹²² и взял в плен великого дуку Схолария. Из этого последнего замечания можно судить, что борьба шла между представителями родов Схолария и Доранита, хотя на стороне первого оказывается трапезундская чернь, потребовавшая освобождения его. Опираясь на сочувствие царя и народа, Схоларий восторжествовал над соперниками и достиг того, что Пилели с сыном и зятем и с сыновьями Ксенита были захвачены и сосланы в крепость Кенхрину. Немного спустя кара постигла и Константина Доранита, бывшего гражданским и военным губернатором в Лимниях, брата протовестиария Пилели. В следующем году Дораниты повешены в замке Кенхрина.

В каком отношении к этим событиям стоит известие, помещенное под 1351 г. и сообщающее о захвате вооруженной рукой замка Цанихи епикерном Иоанном Цанихитом, можно заключить из выяснения положения этой фамилии в занимающей нас смуте: Цанихиты принадлежали к туземной аристократии. Наконец в 1355 г., после того как великий дука Схоларий бежал в Керасунт, он вступил в переговоры с правительством, очевидно, поставившие императора в крайнее затруднение¹²³. Здесь мы видим уже не партию, а часть правительства, ведущую переговоры с официальным царским правительством в куле или в кремле. Когда переговоры не увенчались успехом, наступили военные действия. Этот порядок вещей, отмеченный под 1355 г., должен быть нами вполне выяснен, если мы не захотим оставаться впотьмах насчет той нелепой, при первом взгляде,

¹¹⁸ Тюрьмой для лишенных власти константинопольских царей были Принцевы острова с прекрасным видом на столицу.

¹¹⁹ ἐπεὶ δὲ οἱ πρῶτοι ἀρχόντες τοῦ ζῆν ἀπεστερήθησαν.

¹²⁰ ἐγένετο σύγχυσις καὶ ταραχή μέσον των ἀρχόντων.

¹²¹ καὶ περιωρίσθησαν ἕκαστος αὐτῶν εἰς τὰ των ἀρχόντων ὀσπίτια.

¹²² ἐπιάσθη ὁ κούλας ἀπὸ του Πιλέλη καὶ των συν αὐτω.

¹²³ καὶ ἴκτοτε τὰ γεννηθέντα διὰ μέσον μηνιάματα καὶ ἀποκρισιάρια τίς δύναται γράφειν

грубой и беспринципной борьбы, в которой взаимно истребляют себя представители знатных служилых родов трапезундского государства.

Месяца марта 22, лета 1355, прибыл под Трапезунд великий дука Схоларий вместе с сыном своим паракимоменом с одним военным судном и 11 барками; тогда же пришел и протовестиарий Василий Хупакф¹²⁴. Выказано много пустых слов и взаимных горьких упреков, вновь достигнуто соглашение, и отошли в Керасунт. В том же году, в мае месяце, вооружив два военных судна с достаточным числом малых судов, царь выступил с матерью и с супругой и с митрополитом против Керасунта, занятого Схоларием; в это время в Керасунте был паракимомен, а Схоларий в Кенхрине. Произошло сражение, и была настоящая война; наконец достигнуто соглашение¹²⁵, и Керасунт «поклонился» царю. Между тем паракимомен ушел из Керасунта к своему отцу в Кенхрину, и там собралась вся партия Схолария. А царь, оставив в Триполи флот и деспину, возвратился в Трапезунд, взял кавалерийский отряд, выступил морем и, заняв местность с суши, всех окружил в Кенхрине. После сражения все поклонились царю и приветствовали. Царь и его отряд возвратился, Схоларий же с приверженцами остался на месте; туда же прибыл вместе со своей партией из Лимний протовестиарий. Торжество царской власти усиливается событием, случившимся в то же лето: выступил в поход дука Халдии Иоанн Кавасит, взял Хариэну и пополнил; тогда же освобождена Арогэна и перешла под царскую власть.

Наконец, чтобы не оставалось сомнения насчет побежденных сторонников Схолария, имеется известие от октября того же 1355 г.: выступили великий domestik Мизомат и великий стратопедарх Сампсон в Кенхрину, и приняли Схолария и его приверженцев, и возвратились, и произошло мирное устроение¹²⁶. Весьма жаль, что Панарет нигде не сообщает условий, на каких произошло соглашение.

Очень знаменательные факты сообщены под 1360 г. и 1361 г. Они представляют завершение драмы, так долго затянувшейся. В 1360 г., говорит историк, пошел царь в Халдию для постройки кулы¹²⁷; тогда же лишен был власти дука в Халдии Иоанн Кавасит¹²⁸. Под следующим же годом читаем: месяца июля 4 числа, в послеобеденный час, скончался великий дука Никита Схоларий¹²⁹; это сильно опечалило царя, он присутствовал на церемонии выноса его тела в белой одежде ради траура, как водится на царских похоронах, — так следует понимать выражение *καθώς εἰθίεται τοῖς ἀνασὶ*.

В этой скучной и длинной, двадцать лет продолжающейся смуте, в которой нередко гибли от меча и веревки на виселице целые роды из служилого и поместного класса и которую представлять здесь со всеми подробностями могло бы казаться не совсем уместным, мы думаем найти данные столько же для понимания ее, как и для объяснения ее значения в истории Трапезунда. Прежде всего стоит обратить внимание, что в течение целых 16 лет на сцене находится один и тот же славный вождь антиправительственной партии в лице великого дуки

Никиты Схолария, который возведен был в этот сан в 1344 г. после смерти евнуха Иоанна, убитого в Лимниях, где он был всесильным распорядителем самой царской семьи. После длинного периода настойчивой борьбы Никита наконец

¹²⁴ Под 1358 г. он назван Схоларием.

¹²⁵ *μετα δε την μαχην και τον πολεμον ἐγένετο κατάστασις... και ἦσαν ἅπαντες οἱ περί τον Σχολάριν ἐκεῖ.*

¹²⁶ *και ἐγένονεν εἰρηναία κατάστασις.*

¹²⁷ *Εἰσῆλθεν ο βασιλεὺς την χαλδίαν κτίζειν τοῦ κοῦκου.* Я не сомневаюсь, что нужно читать: *του κοῦλά.*

¹²⁸ Кавасит, несомненно, был тогда великим дукой, как видно у того же Панарета под 1355 г.; тем любопытнее термин: *παρέλυσε του κερχχлатикίου*

¹²⁹ Напоминаем, что это тот самый великий дука, который вел неустанную и ожесточенную борьбу с царским правительством.

сдался, но на почетных условиях, как о том свидетельствует известие Панарета об исключительном внимании, оказанном ему императором Алексеем III на его похоронах в 1361 г. С этих пор в летописи на долгое время прекращаются известия об острых неудовольствиях между короной и высшими чинами служилой аристократии. И потому здесь мы находим вполне своевременным остановить внимание на пройденном двадцатилетии внутренней смуты.

На какой же почве шла борьба?

Нельзя не признать, что при настоящем состоянии наших знаний весьма трудно было бы подводить к одному общему мотиву все разнообразие отмеченных фактов, которые сами по себе как будто лишены связи и не подчиняются какому-либо руководящему принципу. Панарет, хотя и сам принимавший личное участие в описываемых событиях, слишком формально относится к своей задаче, запротоколирует факты, не выражая личного участия ни к одной партии. Краткость его сообщений поразительна. Он передает фотографически то, что происходило на его глазах, и так как его изображения соответствуют реальности, то нам остается вдуматься, набросать краски на проходящие в его истории тени и оживить его фотографические снимки.

Трапезундская империя организовывалась под сильным воздействием соседнего грузинского царства. Первые цари, хотя и происходившие от царственной династии константинопольских Комнинов, всеми своими симпатиями, несомненно, тянули в сторону Грузии, а по семейным традициям и вообще к азиатскому Востоку, откуда набирали для себя военную силу, преимущественно кавалерию, и откуда почерпали, на первых по крайней мере порах, всю административную оснастку, т. е. служебный, военный и гражданский персонал. С первых же лет империи должна была народиться, однако, эллинская партия, состоявшая из ближайшей свиты, из части гвардии, наконец, беженцев и выходцев из Константинополя, которая должна была постепенно стремиться к устранению местных — грузинского и армянского — элементов и к господству в гражданской и военной администрации. Такова одна сторона подмечаемых нами волнений. К 1340-м гг. первая фаза исторической эволюции была закончена. Она кратко отмечена у Панарета в следующем известии, стоящем во внутренней связи с переходом Михаила из крепкого заточения в Лимниях на царский престол в Трапезунде, причем сын его Иоанн, возведенный на престол партией бояр, должен был переменить обаятельную власть на самое суровое заключение в пещере Саввы. Все вероятия говорят за то, что наказание было придумано восторжествовавшей политической партией, которая принудила Михаила заранее дать согласие как на эту меру, так и на другую, о которой мы находим известие под 1344 г. Душой всего переворота и коренной перемены внутренней политики был Никита Схолярый, который лично отправился в Лимнии, вступил в соглашение с тамошним узником Михаилом и возвел его на царство, и которого Панарет при этом случае напрасно величает великим дукой¹³⁰. Заслуги Схолария и его партии вознаграждены были новым царем весьма щедро и отмечены у Панарета очень отчетливо; только факт не освещен и не поставлен в надлежащей перспективе. Он говорит: «поелику же первые архонты лишены были жизни», т. е., как нужно дополнить, были перебиты восторжествовавшей политической партией, то произошел целый ряд новых пожалований и назначений в звания, принадлежащие по табели о рангах первым архонтам. Прежде чем, однако, перечислить эти назначения, спросим себя: кто же были эти перебитые, освободившие целый ряд высших мест? К сожалению, только намек на это можно

¹³⁰ Под 1348 г.: поскольку евнух был выслан в Лимнии [επειδὴ ὁ εὐνούχος ἐν τοῖς Λιμνίοις ἀλεκτάθη] (конечно, по распоряжению Схолария), отправился великий дука Схолярый и возвел кир Михаила [ἀπὴλθεν ὁ μέγας δοῦξ ὁ Σχολάρις καὶ παρέλαβε τὸν κύρ Μιχαήλ].

находить в известиях под 1332-1333 гг. Под этими годами великим дукой был Леки Чан-чичей или Цанцицей; сын его Чамна или Цамна был великим domestиком. Их постигла казнь, и не только их самих, но и семьи их подверглись страшным бедствиям; достаточно указать, что жена великого дуки побита камнями. Следует вдуматься в названные, чуждые греческому языку, личные имена, а равно дать себе некоторый труд выяснить причину похода на Трапезунд в следующем 1366г. некоего Сихасы, сына Томарты и др. в связи с этим фактом, чтобы прийти к заключению, что здесь мы имеем указание на катастрофу, постигшую господствовавшее доселе в Трапезунде грузинское влияние и сопровождавшуюся жестоким избиением и казнями представителей этой партии, которым принадлежали высшие места в управлении.

Итак, возвращаясь к тому положению, какое отмечено Панаретом в 1344 г., мы видим, что последовала полная перемена в составе правительственных лиц. На место погибших первых архонтов: 1) Никита Схоларий возведен в звание великого дуки, 2) Григорий Мизомат — великого стратопедарха, 3) Лев Кавасит — великого domestика, 4) Константин Доранит — протовестиария, 5) сын его — епикерна, 6) Иоанн Кавасит — великого логофета, 7) его сын Схоларий в сан паракимомена, 8) Михаил Мизомат — эмир-чауша, 9) Стефан Цанихит — великого коноставла. Если ставшая во главе правительства партия имела ту цель, которая, казалось бы, была вполне осуществлена удалением лиц грузинского и армянского происхождения, то назначениями в 1354 г. ее положение было вполне обеспечено, и господство ее членов покоилось на реальных основах. Чтобы составить себе понятие о политическом выигрыше партии, мы должны здесь войти в некоторые подробности насчет особенных привилегий, соединявшихся с этими званиями, которые тем более закрепили власть и богатство за несколькими родами, что почетные титулы и звания часто распределялись между лицами одного дома и что те роды, которые завладели этими званиями, нередко состояли между собой в родстве, т. е. были не чужды сословного и классового духа. На этой почве развиваются дальнейшие притязания того сословия, с которым предстояло вступить в единоборство императорской власти в Трапезунде.

Титул великого дуки, который носят высшие чины служилой аристократии, обозначал, собственно, военного и гражданского губернатора фемы Халдии, к которой, по старой административной системе, причислялся и Трапезунд. Но во все время Трапезундской империи дука Халдии, столько же по традиции, как и по крайнему положению этой области, подверженной постоянной опасности от врагов и защищенной многочисленными замками и крепостями, пользовался громадным влиянием и значением и мог держать в своих руках двор и судьбы империи. Постепенное образование и развитие власти великого дуки, начало которого наблюдается еще до Крестовых походов, не входит здесь в нашу задачу. Мы можем привести одно место из договора Алексея I Комнина с князем Боэмундом в 1109 г.¹³¹: «Хрисовулом нашего царского величества пожалован дукат (Антиохия) во всей совокупности со всеми в нем замками и областями. Эта власть не ограничивается моим лицом, но по силе вашего хрисовула я волен передать ее, кому мне заблагорассудится». Нужно сейчас же сделать ограничение, что императоры трапезундские никогда не выпускали из своих рук права распоряжения коронными званиями и чинами, но не подлежит сомнению, что замки и крепости с военными людьми и гражданское население фемы были в полной власти великого дуки. Кир Никита Схоларий является в занимающий нас период типическим выражением византийского административного чина, который растратил свое влияние и громадную силу в борьбе с чинами своего же сословия и не был в состоянии дать настоящее сражение в борьбе против императорского

¹³¹ Annae Comn. XIII. 12 (II, p. 243. 8).

принципа, в интересах ограничения его и проведения в жизнь феодализации. Греческие бояре и в XIV в. стоят на той же стадии, что и предшественники их в X–XII вв.

Поучительный урок выносится и из рассмотрения судьбы носителей других высших званий и титулов. Излишне говорить, что мы имеем перед собой совершенное повторение византийской таблицы придворных и административных чинов. Оговорку следует допустить лишь в том смысле, что трапезундская летопись могла не оставить нам памяти о всех званиях и титулах. Но зато здесь мы можем наблюдать историю родов и фамилий, ведущих мелкую борьбу из-за власти между собой и с центральным царским правительством через целые столетия. Самые древние фамилии, принимавшие деятельное участие в интриге за изучаемое нами двадцатилетие, суть Цанихиты. Крепость Цаниха в Халдии дана этому роду. Цанихиты вошли в русло политических событий с первых же лет образования Трапезундской империи, как можно судить по надписи в церкви Иоанна, что на скале, в предместье Трапезунда. Родственная с ними и также местная фамилия Камахины, от крепости Комаха также в Халдии, к изучаемому периоду утратила свое передовое значение. Но крупная роль в XIV в. принадлежала Каваситам, Доранитам и Мизоматам; несколько труднее судить о роли фамилии Сампсон, с которой Схоларии вступили в брак и тем выдвинулись на первое место между всеми родами.

Мы видели, что все аристократические роды выступают в качестве носителей придворных и государственно-административных военных и гражданских званий, из коих каждое имеет эпитет «великий», как и сами Комнины не ограничиваются простым фамильным, хотя и достаточно громким прозвищем, а прозываются и титулуются «Великий Комнин».

Итак, звания дуки, логофета, коноставла, протовестиария, паракимомена, стратопедарха, наконец, кефалатикевона или кефалия — вот предмет домогательства трапезундских бояр. Нет сомнения, что эти звания не простая форма, не пустой звук, а что с ними соединялись как материальные выгоды, так и особенно честь и фактическая власть, иначе говоря, владение военными и гражданскими должностями, имущественные права по отношению к земельной собственности, власть над местным населением и т. д. По-видимому, с каждым званием соединялись особенные права по службе и по владению земельными угодьями. Но когда в одной семье соединялось, как это часто было в изучаемый период, несколько привилегированных званий, то с этим вместе власть такого рода становилась опасной для других родов. Схоларии, в качестве носителей титула великого дуки, соединяют и звание паракимомена (Панарет, 1355 г.); Дораниты были носителями протовестиарита и вместе кефалиями в Лимниях (там же, под 1351 г.); Каваситы носят звание великого доместика и великого логофета (там же, 1344 г.). Великий коноставл вместе с тем оказывается военным начальником банды Мацуки, эпикерн Георгий Симат — дукой и кефалией банды Трапезундской¹³². Последние два примера относятся к концу XIV в. (а. 6894); они особенно интересны в применении к общему вопросу о военном устройстве, ибо банда есть и военный отдел фемы, и вместе с тем административный округ.

Таким образом, Трапезундская служилая аристократия в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса, по всем данным, которые указаны выше, была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти синьорий. В начале XV в. испанский путешественник Клавихо и отмечает этот характер

¹³² Mikloshich et Muller. Acta patriarchates Constantinopolitani, V, 469.

небольших владений, выделившихся из связи с империей, и тем не менее феодальным государством Трапезунд не был.

Политическое развитие сословий не пошло дальше того, что наблюдается в Византии в XII в. перед IV Крестовым походом.

Из названных выше девяти чинов, ставших во главе правительства в 1344 г., главенство принадлежало Никите Схоларию, который в качестве великого дуки, т. е. военного и гражданского губернатора Трапезунда, овладел высшей властью. Катастрофа прежней, теперь вполне ослабленной, партии стояла в связи с придворным переворотом, возведением на престол содержавшегося в крепости Лимниях Михаила II. Этот переворот был делом Никиты Схолария и его приверженцев. Об этом читаем в истории Никифора Григоры¹³³ очень важную заметку: «Когда таким образом правительство перешло на сторону сына Комнина и партия Схолариев, произведшая этот переворот, получила громадную силу, она отомстила своим противникам следующим образом. Двое из самых главных виновников, первые по славе и значению, поплатились жизнью и лишением имущества, приверженцы же их второстепенного и третьестепенного значения осуждены были на вечное изгнание». Те двое, о которых упоминает здесь Григора, не называя их по имени, должны были быть великий дука Леки Чанчичей и сын его великий доместик Чамна, как показывают чуждые греческому языку звуки, лица грузинско-армянского происхождения.

ГЛАВА IX. ЦАРИ АЛЕКСЕЙ III (1349 – 1390) И МАНУИЛ III (1390 – 1417). ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIV В.

Почти 70 лет падает на два царствования, составляющие замечательный период в истории постепенного крушения Трапезундской империи, а вместе с тем и окончательной катастрофы эллинского мира. На изучении этого периода всего легче вскрываются главные причины, содействовавшие падению империи, и обнаруживаются недостатки как в организации ее и в отношении частей к целому, так и в отсутствии политической системы, которая дала бы преобладание наиболее численному и однородному элементу населения над мелкими этнографическими группами. Выясняется до не подлежащей сомнения очевидности, что первый период от основания до второй половины XIV в. проходит при более благоприятных условиях и имеет определенную цель, во всяком случае, легче доступен пониманию и объяснению, как вытекающий из определенных предпосылок, чем последний, где исследователь до известной степени теряется в массе внешних воздействий и влияний на течение истории, которых не поняли или не были в состоянии использовать в интересах империи Великие Комнины XIУ-XV вв.

Сын Василия и Ирины Трапезундской Алексей проживал в Константинополе, когда партия Схолариев, свергнув Мануила в 1349 г., пригласила его, хотя ему не исполнилось еще 12 лет, на царство. Объявленный царем сенатом и народом, он короновался в церкви Евгения. Алексей получил воспитание в Константинополе и пользовался покровительством Иоанна Кантакузина, который поддерживал его, в намерении устранить линию Великих Комнинов в лице Михаила и Иоанна III от власти, ввиду их союза с Палеологами. Чтобы закрепить эту связь между двумя фамилиями, незаконно захватившими власть, юный Алексей, едва достигши 14 лет, был помолвлен с Феодорою, дочерью Никифора, родственника Иоанна Кантакузина.

¹³³ Niceph. Gregor, p. 681.

Сорокалетний период времени Алексея III, сравнительно с предшествующими царствованиями, мог бы представить достаточно материала, чтобы сделать определенное представление насчет реальных условий, в которых была империя и в которых приходилось жить трапезундским императорам. Большим преимуществом можно считать уже и то, что на время Алексея III падает жизнь единственного историка Трапезунда, Панарета, и что сам царь выступает перед нами в окружении, хотя и немногих, официальных актов, знакомящих с жизнью провинции; таков его хрисовул в пользу монастыря Сумелы. Замечание позднейшего писателя о том, что Трапезунд оберегаем был от окружавших его турок горами и крепостными сооружениями, не допускавшими неприятеля до захвата столицы империи, может особенно характеризовать это время¹³⁴.

Между тем до последнего времени не было оказано надлежащего внимания изучению этой эпохи второй половины XIV в., обильной указаниями на переживаемое империей время. Miller весьма поверхностно говорит об упомянутом хрисовуле и не оценил его значения в приложении именно к тому времени, когда он издан, т. е. к 1365 г. Он сказал только, что «этот длинноватый документ дает нам возможность бросить взгляд на социальные условия сельского населения, на крепостной быт, систему обложения податями, на монастырское крупное землевладение и на недостаток общественной безопасности. Предисловие его дает понять, что Алексей больше доверял духовному, чем материальному оружию для защиты империи и больше полагался на монастыри, чем на крепости»¹³⁵.

Однако стоит лишь взвесить известия того времени, изложенные современником в лице Панарета, чтобы понять уместность тех мер, какие приняты были Алексеем III для защиты Сумелы. Опасность от турецких эмиров, занимавших соседние крепости и горные ущелья, была постоянная и неотразимая. Правда, это не были походы с большими военными силами; столкновения кончались иногда десятком убитых, но они свидетельствуют о крайней незащитности трапезундских владений и о недостаточности военных сил, которые набирались главным образом из инородцев, занимавших окружающие горы. После того как столица была защищена стенами и стала пользоваться безопасностью от неожиданных нападений, окрестности и ближайшие селения продолжали находиться под угрозой турецких конных отрядов. Так, под 1358 г. Панарет извещает: «По нашей небрежности напал на Мацуку Хаджи Омар с большим отрядом и увел большой полон и захватил много скота и имущества в области Палеомацуки и до Дживислыка». Последнее место находится в 15 верстах от столицы, а Мацука отстоит не более как на 30 верст. Во второй половине XIV в. оберегаемая до того времени дукой Халдии, находившимся под номинальной властью царя, провинция Халдия была захвачена турками, и прежние укрепления, такие как Лимнии, Кенхрина, подпали под власть турок.

Под 1360 г. имеется известие, что царь пытался было устроить в Халдии укрепление, но там уже была другая власть, в лице эмира Байбурта, который выступил против царя с 300 всадников и заставил его отказаться от своего намерения. Нужно хорошо взвесить это обстоятельство: неприятель имеет 300 всадников и заставляет императора отступить! Под 1374 г. сообщается известие, которое дает прекрасную характеристику политической системы трапезундских царей по отношению к соседним эмирам: «После многих переговоров и обмена посольствами между царем и Таджеджином выступил царь с дочерью, госпожой Евдокией, продвинулся до Инея и там, свидевшись с челеби, соединил с ним дочь свою Евдокию», а в то же время получено известие, что в столицу собирается

¹³⁴ Haithon. *Historia orientalis*, c. XIII.

¹³⁵ Miller. *Op. cit.*, p. 663.

другой турецкий эмир тоже с брачными целями. Сам царь развозит своих дочерей и годных к замужеству родственниц, чтобы заручиться родством с турецкими эмирами!

Ввиду такого положения дела сообщаемые в хрисовуле в пользу Сумелы изъятия и привилегии не должны быть рассматриваемы как выражение ложной политики, внушенной преувеличенными религиозными чувствами.

Хрисовул в пользу монастыря Сумелы занимает весьма важное место между источниками, касающимися социальных условий и крестьянского землевладения в Трапезундской империи и вообще в средние века. Рядом с актами Вазелонского монастыря Сумелийский хрисовул раскрывает новые любопытные черты в истории развития Средневековья, которые нами затронуты в нашем издании актов и о которых мы здесь не будем говорить. Лишь с целью дать оценку настроениям Алексея III укажем следующее место¹³⁶: «Селение Дувера с населяющими его париками и гоникариями, равно как жители Куспидия и окрестностей подведены хрисовулом приснопамятного царя деда моего под состояние париков обители Сумелы, не подлежащих никаким взысканиям и вполне свободных. Но с тех пор и до настоящего времени лица, уполномоченные собирать подати и другие государственные сборы в области Мацуки, от времени до времени, по своеволию и не обращая внимания на хрисовул, как дикие звери, нападали на эти селения, и одни грабили их и притесняли по отправлению суда и гоньбы вне очереди (разумеется, конская повинность) и по спорным делам о владениях¹³⁷, другие же, удаляя париков из-под власти монастыря, ставят их в подчинение архонтам и крупным владельцам».

Памятник рисует положение дел в самом близком расстоянии от столицы и дает ясное доказательство, что во второй половине XIV в. империя находилась в отчаянном положении. Внешние враги еще поддавались на приманку красивых дочерей и сестер императорской семьи, служилая же аристократия и владельцы укрепленных замков ставили царскую власть в беззащитное положение. Сумелийский хрисовул и заслуживает изучения именно с этой стороны.

За Алексеем III следует царь Мануил III, правивший империей до 1417 г. Это был в высшей степени тревожный период, сопровождавшийся вторжением Тамерлана, битвой при Анкаре и поражением на Косовом поле. Правда, вторжение монголов миновало Трапезундскую империю, но, вследствие завоевания монголами Самсуна границы империи сократились, ограничиваясь береговой полосой от Батума до Инея, за исключением маленькой территории Лимний, принадлежавшей эмиру Арсамиру, сыну Таджеддина, зятя Алексея III. Победы Тимура над турецкими племенами сельджукидов обезопасили Мануила от грозного Баязида, но зато принудили признать некоторые обязательства по отношению к Тимуру в лице его наместника, мирзы Халила. Южные области по направлению от Трапезунда к Эрзеруму, защищенные горами и крепостными сооружениями, находились во владении Каваситов, издавна имевших полузависимое положение в Халдии.

Таково было политическое состояние Трапезундской империи при Мануиле, прекрасно обозначенное в дневнике испанского посла Клавихо. Происходившие на Востоке события нашли себе отклик во всей Европе. Король Кастилии Генрих III, с особенным интересом следивший за восточными делами и имевший о битве при Анкаре точные сведения от своего посла, принял решение в мае 1403 г. отправить посольство ко двору Тамерлана в Самарканд с целью, между прочим, собрать сведения о всех местах и народах, которые придется увидеть посольству на пути. Для этого член посольства Рюи Гонзалес де Клавихо стал

¹³⁶ Fallmerayer. Original-Fragmente, Erste Abteilung, S. 97.

¹³⁷ Чтение оригинала *ἐπηρεαὸν* – *κατὰ δύναστικὴν συζητήσιν* возбуждает сомнение.

вести поденную запись всего виденного и испытанного и составил чрезвычайно важный дневник, получивший первостепенное значение для знакомства с эпохой XIV в., и в частности с положением в это время Трапезундской империи. Для некоторых вопросов Клавихо дает незаменимые сведения, которыми нельзя не воспользоваться¹³⁸.

Из Кадикса до Константинополя и Трапезунда посольство шло морем, а потом сухим путем вплоть до Самарканда. В марте 1404 г., идя у берегов Черного моря, посол отмечает турецкие города, бывшие прежде греческими: Инеболи, Синоп, которые принадлежали теперь рыцарю Еспандиару, платившему дань Тамерлану. Самсун находился в генуэзской и мусульманской власти. Неподалеку находился город Иней, где владел грек Мелиссино, подвластный Тамерлану. Область прежней крепости Лимнии (Leona) принадлежала эмиру Арзамиру. Только от Триполи начинались земли, находившиеся во власти трапезундского императора. На пути к столице упоминаются города Корице, Виополь (Viopoli), Фока, наконец, Платана, которая находится в 15 верстах от Трапезунда.

12 апреля 1404 г. был прием во дворце. Клавихо называет императора Мануила III и сына его Алексея IV, упоминает, что он платил дань Тамерлану и другим турецким эмирам, соседям его. Описав город Трапезунд и его памятники, достаточно с ними ознакомившись в течение двухнедельного пребывания, посол отправился в дальнейший путь в воскресенье 26 апреля.

Посол оставался в столице империи от 11 до 126 апреля 1404 г. Ему предстояло направиться в ставку Тамерлана обыкновенным караванным путем, каким шли тогдашние торговые люди из Трапезунда в Персию. Уже и в этом отношении сообщения Клавихо имеют громадную цену. Но в особенности для характеристики административной власти центрального правительства в Трапезунде они не имеют ничего равного в литературе предмета. Приготовившись для трудного и продолжительного перехода, путешественники выступили в поход. Так как нынешняя шоссейная дорога на Эрзинжан и Эрзерум прошла приблизительно по прежнему караванному пути, то мы без особых трудностей можем проследить направление Клавихо в пределах империи. И прежде всего отметим, что для сопровождения его и охраны был назначен военный отряд, которому было приказано находиться при посольстве, пока оно было на территории империи. Первый день пути шел по высоким горам, перерезанным долинами и горными речками. Хотя неизвестно, сколько часов посольство находилось в пути, но ночевка была на реке Пикситис, тур. Деирмен-дере, в разрушенной церкви. Все вероятности говорят за то, что переход продолжался не больше 3-4 часов, так что ночевка была на расстоянии 15-20 верст от столицы. Это обстоятельство весьма важно отметить ввиду того, что случилось потом в понедельник утром. Именно когда караван был готов в дальнейший путь, охранный отряд заявил, что не может следовать далее, потому что имеет основания бояться нападения со стороны врагов царя. В 20 верстах расстояния от Трапезунда уже имя царя не внушало страха, уже были враждебные для центральной власти влияния, хотя путешественники находились еще в пределах империи. Это подтверждается и в самом повествовании Клавихо, из которого видно, что после следующего дневного перехода, в понедельник, караван остановился на ночлеге у царского замка, называемого Палеомацука, находившегося под властью царя. Военный округ Мацука, а в нем замок Палеомацука, хорошо известен по земельным актам; здесь была область влияния монастыря Завулонского, здесь жило деревенское население, о состоянии

¹³⁸ Мы располагали английским изданием «Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarkand, by Clements E. Markham» London, 1859, и русским переводом под редакцией И. И. Срезневского «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд», СПб, 1881 (Сборник ОРЯС, т. 28).

которого позволяют судить живые свидетели, т. е. акты купли, продажи, дарения и вообще движения земельной собственности. Можно думать, что второй ночлег имел место в расстоянии не больше 40 верст от столицы, может быть даже менее, если принять в соображение замечание Клавихо, что в одном месте путь был завален свалившейся сверху скалой, что и было причиной остановки в этот день ранее срока. В среду путешествие было сопряжено с большими трудностями: горы покрыты снегом, переправа через горные ручьи. Остановка на ночь была близ крепости Цигана (еще 15 верст), построенной на утесистой скале с единственным ходом в замок через деревянный мост. Эта крепость принадлежала греческому рыцарю кир Льву Каваситу. Как наименование горного прохода и крепости Цигана, так и имя крупного в то время трапезундского вельможи, занимавшего пост дуки или кефалия Халдии и великого доместика, т. е. главнокомандующего военными силами империи, очень показательны в данном случае. Посольство находилось еще в границах империи, а между тем уже начинают сказываться центробежные стремления, ибо в Цигане и в дальнейших укреплениях по тому же пути обнаруживаются, по-видимому, те самые, как выражалась покинувшая посольство охрана, враждебные царю силы, с которыми она не хотела вступать в борьбу. Все это обнаружилось на следующий день, когда посольство приблизилось к укреплению по имени Кадака, в котором следует видеть нынешнее Ардаса. К этому отождествлению следует приходить как на основании текста Клавихо, так и по другим данным, о которых сообщено будет ниже. У нашего путешественника находим в описании очень определенные черты, применимые именно к Ардасе. Она построена на крутом утесе поблизости от реки. Дорога шла по узкой тропе берегом реки; над самым утесом крепости идти можно было только поодиночке. Небольшое число людей могло защищать этот проход против целой армии, и другого пути нет во всей местности¹³⁹.

В Ардасе Клавихо со своими спутниками был в среду. Здесь были еще владения трапезундские, но с владельцем крепости произошли очень горячие объяснения, характеризующие положение дел. Из крепости вышли люди с требованием переговорить с путешественниками насчет имеющейся при них клади, и по этому поводу Клавихо делает следующее замечание: в замке живут воры и дурные люди, да и сам начальник их — вор; по этой дороге путешествуют только большими караванами, соединяясь вместе, несколько купцов, которые обязаны выдавать большие подарки начальнику этой области и его людям. К вечеру (т. е. в среду) прибыли к крепости по имени Дориле (Dorile), которая имела прекрасный вид¹⁴⁰. Послы узнали, что повелитель страны жил в этом замке, и они послали драгомана с тем, чтобы известить о себе, кто они. Но, приближаясь к самой крепости, увидели всадника, который сказал им, что начальник крепости предлагает им остановиться и сложить свой багаж в ближайшей церкви. Он же объяснил, что существует обычай, обязательный для путешественников, вносить известную пошлину в пользу начальника крепости, и что им следует исполнить это. Далее он сказал, что его господин имеет в горах военных людей, ведущих с турками войну, что он живет от сборов с путешественников, следующих этой дорогой, и от военной добычи. Если бы послы пожелали посетить начальника крепости, чтобы оказать ему внимание, то им было выражено мнение, что

¹³⁹ Linch Armenia. Travels and Studies, London, 1901, vol. II, p. 243. Линч описывает всю нынешнюю шоссеиную дорогу от Трапезунда до Эрзерума (II, p. 240, 225). От Трапезунда до Ардасы у него насчитывается до 60 миль. Другой, более краткий путь идет на Сумелу; ясно, что Клавихо держался первого пути.

¹⁴⁰ Отождествить это название весьма трудно. Нужно было бы ожидать Аргирокастр в Халдии или нынешний Гюмушхане, где, по всей вероятности, была резиденция дуки Халдии, с которым испанский посол и вступил здесь в личные объяснения.

предпочтительнее этого не делать, а что утром на следующий день он сам посетит их.

Утром 1 мая начальник крепости Кавасит, окруженный военной свитой в 30 человек, прибыл к месту расположения лагеря путешественников. Кавасит предложил послам сесть рядом с ним. В разговоре он дал понять, что его область скалиста и непроизводительна и что он находится в постоянной войне с турками, своими соседями. Вследствие этого его людям нечем жить, исключая того, что дают путешественники и что им удастся добыть у соседей. Поэтому они должны оказать ему содействие одеждой и деньгами. Послы отвечали, что они не купцы, что государь их, испанский король, послал их к Тимур-беку и что у них нет ничего для уплаты или выдачи подарков.

Посол Тамерлана заметил, что ему хорошо известно, что трапезундский император есть господин этой земли и вместе вассал Тамерлана, и присоединил, что все у них имеющееся принадлежит Тимуру и, следовательно, они должны свободно следовать через эту землю. Но прибывшие из крепости возразили, что хотя и справедливо все, что сказал посол Тамерлана, но что единственный источник существования для них заключается в том, о чем они говорили, и во всяком случае путешественникам придется уплатить то, что с них требуется. Ввиду такого категорического заявления послы предложили один кусок ярко-красной материи и серебряный кубок, а монгольской посол дал кусок багряной материи флорентийского производства и штуку полотна. Но это не удовлетворило посетителей, и они просили надбавки. Несмотря на все вежливые слова, обращенные к ним, они продолжали настойчиво требовать исполнения их просьбы, говоря, что словами делу не поможешь. Тогда послы принесли еще кусок камлотовой материи и передали его военным людям из крепости. Наконец последние удовлетворились, и начальник крепости сказал, что караван будет снабжен его охраной до области Арсинга, которая принадлежит Тамерлану¹⁴¹. Наняты были лошади под караван, оплачен эскорт, и в пятницу послы двинулись в путь. Утром, в час обеда, они подошли к крепости, также принадлежавшей Каваситу, где должны были снова уплатить пошлину. В полдень они были в долине, где, по дошедшим до них слухам, была крепость, принадлежавшая туркам, находившимся в войне с Каваситом; там же был военный отряд, подстерегавший путешественников. К вечеру они подошли к городу Alan-gogasa; здесь покинул их отряд, данный Каваситом. В этом укреплении караван вступил на почву, занятую монгольскими чинами.

Переданное выше прекрасное описание пути через области Трапезундской империи дает весьма живое представление не только о тех средствах, какими держалась призрачная власть императора в якобы принадлежащих ему имперских владениях, но и о существовании этой «самодержавной» власти на весьма ограниченной территории. За 30 верст от столицы уже были полувзависимые начальники крепостей, владевшие своими военными людьми и ведущие войну с соседями.

Мануил умер в 1417 г. Он был дважды женат, в первый раз на Евдокии Грузинской в 1377 г., от которой имел сына Алексея IV, во второй — на Анне Филантропине из Константинополя, от которой не имел потомства. Алексея подозревали, что он ускорил смерть своего отца Мануила III.

Для характеристики настоящего положения вопроса по изучению истории Трапезунда находим нужным указать на с. 70 новейшей истории Трапезунда Миллера, где рассказано, без всякого основания, об устройстве усыпальницы

¹⁴¹ Clavijo, p. 67, the lane of Arsinga, и далее, p. 68, a town of Arsinga. Следует думать здесь не о городе, а об области, зависящей от Эрзерума. Границы между трапезундскими и монгольскими владениями были между Гюмушхане и Байбуртом.

Алексея III близ храма Богородицы «Златоглавой» в Трапезунде, между тем как в действительности должна была бы идти речь об усыпальнице Алексея IV.

В истории империи важнейшее значение следует придавать политическим и этнографическим отношениям на южной и западной границе. Здесь никогда положение не было прочным; всегда оно колебалось вследствие перехода военного засилья и преобладания на сторону враждебных империи сил. Ознакомить читателя хотя бы до некоторой степени с историей указанных пограничных отношений побуждает нас глубокая уверенность в том, что в них скрывается разгадка судьбы Трапезундской империи, ее счастливых и трагических дней.

Фема Халдия, с городом Трапезундом во главе, организована была еще в VIII в. В состав ее входило несколько (до шести) крепостей или городов, между ними Келцина, Херианы, Эрзинжан, Байбурт¹⁴². С течением времени в этой области, имевшей исключительное значение, образуются и другие замки и укрепления, получающие военный и политический характер. Будучи пограничной областью Византийской и затем Трапезундской империи, фема Халдия была организована в областях, довольно слабоколонизованных эллинами и населенных племенами инородческого происхождения: лазами, грузинами, армянами и разными горными племенами, искони тянувшимися к культурным местам из Средней Азии. В Халдии не могло образоваться такого государственного центра, к которому бы, как объединяющему и сосредоточивающему, охотно тянулись все группы населения, имеющие неодинаковое происхождение и язык, различный образ жизни и занятий. Таковы горные обитатели Халивии, занимавшиеся разработкой месторождений руды, земледельческое население банды Мацуки и жители больших приморских городов, жившие торговлей. Греческое население терялось в массе инородцев и не было в состоянии подчинить их своему языку и обычаям, т. е. эллинизировать. Кроме того, следует принять во внимание, что горный, пересеченный труднодоступными ущельями характер области затруднял сношения между горными жителями и долиною и способствовал образованию небольших, в себе замкнутых территорий, имевших тенденцию к самостоятельной организации и к автономному управлению под властью местного господина, который из укрепленного замка управлял небольшой территорией. Таков в общих чертах тип, представляемый организмом Трапезундской империи.

Выше мы говорили об образовании подобного автономного центра, имевшего первостепенное значение, сначала как пограничная крепость империи, а позднее как укрепление и враждебное империи политическое образование, которое возглавляет мусульманский эмир. Это восточная пограничная крепость и морская гавань Лимнии, игравшая важную роль в XIV в. Наблюдение по истории образования этого военного и политического центра приводит к заключению, что он имел в XIII и XIV вв. двойное значение: военного поста для всей Халивии и морской гавани для империи. Как показывает изучение фактов, сообщаемых у Панарета, пока Лимнии были во власти Великих Комнинов, империя могла считать себя более или менее обеспеченной как со стороны моря, так и с южной сухопутной границы. Потеря же этой крепости, хотя и имевшая вид передачи ее в приданое за Евдокией, дочерью Алексея III (в 1380 г.), сопровождалась громадными несчастьями для империи и ослаблением ее политической силы и авторитета. В ближайшие затем годы в Лимниях оказывается владельцем эмир Таджеддин, а в одном из замков Халивии другой зять царя, сын Хаджи Омара. Вот почему для нашей цели было чрезвычайно важно установить географическое

¹⁴² См. мою статью «Выделение Трапезунда из состава Византийской империи», с. 23 и прим. 7 (Seminarium Kondakovianum, I, Prague, 1927).

положение этой крепости, чтобы понять ее значение для восточной и южной границы империи. Нужно было подвергнуть проверке положение Фальмерайера о местонахождении Лимний между Униэ и Самсуном. Где же искать эту крепость? Так называлась область, идущая на юг от мыса Язона, где было укрепление Бона с одной стороны и ряд береговых укреплений по направлению к Самсуну, между прочими Униэ и Лимний при устьях Лириса, может быть, в местности города Чершамос. Течение реки Лирис соединяло эту область с Эрзинжаном и Камахой, т. е. с Халивией. С конца XIV в., таким образом, оборонительная линия с военной стороны была прервана: в Самсуне и Лимниях утвердились турки.

Это положение дел хорошо иллюстрируется для второй половины XIV в. у Панарета. Он дает погодную запись пограничных событий, которые, если принять в соображение непрерывность, настойчивость и неизменный характер беспокойного состояния тревоги на всем протяжении обращенной к неприятелю черты имперской области, представляют для наблюдателя неподражаемый образец средневековой среды. Это не война в общепринятом понятии; это набег небольших отрядов, предпринимаемый на незащищенную область, удача которого зависит от простой случайности — успела ли угрожаемая сторона выставить в нужном месте защитников. Не требовалось их много; успех предприятия зависит от нескольких десятков участвующих в набеге, жертвы исчисляются тоже небольшим числом погибших. Нужно вдуматься в смысл сообщений Панарета и оценить характер его известий, чтобы хотя до некоторой степени понять смысл политики Великих Комнинов, стремившихся к миру на границе на условиях предложения соседу своей сестры или дочери. В конце первой половины XIV в. начинаются известия о нападении турецких эмиров, завладевших Амисом, на Халивию. Это была пограничная область, населенная особым племенем, от которого и получила название; она была известна обилием металлических руд и добычей угля¹⁴³.

В этой области был укрепленный замок, имевший большое значение в истории этого времени. С тех пор как Амис был потерян для греков и как турецкие эмиры и беки, находившие поддержку у соплеменных им владетелей Синопа, усилились здесь, для Трапезундской империи вся надежда оставалась в укрепленных замках, или «кулах», в которых сидели имперские гарнизоны. В особенности стало безнадежно положение на этой границе, когда крепость Лимний была уступлена во владение зятю царя Таджеддину, в приданое за дочерью царя Евдокией. Постепенное обращение Халивии в турецкое господство Панарет проследил весьма последовательно. Приведем несколько мест.

В царствование Иоанна III¹⁴⁴ турки заняли Халивию и было жестокое опустошение, стали необитаемы целые области. В 1341 г. напали турки из Амиса, греки обратились в бегство без сражения, погибло много христиан. В 1348 г. напали отряды турок из Эрзинжана, Байбурта и Амиса, вели войну три дня и постыдно отступили. В 1352 г. отправилась сестра царя кира Мария и вышла замуж за Кутлубека, сына Турала, эмира Амиса. В 1355 г. дука Халдии занял Кехриану, в следующем году по дьявольскому попущению пошли с царем на Кенхрину; после первоначального успеха в шестом часу обратились в беспорядочное бегство перед небольшим отрядом. В 1358 г., по нашей небрежности, напал на Мацуку Хаджи Омар и увел большой полон, захватив много скота и имущества в Палеомацуке и до Дживизлыка (т. е. в расстоянии от 15 до 30 верст от столицы). В 1360 г. выступил царь в Халдию для постройки укрепления, но ему воспрепятствовал эмир Байбурта Хаджи-Латиф с 300 всадников. В 1365 г. прибыл зять царя Кутлубек эмир с супругой Марией в наш

¹⁴³ Fallmerayer. Original-Fragmente. I, 5. 115-118.

¹⁴⁴ Описываются события середины XIV в.

город. В 1372 г. и в следующих годах отчаянная борьба идет за крепость Галаху, потеря которой сопровождается замечанием Панарета, что от этой потери погибла Халдия. Под 1374 г. писатель сообщает: «Взята Галаха... снова перешла под власть царя, скоро потом опять занята врагом».

Около 1380 г. последовало событие, окончательно подорвавшее авторитет царя на юге вследствие уступки крепости Лимнии эмиру Таджеддину. После многих переговоров, говорит Панарет, и пересылок посольствами между царем и челеби Таджеддином, выступил царь с дочерью Евдокией, продвинулся до Униэ и там, свидевшись с челеби, соединил с ним дочь свою Евдокию. Под 1387 г. Таджеддин уже именуется эмиром Лимнии, и он оказывается в войне с другим зятем царя Сулейман-беком, сыном эмира Халивии Хаджимира (Хаджи-Омера). Таков трагический процесс постепенного ослабления политической власти Великих Комнинов. После этих неприкрашенных сообщений Панарета может представляться удивительным не то, что Трапезундская империя продержалась до 1461 г., а наоборот то, что она не пала еще в XIV в.

В истории постепенного ослабления империи и вообще в судьбах ее как государственного организма главную роль играли два обстоятельства: 1) притязания константинопольских Палеологов удержать Трапезунд в своей опеке и 2) малосознаваемая и независимая от воли трапезундских императоров историческая эволюция, в корне подтачивающая их авторитет, в особенности на окраинах. Если принять во внимание, что в XIII в. южные окраины империи опирались еще на линию Эрзинжан-Байбурт (последняя отстояла не менее как на 100 верст от столицы), а в конце XIV в. в названных городах была уже чужеземная власть, возглавляемая монгольским ханом и фактически осуществляемая или турецкими эмирами, командовавшими вновь возникавшими крепостями, или представителями кочевой Белобаранной или Чернобаранной орды¹⁴⁵. Все события внутренней и внешней истории стояли в зависимости от этих обстоятельств и решались не в трапезундском кремле, а в окраинных укрепленных замках Халдии и Халивии занимавшими их военными чинами — то в званиях, жалуемых империей, то зависевшими от монгольской или турецкой власти. В целях выяснения исторической эволюции того вида политической организации, какая представляется в изучаемой нами империи, настояла бы существенная необходимость в исследовании постепенного роста и возвышения пограничных замков до роли, какую владеющие ими военные чины играют в политических судьбах империи. Пока мы остерегаемся придавать им имя, соответствующее западноевропейским средневековым владетелям феодальных замков, но, по существу, многое в явлениях трапезундской истории напрашивается на сравнение с западным Средневековьем¹⁴⁶. Хотя бы для облегчения будущих исследователей находим полезным подчеркнуть здесь значение тех замков и крепостей, о которых была выше речь. Не возвращаясь здесь к прекрасной характеристике у Клавихо роли Каваситов, занимавших укрепленные замки по большому караванному пути от Трапезунда к Эрзинжану, собиравших пошлину со всех путешественников и обязанных защищать свою область против турецких нападений, обратим здесь внимание на положение провинции Халдии, после того как, с переходом Лимний к эмиру Таджеддину, эта часть фемы с Халивией и Ларахеной сделалась гнездом враждебных замыслов против «пашей», как говорит Панарет, или трапезундской Халдии. Здесь, равно как в юго-восточном направлении, выросли в XIII—XIV вв. замки и крепости, обладавшие значительной силой и бывшие не только свидетелями, но часто и орудием для

¹⁴⁵ Чернобаранная орда — эмират Кара-Коюнлу, существовавший на рубеже XIV и XV вв. в Северном Иране и Азербайджане. — Примеч. ред.

¹⁴⁶ К тому же выводу мы пришли при изучении Вазелонских актов.

достижения важных политических результатов как для империи, так и ее противников. Во время русской оккупации Трапезундской области в 1916-1917 гг. мне неоднократно приходила мысль заняться исследованием этой части бывшей империи; но тогда академик Н. Я. Марр организовал особую экспедицию для изучения пограничной полосы между Грузией, Малой Арменией и турецкой окраиной. Было бы весьма желательно увидеть в печати результаты работ этой экспедиции. В настоящее время ограничиваюсь перечислением тех замков и укреплений, которые нуждались бы в точном обозначении их местонахождения в XIV в.: Кенхрини-Кенхрина, Келзина (близ Эрзерума, к югу от него), Камаха (там же), Хасдениха, Херисина (область), Еарогсина, Галахи.

ГЛАВА X. ПОСЛЕДНИЕ ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

После Мануила III вступил на престол Алексей IV, который около 1446 г. погиб насильственной смертью. Через 15 лет, т. е. в 1461 г., пала Трапезундская империя под ударами турок.

Мы предполагаем рассмотреть этот период и заняться вместе с изложением его истории указанием тех явлений, которые неизбежно вели эту империю к распадению, даже и в том случае, если бы не висело над ней в виде дамоклова меча турецкое движение. Вся изворотливость и дипломатическое искусство, которое не раз спасало трапезундских императоров от опасных положений и давало им вид призрачной самостоятельности, все брачные союзы с христианскими соседними владетелями и мусульманскими эмирами, наконец, вступление в вассальные отношения к наиболее опасным из турецких соседей с уплатой им дани, все это оказалось не достигающим цели ввиду исключительно неблагоприятных условий внутреннего уклада империи, господствовавшей в ней административной системы и партийной борьбы, а еще более нравственной распущенности и порочности, господствовавшей одинаково как среди членов царской семьи, так и правящих классов.

И местным наблюдателям тогдашней жизни, и историкам, описывавшим черты быта и нравы последнего периода Трапезундской империи, не могло не представляться ясным положение дел, угрожавшее неизбежной катастрофой. Едва ли справедливо искать главного и единственного виновника между великими Комнинами, на которого было бы возможно возлагать ответственность за неприятные меры к устранению опасности. Ход событий направлялся более общими историческими причинами и мало зависел от доброго желания и воли нескольких лиц. Недоставало прежнего организующего духа среди господствующего эллинского элемента, да и нельзя сказать, чтобы на территории империи было много греков; недоставало той могущественной силы эллинизации, которая умела прежде подчинять своему влиянию соседние народы. Эллинизм мало находил в своих недрах энергии и упорного противодействия в X в. и в последующих веках как на западе, так и на востоке. Казалось, эллинский гений истощился, принесся громадные жертвы на пользу мировой культуры. Государство имело большие доходы от торговли, но деньги шли в царскую казну и в руки служилых людей, между тем не было средств на постройку флота и на наем военных людей. Столкновения с соседними эмирами часто решались не в пользу империи немногочисленными отрядами конницы, иногда в сотни и даже десятки людей. На середину указанного периода падает величайшее событие изучаемого века, падение Константинополя, и переход азиатского и юго-восточного «Рума» под власть османских турок. Трапезундские Великие Комнины были свидетелями искусной политики и военного успеха Баязида и Магомета II и, несмотря на это,

повторяли, как по заученному, ошибки своих константинопольских родичей. Нужно серьезно вдуматься в трагическое положение дел, чтобы признать за ними исключительное значение в истории; к нему нужно применить, чтобы понять его, не только количественные нормы, и измерять настроения современников описываемой катастрофы не исключительно темпом данного момента, который создавался постепенно и зависел от сложных причин.

Редко где с такой краткостью и точностью определяется состояние Трапезундской империи, как у историка Лаоника Халкокондила¹⁴⁷. «О колхидских царях, — так называет он Трапезундских властителей, — повествуется, что они прежде были византийскими императорами и происходили из дома Комнинов. Когда эти последние лишились власти¹⁴⁸, сын царя, за смертью своего отца, убитого народом по ненависти к нему, бежал в область Колхиды и в Трапезунд, где туземцы поставили его князем Колхиды и перенесли империю в Трапезунд. С тех пор они царствуют здесь до настоящего времени, будучи эллинами по происхождению и удерживая греческие обычаи и язык. Вступают в брачные отношения с варварскими соседями, называемыми Белобаранными, равно как с внуками Темира (разумеется Тамерлан), детьми Цокая и Караюсуфа, дабы не подвергать свою страну опустошительным их набегам. Точно так же вступают в брачные союзы с византийскими греками; между прочим, дочь царя Алексея Комнина выдана за Иоанна, царя константинопольского»¹⁴⁹.

Познакомимся сначала с последними великими Комнинами.

Алексей IV, вступивший на престол в 1417 г., не имел ни достаточных военных сил, ни расположения и умения бороться с врагами, главным образом с туркменскими вождями, утвердившими свою власть между Синопом и Бассорой, и всю правительственную мудрость полагал в том, чтобы не порывать налаженных подкупами, подарками и брачными союзами отношений с туркменскими эмирами. Большой штат гражданских и военных чинов, окружавший трапезундских императоров, в котором были представители разных инородческих групп, сводил властолюбивые счеты и не пренебрегал никакими преступными средствами, чтобы получить перевес над соперником. Трудно отыскать в истории столь испорченные нравы и так мало внимания к интересам подчиненного населения. У историка, очевидца описываемых событий¹⁵⁰, находим иногда поразительные картинки из семейной жизни Алексея IV. Так, он говорит, как сын Алексея Иоанн, прозванный Калояном, заподозрил свою мать в преступной связи с придворным чином. Легкие нравы, обычные при этом дворе, не могут возбуждать больших сомнений в основательности подозрений. Но вот как поступил Иоанн в защиту чести отца. Убив фаворита царицы-матери, он подверг заключению отца и мать в одной башне и намеревался поступить с матерью так же, как с любовником. Отцу угрожала если не смерть, то, во всяком случае, лишение власти. Только энергичное вмешательство партии придворных спасло на этот раз царя и царицу. Калоян бежал в Грузию; права наследства на царский титул переданы были разгневанным отцом второму сыну, носившему имя Скандария (Искандер). Когда он умер еще при жизни отца, Калоян стал домогаться потерянных прав вооруженной рукой, будучи поддержан могущественной партией Каваситов, которая нередко и в предыдущее время выступала против своих государей, Великих Комнинов, с оружием в руках. Но здесь мы снова предоставим слово тому же историку, которого цитировали выше.

¹⁴⁷ Laonici Chalcocondylae. IX, p. 461 ed. Bonn.

¹⁴⁸ Причем по ошибке назван Исаак вместо Алексея.

¹⁴⁹ Разумеется, дочь Алексея IV Мария, вышедшая замуж за Иоанна VI.

¹⁵⁰ Современником следует назвать Халкокондила Дуку.

«Между тем царь Иоанн женился в Грузии на дочери царя Александра, а потом отправился в Кафу¹⁵¹ и искал там владельца военного судна, чтобы идти войной на Трапезунд против своего отца. Отыскав там нужного человека в лице генуэзца, имевшего большой корабль¹⁵², снабженный всяким вооружением, он облек его званием протостратора, хорошо вооружил судно снарядами и двинулся к Трапезунду. Высадившись вне города в местности Фоки, раскинул лагерь в самой обители и заручился тайными помощниками в партии Каваситов, изменивших царю Алексею. Ибо, держа стражу в поместье Ахант, где стоял царь Алексей с военными запасами и оружием, Каваситы вошли с Иоанном в соглашение насчет свободного пропуска к царю Алексею его людей. Алексей находился в палатке и не подозревал никакой опасности, когда подосланные сыном убийцы напали на него в полуночный час и умертвили». Историк не решился так смело возложить ответственность на отцеубийцу Иоанна IV. Он нашел возможным облегчить обвинение, сославшись на новый гнусный поступок отцеубийцы, именно на то, что он через несколько времени одному из исполнителей его воли отсек руку, другому выколол глаза, «так как не желал, чтобы они совершили убийство, а только — чтобы доставили его к нему живым».

Приняв царство (1446-1458 гг.), Иоанн поспешил демонстрировать свою невиновность в убийстве отца устройством ему торжественного погребения в обители Богородицы «Богородицы», а впоследствии перенес тело его в митрополию. Здесь мы находим необходимым сделать маленькое отступление. Во время моих археологических исследований в Трапезунде в 1916-1917 гг. удалось напасть на следы места погребения царя Алексея; этому вопросу была посвящена специальная статья в журнале «Византийский Временник» (т. XXIII). Не входя в подробности, изложенные в указанной статье, ограничимся несколькими замечаниями на приведенный текст об убийстве царя Алексея. Действие происходило близ Трапезунда, на морском берегу, где был подгородный монастырь Фоки, расположенный при впадении реки Пикситис (ныне Деиртенх) в море. Заняв монастырь — с ним был небольшой отряд на торговом судне, нанятом в Феодосии у генуэзского купца — Иоанн и вступил в переговоры с Каваситами, если уже ранее не был уверен в их содействии. Что касается положения Аханта или Ахантака, где находился царь Алексей, эта подгородная дача или царское поместье было также в указанной местности, еще ближе к городу, как можно заключить из слов Панарета под 1336 г.: «Было сражение в Ахантаке и на холме Митры». Последний господствует над городом.

Весной 1451 г. прибыл в Трапезунд историк Сфрандзи (это было за два года до падения Константинополя) с поручением от Константина XII поискать для него невесту¹⁵³. Посол не только имел передать ценные подарки, но поразил трапезундских граждан и удивительной роскошью своей свиты: с ним были вельможи, воины, монахи, певцы и музыканты с инструментами. Посетив грузинский двор, где греки узнали о смерти Мурада II, Франци прибыл в Трапезунд. На приеме император с удовольствием говорил о полученных известиях и хвалился, что с новым султаном у него обеспечен мир. Но Сфрандзи заметил, что, по его мнению, перемена не сулит впереди ничего хорошего, потому что старый султан заботился о спокойствии, а новый с юности враждебно настроен против христиан и опасен для греческих государств. Ясно, что в Трапезунде питались на этот счет совершенно другими идеями.

Для знакомого с характерами последних Ком-нинов не может возникать сомнения насчет окончательного исхода борьбы между мусульманами и

¹⁵¹ Т. е. в Крым, в Феодосию.

¹⁵² Такова военная сила, с которой можно было идти против трапезундского императора!

¹⁵³ G. Phrantzae. Annales, III, p. 206 § 9, ed. Bonn.

христианскими государствами как в Азии, так и в юго-восточной Европе. В самом деле, достаточно бросить взгляд на ту и другую сторону перед окончательным кризисом или еще лучше сравнить политику османских турок в XIУ-XУ вв. с неправильными действиями и ограниченным кругозором греческих властителей, не понявших весьма простого факта, что продвижение турок во Фракию и укрепление их в Галлиполи было тем дамкловым мечом, который неминуемо должен был поразить не только греков, но и восточное христианство. Греческое царство оказалось ниже мусульманско-турецкого государственного образования, которое в одно и то же время наносило удар Византийской и Трапезундской империи. К сожалению, у нас еще не было до сих пор опыта рассмотрения этой проблемы в параллельном изложении.

Позволим себе указать здесь на многочисленные факты, по внутреннему их значению вполне одинаковые для обеих греческих империй. Одинаковая сознательная и методическая политика проводилась османскими турками. Давший имя этому турецкому племени Осман, сын Сулеймана, должен быть признан настоящим основателем государства на плоскогорье близ Конии. Отсюда, тесня сельджукских беев и византийских владетелей, турки скоро продвинулись к западу и утвердились в Никее, ограничив малоазиатские области Византии береговой полосой. Осману помогло счастье, говорят историки: разгром сельджуков и ослабление их монголами, истощение малоазиатских областей и анархия в Византии, произведенная смутами, вызванными интригами Иоанна Кантакузина. Турецкие отряды еще в XII в. являлись обычными наемниками в византийской военной службе, и притом как у никейских императоров, так и у соперников их из Палеологов и Кантакузинов. Турецкие султаны в Конии уживаются с христианами, не разрушают городов и не теснят население непосильными поборами, держат у себя на службе греческих администраторов и советников. Окраины обоих государств имеют сходную организацию.

Османе переносят свою столицу ближе к империи и утверждают в Ескишеире. Так действует Осман, который далеко не разоряет занимаемую страну, а организует ее. В 1301 г. он одержал победу под Никомидией. Пока вождь Каталонов Рожер был в живых, Осман действовал осторожно, нозатем турки переправились на другую сторону Босфора и заняли Галлиполи. Завоеванием Никомидии в 1326 г. заканчивается карьера Османа. По его смерти в том же направлении действует сын его Урхан. В 1330 г. взята Никея, но так же без ненужных разрушений и истреблений. Урхан организует небольшую флотилию и переходит на европейский берег. Успехи Урхана в отношении Византии совпадают с междоусобиями внутри империи. Кантакузин выдает за Урхана свою дочь, и последний помогает грекам в войне со Стефаном Душаном. Турки познакомились с Фракией, хорошо оценили ее значение и стремились к Адрианополю, который был заветной их целью. После землетрясения 1354 г., разрушившего укрепления Галлиполи, начинается усиленная колонизация турок из Азии в Европу. Преемник Урхана Мурад (1359-1389 гг.) преследовал сознательную цель устроиться во Фракии так же прочно, как в Вифинии, где столица была перенесена уже в Бруссу. Бруссa стала процветать под турецким господством и население ее достигло 200 000 человек. В числе исключительных мер, принятых османами, была организация войска из христианских детей (янычар). В 1365 г. османе завоевали Адрианополь и перенесли в него свою столицу. В XV в. население Адрианополя с 15000 доросло до нескольких сот тысяч. Новые завоевания османов во Фракии отрезали Константинополь от сухопутного сообщения с христианскими державами Европы. Недавние выходцы из Азии образовали в Европе государство, которое становится решающим на Балканах и входит в круг европейских государств. Когда в 1453 г. Магомет II принял окончательные меры для завоевания Константинополя, оказавшиеся в распоряжении его средства

были гораздо выше того, что было необходимо для его цели. Против его сильной артиллерии и громадных пехотных войск Константинополь мог выставить не больше 5000 туземного ополчения да десятков тысяч иностранцев, присланных из разных стран Европы. Так ничтожны были ресурсы, которыми могло располагать византийское правительство, изолированное на Босфоре от всяческих сношений с востоком и западом.

Положение Трапезундской империи, бывшее далеко не лучшим в рассуждении средств обороны, казалось еще более безнадежным по отношению к общему плану действий, каким руководились последние Комнины, братья Иоанн IV и Давид, и их ничтожные, чуждые сознания общественных интересов советники.

Хотя Трапезунд оставался непосредственно незатронутым монгольским и турецким вторжением, но нельзя не признать того, что береговая полоса империи на Черном море по направлению к Сино-пу, равно как и континентальная граница по направлению к Эрзинжану, область которого уже в начале XIV в. не принадлежала грекам, постепенно сокращалась и постепенно лишалась тех естественных твердых в виде неприступных крепостей и горных ущелий твердынь, которым империя была обязана своей безопасностью.

Не стало крепости и морской гавани Лимний, не стало береговой полосы между Синопом и Керасунтом, захваченными турецкими эмирами, понизилось и морское могущество империи вследствие недостатка развития флота: в XIV в. упоминается не флотилия, а судно или два, какими располагают императоры; неприятель угрожает столице тоже не флотом, а вооруженным судном. Напомним военные операции Иоанна IV и Давида против Трапезунда с одним судном, нанятым у иноземцев в Крыму. Припомним также описание пути испанского посла к Тимуру в 1404 г. Вышедши из Трапезунда, посольство через два дня оказывается уже в полосе чуждого государства, где не признается власть императора. По направлению к Арсинге Трапезундская империя простиралась лишь на два дня пути, не более 40 или 50 верст, и на этом пространстве не было безопасности от соседних эмиров, владевших горными укрепленными замками в Халдии и полузависимых от империи вассалов, каков известный Кавасит. Ко времени Иоанна IV историк Халкокондил рассказывает о следующем обстоятельстве.

Один шейх, по имени Эртебиль, сделал поход на Трапезунд, собрав военный отряд с целью взять и опустошить город. И царь Иоанн, собрав также войско пешее и морское вместе с пансевастом и его дружиной (идет речь о Кавасите), пришел в обитель Фоки, называемую Кардильской (в Кардилу — *εν τη Καρδύλη*) и находящуюся поблизости от столицы.

Пансеваст со своими и царскими людьми имел намерение напасть на шейха с моря, где его найдет. Между тем шейх Эртебиль занял местность, называемую Мелиари, овладев клисурой Кананий. Итак, отряд пансеваста, под его предводительством, пришел к месту, когда шейх уже занял клисуру; тем не менее, надеясь на помощь со стороны флота, который должен был помогать пансевасту против шейха, он напал на него. Но была неблагоприятная погода для морских операций. Так как дул сильный ветер, то моряки не высадились на берег, чтобы подать помощь сухопутному отряду. Это дало возможность шейху напасть на пансеваста с таким успехом, что в сражении погиб сам пансеваст, его сын и еще 30 человек. Оставшиеся в живых спаслись бегством по направлению к ставке царя Иоанна, который и сам поспешил на корабли, чтобы спастись в столицу, затем и все другие — кто сухим путем, кто морем. Шейх расположился лагерем в монастыре Фоки, где была стоянка царя Иоанна. Захвачено было в плен много народа, из них несколько было умерщвлено в виду города. Проведя здесь три дня, неприятель отступил по направлению к Месохалдии, которая принадлежала

пансеевасту. Оставляя территорию империи, шейх вознаградил себя за свою неудачу, захватив громадную добычу и множество пленников.

О положении населения в этой части империи можно судить частью по актам Вазелонского монастыря и по хрисовулу в пользу монастыря Суме-лы, частью по аналогии с явлениями, происходившими в малоазиатских прибрежных областях, которые империя не была в состоянии защищать против надвигавшейся волны турок. Как относительно городов и селений в феме Халдии, известной своими недоступными крепостями Галаха, Кенхрина, Херианы, так и греческой Вифинии, в Никоидии и Никее, по занятии их турками, туземное население, уступавшее под напором врагов и страдавшее от потери имущества и полона, не было, однако, вконец уничтожаемо, и между греками и турецкими колонистами образовался род сожительства, в котором туземное население находило даже улучшение того положения, в каком оно было до сих пор под властью Палеологов. Нередки указания на то, что турецкое порабощение оказывалось благом для сельского населения и сравнительным счастьем после непосильных налогов, нападений врагов и внутренних смут и раздоров между Палеологами и Кантакузинами. Мы хорошо помним время, когда психология русского обывателя реагировала на внешние события, выражавшиеся в захвате немцами западных областей во время великой европейской войны, такими жалкими словами: «Мы калуськие (калужские), до нас ёя не дойдет». То же чувство утраты идеи отечества резко отмечается в сознании греческого обывателя. Утрата семьи, благосостояния, земельного владения и всего, что составляет смысл жизни для обыкновенного сельского обывателя, — это всегда и везде сопровождалось болезненными явлениями, лишавшими человека бодрости и способности к сознательному самоопределению, а в целых группах людей и общественных организациях подтачивало живые силы, способные при надлежащем руководстве и направлении возбуждать столько инициативы и давать такое напряжение нравственных сил, каковым характеризуются лучшие страницы человеческой истории. Летопись византийской истории и памятники Трапезундской империи не дают историку случая указать в своем изложении черты высокого исторического подъема или самопожертвования; таковых конец XIV в. и XV в. не обнаруживает в истории греческих империй.

После приведенных общих замечаний, к каким приводят излагаемые здесь события всемирного значения, обращаемся к заключительным страницам в истории Трапезундской империи. Двенадцатилетнее (1446-1458 гг.) правление Иоанна IV было собственно медленным умиранием империи. Переход власти, за смертью Мурада II, к Магомету II внушил как трапезундскому царю, так и другим греческим владетелям разных областей легкомысленную идею о возможности изгнания турок из Европы соединенными силами греков с западно-европейскими христианами. Осуществлению этой идеи и пересылке посольств, с целью соглашения интересов разных государств в организации общего движения на турок, посвящены были последние годы Иоанна и брата его Давида. Переговоры и пересылка посольствами с указанной целью, не оставшиеся неизвестными для Магомета II, имели последствием только ускорение решительных мер против Трапезунда и усиление недовольства против греков. Нам предстоит здесь остановиться на событиях последнего трехлетия перед падением Трапезунда, выбрав из сохранившихся известий те, коими больше характеризуется не внешняя обстановка, неизбежно приводившая, как естественный процесс развития создавшегося положения, к трагическому концу, а те факты, в которых выдвигается на первое место неуловимый для наблюдения внутренний процесс, влияющий на обнаружение воли и на действия лиц, поставленных на страже соблюдения равновесия в человеческих организациях.

По смерти Иоанна остался сын его, малолетний Алексей, и две дочери, выданные за соседних эмиров. В политическом отношении вся надежда возлагалась на образование коалиции из европейских и азиатских государей. Первоначальные меры по переговорам начаты были Иоанном и продолжены его братом Давидом. Вождем азиатской части коалиции намечался Узун-Хасан, внук Кара Юлуха, женатого на сестре Мануила, хана Белобаранной орды в Месопотамии (Диарбекир). Даже туда доходил слух о красоте дочери Иоанна по имени Феодоры (она же Катó). Хасан обещал служить всеми средствами трапезундскому царю, если за него будет отдана дочь его. Давид проводил сестру в Месопотамию в сопровождении греческого духовенства. Относительно Запада большие надежды, хотя без достаточных оснований, возлагались на папу и на герцога Филиппа Бургундского.

Шестая и последняя глава истории Трапезунда Миллера¹⁵⁴, обнимающая события от 1458 г. до 1461 г., дает такой реальный взгляд на внутренние события занимающего нас времени, что, сославшись на несколько страниц в этой главе и на последние страницы книги Финлея¹⁵⁵, мы можем остановить внимание лишь на заключительном акте трагедии.

В письме к Филиппу Бургундскому от 29 апреля 1459 г. царь Давид рассказывает, как он отдал свою племянницу за Хасана с целью привлечения его в лигу, как сам он выйдет с 20 галерами и 20 000 войска, Хасан с 50 000, Георгий VIII Грузинский с 60 000, подчиненный ему грузинский герцог с 20 000 кавалерии, Дадриан Липарит, князь Мигре-лии, с 60 000, Рабия, князь Абхазии, с его братом и баронами, с 30 000; кроме того, готы и аланы дали обещание сражаться под знаменем короля Георгия Грузинского. Из других князей султан Карамании и Измаил Синопский будут защищать свою страну от турок. В конце своего письма, побуждая Филиппа сделать диверсию на Венгрию, Давид дает обещание освободить Иерусалим и передать Филиппу Иерусалимское королевство. Папа Пий II, на имя которого было адресовано это письмо, замечает от себя в январе 1460 г., что он послал в Трапезунд и к другим восточным князьям францисканца Людовика Болонского, чтобы организовать лигу. С другой стороны, трапезундские послы посетили евро-

пейских государей и, между прочим, в декабре 1460 г. заключили торговый договор с Флоренцией. Но все же эти меры не имели никакого успеха, потому что Трапезундская империя пала прежде осуществления намеченных целей. Папа выражался: «Трудное дело не только вооружить христиан, но и собрать их для обсуждения вопроса о вооружении». Давид неосторожно выбрал это же время, чтобы просить об отмене дани, которую платил султану его брат. Еще хуже было то, что он поручил мужу своей племянницы, Хасану, переговоры по этому вопросу с Магометом II. Послы его приняли высокомерный тон, не только предлагая отмену дани, но еще уплату даров за 60 лет. Это вывело из себя Магомета, который весной 1461 г. решил начать поход против Трапезунда.

О походе Магомета на Трапезунд сообщается подробно и живо в известиях писателя Михаила Дуки¹⁵⁶.

«В 1461 г. Магомет приготовил флот в 200 судов и 10 военных кораблей; весной, переправившись через залив, прибыл в Бруссу, причем никто не имел ни малейшего подозрения о его намерениях. Сообщу и нечто удивительное. Его учитель в законе, он же и судья судей в то время, понадеявшись на близкие отношения к султану и на уважение, которое последний питал к своему учителю, спросил его, находясь с ним наедине: «Господин, приготовленную сухопутную и

¹⁵⁴ Miller. Trebizond, the last Greek Empire, p. 96.

¹⁵⁵ Finlay. The History of Greece, p. 481.

¹⁵⁶ Ducae Michaelis. P. 340-343, ed. Bonn.

морскую силу куда намереваешься направить?» Он же, посмотрев на него гневно, сказал: «Знай, что, если бы я убедился, что хотя бы один волос в моей бороде догадывается о моей тайне, я бы вырвал его и бросил в огонь». Дрожали от страха все населявшие Ликостомий Влахи, Кафа и Трапезунд и Синоп, острова Эгейского моря, Родос и окружающие его малые острова, Хиос и Лесбос, хотя и платившие дань, но знавшие его непостоянство. Султаны же из Вифинии прибыли в Анкиру Галатскую и расположились лагерем. Сюда же прислал эмир Синопа с большими дарами своего сына, который приветствовал его униженно. Приняв его благосклонно, он объявил ему свою волю для передачи его отцу и, отправляя его вестником того, что следовало передать, присовокупил: передай своему отцу, что я намерен иметь Синоп в своей власти; если он отдаст его добровольно, то я охотно дам ему вознаграждение, уступив Филиппопольскую область, если же нет, то скоро буду на месте. Флот прибыл морем в Синоп. Сын же Измаила, синопского эмира, передал своему отцу то, что он слышал от тирана, который, как скоро узнал о прибытии в Синоп флота, и сам двинулся туда сухим путем. Измаил в смущении вышел из Синопа и, встретив султана, смиренно поклонился ему. Магомет благосклонно принял его и отдал приказ захватить его сокровища, коней, мулов, верблюдов и все, что бы ни нашлось в его кладовых, и запретил касаться всего этого. Устроив дела в Синопе и поставив начальником одного из верных ему рабов, сам пошел во Внутреннюю Армению. А вышеупомянутый эмир Узун-Хасан находился со своими приближенными в гористых областях Персии, не имея достаточно сил, чтобы встретиться с тираном».

Причины, побудившие могущественного в то время султана Узун-Хасана отказаться от выступления против Магомета II и от помощи грекам, пытается выяснить тогдашний историк Лаоник Халкокондил, мнение которого считаем нужным привести здесь сполна¹⁵⁷.

«Прошедши Севастию, вторгся в область Хасана... Там встречает его мать Хасана, имеющая поднести богатые дары и исполнить поручение от своего сына. Будучи принята царем (Магометом II), она произносит следующие слова: «Царь, сын Амурата Оттомана, я исполняю посольство моего сына Хасана, который с благорасположением относится к тебе и не завидует твоей счастливой судьбе и не уклоняется от исполнения твоей воли, в чем бы она ни выразилась. От себя я скажу тебе, дивный муж, вот что. С какой целью ты наносишь зло нам, твоим единоплеменникам, как врагам? Или не знаешь, как на бурного Баязида, сына Мурата, преступающего меру именно в этом отношении и слишком прегрешившего против единоплеменников, неумолимая судьба наложила свою руку и нанесла погибель от царя Тимура? И как ты доселе кротко относишься к соплеменникам и ни с кем не поступал немилосердно, то божество дарует тебе многое и великое благополучие, введя в сонм героев и даруя пространную и счастливую область и города и царства, подвластные тебе и сдавшиеся в плен. И это тебе, конечно, известно, что никаким образом, если погресишь в этом, тебе не удастся нанести вред соплеменникам, как некоторые грубейшие и бесстыднейшие по природе и по душе представляют себе, что нигде на земле судьба не вмешивается в человеческие дела, но что дела между ними направляются случаем. Нет, не все что бы то ни было, что бы кто позволил себе, и было бы для него позволительно и законно. Но тирану и царю благоприятствует счастье в том случае, когда справедливость сопутствует делам. Посмотрим на раздаваемые жребии, худой и добрый, они различаются надвое, как люди заслуживают того или другого. Кому присужден лучший жребий, того и смерть не освобождает от обязательства, и он терпит строгое наказание (т. е. если не оправдал в жизни жребия, ему выпавшего). И в других случаях божество обычно настаивает на

¹⁵⁷ Laonici Chalcocondilae. De rebus turcicis, 1. IX, p. 492.

исполнении условия, которым кто-либо связал себя, и без сомнения погубит, если договор нарушен. Ты дошел до высшей степени благополучия, как никто из царей вселенной, ради того, что повинуюешься божеству и не престопаешь священных обычаев, властвуя над всеми людьми. Необходимо человеку до смерти выполнять обязательства, данные им божеству или полубогу (герою). И ты несправедливо поступаешь с нами, твоими соплеменниками, рабами того божества, по отношению к которому судьба поставила нас в обязательство и которое не остановит нас, тобою оскорбляемых и обижаемых, без защиты»¹⁵⁸.

Царь держал такой ответ: «Твои слова, жена, во всем справедливы; знай, однако, что упоминаемое взаимное обязательство дает несколько больше прав царю и тирану, что и доказывается самим делом. Если о ком известно, что он притесняет единоплеменников, нужно доказательство, кто наступает и кто защищается против нападающего. Мы, исполняя это, предупредили его, чтобы он не входил в наши области, но он совсем не удержался и не перестал угрожать наступлением. Тем не менее, выставляя это против твоего сына, я уклоняюсь от того, чтобы нападать на его область, под условием, что он не войдет снова в нашу страну и не окажет поддержки и помощи царю трапезундскому». После этих слов мать Хасана заключила с ним союз».

Магомет нашел в Трапезунде полезного сотрудника в лице известного Георгия Амирузи, в то время бывшего казначеем царя. В своем письме к Виссариону Амирузи натурально умалчивает об этом, но исторические источники того времени обвиняют его в измене и в тайных сношениях с Магометом. В своем письме к Виссариону от 11 декабря 1461 г. Амирузи говорит, что атака турок была так неожиданна, что не было времени собрать войско, ибо турецкий флот имел более 100 кораблей и сухопутных сил было более 150000. Город пал 26 октября 1461 г.

Султан провел зиму в Трапезунде. Администрация этого важного приобретения, составлявшего передовой пост между элементами, враждебными оттоманскому господству, требовала серьезного внимания, чтобы предупредить возможность будущих волнений. На политику Магомета не влияли гуманные чувства сострадания, и он принимал страшные меры. Только треть христианского населения, и то из низших классов, была оставлена в столице, и эта часть расположена в отдельном квартале Филиппа. Богатые греки Каваситы и другие члены земельной аристократии переведены в Константинополь. Их имения в стране и даже в столице переданы оттоманским служилым людям, за исключением немногих, оставшихся за ренегатами. Остатки населения, молодежь того и другого пола, были выделены как рабы для султана и армии. Дети знатных фамилий, лучшие по силе и красоте, выделены в качестве пажей или в административные школы как ученики; 800 мальчиков зачислены в корпус янычар; масса народа роздана солдатам в рабство. Христианское население изгнано из центра города, дома розданы мусульманской колонии, и многие годы ни один христианин не мог появляться в кремле.

¹⁵⁸ Рассказ о переговорах с Магометом матери Хасана и о заключении мира представляется нам в изложении Халкондила весьма любопытным эпизодом, который, однако, едва ли основывается на исторической почве. Не входя здесь в обсуждение довольно сложных вопросов, которые нуждались бы в отдельной главе или экскурсии, заметим, что об отдельном договоре между Магометом и Узун-Хасаном перед падением Трапезунда нельзя думать уже потому, что в 1473 г. Магомет напал на него за его продолжающиеся сношения с Венецией, о чем любопытные сведения сообщены в статье Ebersolt, Byzantin. Zeitschrift, XV, S. 223 (Itinéraire de Chypre en Perse d'après le Parsinus, 1712); в особенности же характером свободного творчества, отвлечением от реальной действительности отличается самое содержание речи матери Хасана. Чтобы вникнуть в смысл этой речи, вложенной христианским писателем в уста магометанки с целью воздействовать на Магомета II, недостаточно проникнуться положениями, извлеченными из Корана, а необходимо войти в историю развития философской мысли XV в. в связи с гуманистическим движением.

Цитадель получила гарнизон в отряде янычар, а императорский дворец занял паша.

Лишенный трона Давид недолго наслаждался плодами столь бесчестного поведения: немного лет он жил близ Сереса, затем был арестован и переслан в Константинополь. Султан подозревал его в секретных сношениях с Узун-Хасаном. Магомет присудил к смерти всю семью. Давиду предложено принять мусульманство.

В заключение заметим, что наиболее удачная глава (именно VI)¹⁵⁹ в истории Трапезунда, написанная Фальмерайером, которая по фактическому материалу и до сих пор не оставляет желать ничего лучшего, нуждалась бы в изменении категорического приговора, вынесенного всей греческой нации: «Греческая жизнь носила в себе зерно смерти» (с. 244). Не могли бы мы возразить лишь против такого положения, что разгром старой системы, ослабление и истребление прежней могущественной партии (грузинской) и переход влияния к чисто эллинской, поддержанной из Константинополя партии, не послужили к выгоде и пользе Трапезундской империи, в которой не вся сила была в эллинском элементе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. Надпись в церкви Иоанна на скале, что за городской стеной

Эта надпись не один раз была издаваема и комментирована¹⁶⁰, но, по нашему крайнему разумению, без достаточного выяснения ее смысла и содержания. Кроме того, неоднократное и тщательное наблюдение букв и характера письма на месте и впоследствии по эстампажу привели меня к заключению, что некоторые места надписи были прочитаны первыми издателями неправильно. И независимо от всего прочего, надпись с такой датой, которая современна основанию Трапезундской империи и которая бросает некоторый свет на жизнь окраины города Трапезунда в начале XIII в., заслуживает вообще большего внимания, чем сколько ей уделялось.

Иеромонах Варнава, виновник строительства и росписи церкви Иоанна, внес в коммеморативную надпись, начертанную над входом в церковь, историю покупки места от прежних владельцев, с указанием размеров его в длину и в ширину и, что особенно необычно в такого рода коммеморативных памятниках, называет свидетелей, бывших при акте покупки. Кроме того, в надпись внесены такие выражения, которые носят характер деловой юридической терминологии, чем, по-видимому, выдается важность памятника как действительного юридического акта. Любопытны также, с одной стороны, греческие и варварские имена и термины, на основании коих можно составить некоторое представление о характере населения Трапезунда, с другой же — указания на общественное положение упоминаемых в надписи лиц. В истории города Трапезунда этой надписи принадлежит большое место, если дать подобающее освещение находимым в ней намекам. С точки зрения языка надпись также представляет любопытный материал.

Прежде чем переходить к тексту надписи, предлагаем некоторые наблюдения внешнеописательного характера. Древняя церковь пророка и крес-

¹⁵⁹ Blick auf den inner Zustand des Reiches unter Manuel III.

¹⁶⁰ Пападопуло-Керамевс. *Ο εν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος. Παράρτημα του ΙΣ' τόμου*, 1887, а. 114; Евангелиди. *Ιστορία της Ποντικής Τραπεζούντας*, а. 84. Millet. *Bulletin de Correspondance Hellenique*, XX, р. 496.

тителя Иоанна «на скале» едва ли в настоящее время может быть признана в том здании, которое среди местного населения известно под двумя наименованиями: λαναία (всесвятая) и ἅγιος Ἰωάννης (св. Иоанн).

По нашему крайнему разумению, это не больше как часовня при кладбище, служащая для временного помещения в ней умерших до погребения, с деревянной настилкой вместо свода и с алтарным местом и престолом, устроенным в четырехугольной постройке, которая не имеет апсиды. Ничего архаического в ней нет. Высокая кладка за алтарным местом представляет собой не что иное, как закрепление почвы или контрфорс, имеющий целью задержать почву, угрожающую местному кладбищу. Самая надпись читается над входными дверями, и едва ли можно утверждать, что здесь же она находилась в старой церкви, построенной иеромонахом Варнавой.

Плита с надписью имеет в длину 1,73 м, в высоту 0,30 1/2 м, длина строки 1,59 м, высота букв от 0,025 м до 0,03 м. Так как в надписи отмечена первоначальная величина всего участка земли, то не лишено значения указать размеры нынешнего здания: длина с востока к западу 5,075 м, поперечный размер с севера на юг 2,32 м. Надпись была в руках неизвестного любителя, который восстановил ее чтение черной краской. Можно думать, что он хотел облегчить для сограждан понимание надписи, нашедши ее уже покрытой белой краской, которая, заполняя очертания выбитых по камню букв, делала затруднительным чтение. Но он перешел должную меру в осуществлении своего намерения: его буквы краской не соображены с начертанием высеченных на камне, часто выходят за линию строки и представляют новое чтение. Вследствие этих обстоятельств надпись и после работы над ней Пападопуло-Керамевса может возбуждать в некоторых словах сомнения. Следует еще отметить, что поблизости от этой часовни построена в новейшее время (около середины прошлого века) новая приходская церковь во имя Иоанна Предтечи, которая, по-видимому, заменила старую. Во всяком случае, кроме надписи от старой церкви не сохранилось никаких следов. Для дальнейших объяснений нужно еще принять в соображение, что церковь построена за чертой города, и даже стена царя Алексея II, проведенная здесь в 1324 г., оставила ее вне защиты. Не может быть сомнений, что это не могло не отражаться весьма неблагоприятно на ее судьбе.

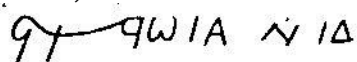
Текст надписи у Пападопуло-Керамевса и у Милле читается за самыми незначительными исключениями, которые отметим ниже, почти одинаково. Он представляет следующее чтение в 9 строках.

1. Τοῦτος [τολ]ος εν ω εκτησθη ο αγνός Ιω ο της Πετράς και ηχεν το ο Καμαχενος ο κυρ Θεόδωρος αλέ την κηρα Ερήνη την Τζανηχ[η]-
2. ησαν την [α]φεντου και από τον αδελφών του των Καμαχενόν ης αγοραν αγοράν εις τους εξής και απαντά και εντασαν
3. διό πεδ[ι]α ο κυ[ρ] Γρηγόρις και ο κυρ Νικήτας και [επο]υλησαν τω εμέν παλάν Βασιλειν των θαθαλανων καθός καϊ η
4. το εις τους εξής και άπαντα. Ανατολήν και [δυ]σην ουργι[α]ς τρίς και σπιθαμάς τρις άρτων και μενσιβρία ουργιας ιβ
5. και μαρτήρων των εκησαι τηχόντων η δούλη του αγίου ημών αυθεντου και βασιλέας του μεγάλου κομνινοῦ
6. Θεόδωρος ο Τζανιχήτες και Γρηγορηου του Καμαχενοῦ του εξ[α]δέλφου αυτού και Γεωργίου του Τορκοπουλου
7. και θεοδοσι του Ααρών και Θεοδώρου του Λάτζη και ετερ[ω]ν πολ[ω]ν μαρτηρων. Και εκτησθη εκ βόθρου και εισθορήθη
8. ο [ν] аος του [т]ιμιου προφήτου про[δ]р[о](μ)ου βαпτησ[του Ιω της πέτρας εξ επιτροπής και μόχθου ιεροῦ ιεροа Βάρνα-
9. βα τη επονια θαθα[λαν]ου: Ετους <στ" ωιδ ΝΓΔ

Переходя к объяснению надписи, мы должны прежде всего дать себе отчет в формальной постановке вопроса. Перед нами посвятельная или даже лучше ктиторская запись, вырезанная на камне по распоряжению иеромонаха Варнавы, который был главным деятелем при постройке церкви. По этому поводу считаем нужным выдвинуть обстоятельство, оставшееся неотмеченным первыми издателями надписи. Поп Василий, упоминаемый в третьей строке и купивший участок, должен быть тождественным с иеромонахом Варнавой 9-й строки. Это доказывается прозванием $\theta\alpha\theta\lambda\alpha\nu\omicron\nu$, хорошо читаемым при имени попа и испорченным при имени иеромонаха, причем, однако, порча до такой степени незначительна, что не помешала Милле именно в этом смысле раскрыть недостающие буквы на эстампаже, хотя Пападопуло-Керамевс удержался от этого и поставил буквы $\Theta\Lambda\Theta\Lambda$. Значение указанного обстоятельства заключается в том, что между актом покупки места и постройки церкви, которые соединены в ктиторском акте, прошло такое время, которое было достаточно, чтобы священник Василий принял монашество и имя Варнавы. Независимо от всего прочего, это дает ключ к объяснению происхождения и состава записей, что представляет ряд последовательно развивающихся событий, а это в свою очередь отразилось как на редакции, так и на литературном построении самого памятника.

Взглянем прежде всего на хронологию, обозначенную в последней 9-й строке. В издании Милле, который принял в этом отношении мнение греческого издателя, отмечена здесь одна особенность, на которую укажем ниже, но тот и другой прочли год 6814 индикта 4, т. е. поместили надпись 1306 г. христианской эры. По нашему мнению, здесь допущена ошибка, которая замечена нами и на месте, при тщательном наблюдении, и представляется таковой же и в настоящее время при изучении эс-тампажа. И вообще, не представляется ли странным замечание, сделанное по этому поводу у Милле, когда он говорит: в 9-й строке Ψ и Γ «*erreur du graveur qui avait l'habitude d'ecrire ces signes precedemment. Il faut les supprimer*». Если еще понятно мне преследование буквы Ψ , которая действительно изображена на камне после стигмы, обозначающей число 6000, когда она перечеркнута внизу поперечной чертой, то уже совершенно напрасно такое же движение против воображаемой при том буквы Γ . После знака индикта в 9-й строке греческий издатель поставил Δ , а французский прочитал перед δ еще букву, именно Γ . Как легко понять, оба издателя разошлись в понимании хронологии надписи, причем первый совсем не заметил буквы Ψ и обошел молчанием тот знак, который находится в обозначении индикта перед Δ , второй же, хотя и отметил начертание T , но изобразил воображаемый знак Π , который не имеет значения и который потому он спокойно вычеркивает. Первый же издатель, хотя перед ним не могли не выступать трудности в обозначении хронологии, с легким сердцем затушевывал их, чтобы спокойно привести по равенству 6814 г. индикта 4 с датой 1306 г. христианской эры.

На самом деле в обозначении даты есть ошибка. Если бы даже было доказано, что ошибка заключается именно в самом памятнике, то и тогда нельзя скрывать ее; на камне читается

ετους $\Psi\omega\text{IA}$, εξακχιλιοστω ενδεκατω, 671 1, т. е. 1203-1204 гг.

После ετους несомненно читается стигма с пересечением внизу, за ним широкое рукописное *psi* и за ними уже *omega*, но последняя не входит в кадр других численных знаков, наполовину меньше их и относится к употребительному в рукописях обозначению при цифре порядкового числительного: $\epsilon\kappa\omicron\omicron\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\omicron\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\chi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\sigma\tau\omicron\varsigma$, и т. п.

Доселе мы считались с тысячами и сотнями. Далее на камне изображены десятки и единицы, и в этом отношении следует отметить недосмотр. У обоих издателей прочитано ΙΔ, между тем как на камне несомненно ΙΑ, т. е. не 14, а 11. Следует уделить немного внимания тому обстоятельству, что поперечная черта выше в этом случае, чем в сходственной букве в индикте; во всей надписи начертание буквы Α никак не позволяет смешения ее с Δ. Следствием допущенной издателями ошибки в чтении буквы α, произошла ошибка в чтении индикта, и притом ошибка двойная: греческий издатель пожертвовал ξ, или цифрой для десятка, а Милле заметил этот знак, но прочитал его как Γ или как такой знак, который при данном сочетании не представлял значения и потому подлежал выпущению. На самом деле вместо индикта 4 следовало читать индикт 14; греческое начертание Δ с низко лежащей поперечной чертой здесь весьма выразительно. Ошибка в чтении индикта дает разницу на 10 лет, следовало читать ΙΔ, а не Δ.

При том истолковании знаков хронологии, какое мы предлагаем, дата надписи изменяется на сто лет, но вместе с тем получаемое лето от сотворения мира 6711 вступает в непримиримую вражду с индиктом 14. Первые издатели, позволительно думать, предусматривали это обстоятельство и устранили его допущением указанных выше умолчаний. Получаемый при допущенном ими чтении 6814 г. индикт 4 устраняет, по-видимому, затруднения и дает случай первому издателю заявить: «Четвертый индикт 6814 г. точно совпадает с 1306 г. от Р. Х.»¹⁶¹. Допущенная первым издателем свобода в чтении действительно восстанавливает согласие между индиктом и христианским счислением. Если читать 6714 (=1206 г. и. э.), то получим индикт 9; если читать 6711 (=1203-1204 г. н. э.), то найдем индикт 7, знаменательную дату в истории Трапезунда, показанную у Панарета¹⁶². Для вычислений необходимо считаться с сентябрьским годом индикта.

Сделанное выше замечание о тождестве попа Василия, покупателя участка, и иеромонаха Варнавы, строителя церкви, приготавливает читателя к разрешению предстоящей нам задачи касательно противоречивых цифр в хронологии.

Как легко понять из формального анализа надписи, находимого у издателя, текст ее составлен из двух актов: а) запроданного акта на участок земли и б) дарственного, или посвятельного, акта в пользу церкви Иоанна Предтечи. Первый акт имел центральную фигуру в попе Василии, второй в иеромонахе Варнаве; но так как это должно быть одно и то же лицо, то, несомненно, между покупкой земли и дарственным актом должно было пройти некоторое время, в которое была именно построена и украшена росписью церковь (ἐκτιοῦθι καὶ ἐιστορηθῇ ναὸς), и бывший священник сделался иеромонахом. При выставлении хронологии на камне в надписи и произошла та путаница в несоответствии индикта и лета от Р. Х., которая обнаруживается на памятнике. При составлении текста надписи имелось у составителя перед глазами два документа, если не более: акт покупки участка земли и посвятельная запись; и на том и на другом, как естет ственно полагается, неодинаковая хронология. Как разрешил иеромонах Варнава или то лицо, кому он поручил составление ктиторской записи, хронологический вопрос, это зависело от степени его книжного образования. По нашему мнению, к нему едва ли можно предъявить литературные запросы. Допустимо предположение, что в 6711 г. индикта 7, на который падают 4 месяца 1203 г. и остальные месяцы с января по сентябрь 1204 г., сделана покупка места, а индикта 14, т. е. через семь лет, именно в 1210—1211 гг., храм окончен постройкой, снабжен росписью и изучаемой нами посвятельной ктиторской записью. При этом в

¹⁶¹ Ἡ δ' ἰνδικτιὼν τοῦ (ἀπὸ κτίσεως κόσμου) ἐτοῦς 6814 συμπίπτει ἀκριβῶς τῷ 1306 ἐτει μ. Χ..

¹⁶² Пришел Великий Комнин господин Алексей и занял Трапезунд в апреле 6711 г.

обозначении хронологии по недосмотру одна дата попала из акта покупки места, другая из записи о постройке церкви. Дальнейшие затруднения в чтении надписи касаются личных имен. Всего приведено, если считать попа Василия и иеромонаха Варнаву за разных лиц, 13 имен, из коих 6 упоминаются в акте приобретения земли священником Василием. Нужно понять взаимные их отношения и объяснить причастность к маленькому участку, о котором идет речь. Прежде всего, кто первоначальный владелец участка, от чьего имени он продается? Это совсем не разрешается объяснениями первого издателя, который еще усугубляет путаницу внесением неизвестно откуда взятого Иоасафа как редактора записи¹⁶³. Как читаем в первой строке, участок, на коем построен храм Иоанна Крестителя, что на скале, принадлежал кир Феодору Камахину и Ирине Цанихитиссе; но в третьей строке выступают новые лица — кир Григорий и Никита, которые и продали эту землю священнику Василию. От выяснения отношений между названными в надписи лицами зависит и понимание и чтение некоторых неотчетливо сохранившихся мест. Следует еще обратить внимание и на то, что упомянутые в надписи имена принадлежат не простым обывателям, но именитым людям, на что указывает и употребление при имени почтительного «кир», и прозвание по месту жительства, а может быть, и по земельным владениям или по замку; таковы Камаха, Цаниха. Между Феодором и Ириной нужно предполагать не только совладение участком в предместье Трапезунда, но и родственные отношения, которые были обозначены в запродажном акте, бывшем под руками составителя записи. Как можно догадываться, в этом акте были слова от имени Феодора Камахина: я договариваюсь продать хорафий, который я имею в наследство от моего брата и сестры (ομολογῶ πεπρακέναι το χωράφιον ὅπερ ἔχω ἐκ κληρονομίας τοῦ ἀδελφοῦ μου καὶ τῆς ἀδελφῆς.). Во всяком случае, Ирина Цанихитисса, урожденная Камахина, была выдана замуж за одного из Цанихитов; Феодор Камахин продавал участок с ее согласия, что и было обозначено в акте¹⁶⁴. Но не в этом еще главное значение всего вопроса, а в появлении в 3-й строке двух новых имен, кир Григория и Никиты, которые собственно и продали участок попу Василию. Теперь предстоящая нам к разрешению проблема осложняется: ясное дело, что участок перешел во владение попа Василия не прямо от Камахинов, а после того как он побывал во владении Григория и Никиты. Если так мы понимаем ход дела, то в связи с тем должны получить иное объяснение некоторые выражения в первых строках надписи. Концом второй строки (предпоследнее слово) заканчивается первая часть с покупкой, оканчивающаяся на словах: на вечные времена (εἰς τοὺς ἐξῆς καὶ αἰῶντα). В этой части имеется указание лишь на то, что участок был в собственности Камахинов и сдан в продажу¹⁶⁵. После указанных слов следует вторая часть о покупке участка священником из рук Григория и Никиты.

Соответственно тому является потребность исправления некоторых слов надписи против предполагаемого первыми издателями чтения. Строки 2-й выражение τὴν ἀφέντου (у Пападопуло), τὴν (ἐ)φέντου (у Милле) могло бы быть понимаемо ближе к чтению Пападопуло-Керамевса, если бы в начальной букве Ν (эстампаж) не было вязи, указывающей предпочтительно на чтение αὐθέντης (т. е. эфенди). Но самое важное то, что следует в самом конце строки. Первый издатель оставил последнее слово без прочтения, второй дает καὶ ἔκτασαν, что вполне

¹⁶³ Пападопуло-Керамевс. Διαλεκτικά! ἐπιγραφαὶ Τραπεζοῦντος, 115: ἐκ ταύτης δὲ τῆς πιθανώτατα πράξεως ἀρυσάμενος ἐνεχάραξεν ὁ Τίοασάφ μόνον τὴν οὐσίαν τῆς ἐπιτροπικῆς.

¹⁶⁴ Следует принять во внимание средневековые земельные акты, купчие и запродажные, в которых проводится методически формальная сторона состава подобных актов. Miklovich et Miller. Acta et diplomata graeca, passim; в частности Trinchera, Syllabus graecarum membranarum.

¹⁶⁵ Καὶ ἦχεν το... εἰς ἀγοράν εἰς τοὺς ἐξῆς καὶ αἰῶντά (1 и 2 строки). Параллельные выражения в актах земельных: χωράφιον ὅπερ ἐχομεν ἀγοράν, τόπον δὲν ἔχω ἀγοράν. Trinchera, CLV, CXCVII, CCXIII и др.

совпадает с ходом дела и соответствует чертам на эстампаже. Итак, ἐκτάσαν, т. е. приобрели, купили проданный Камахинами участок. Глагол κτᾶσθαι, κτῶμαι в смысле владения, покупки, вполне здесь на месте: φενώματα πωλῶντες το οἰκοθέσιον δὲ κτῶμεθα (Trinchera, CXCV); χοοράφια ἀτίφ κέκτωμαι (ibid. CCXLVII).

Наиболее неудачно оказалась в передаче 3-я строка, которая касается покупателей. Греческий издатель дает здесь διατкр(α), французский διο λεδ(1)α. Совершенно непонятно у первого чтение δια, у второго лебю, ибо буква *омикрон* в δια совершенно ясна, тгбкх же в данном случае не могли быть ни покупателями, ни продавцами. Если последнее слово предыдущей строки значит «приобрели» или «купили», то в 3-й строке нужно ждать наименование субъекта. Мы предлагаем читать вместо διό δυο, т. е. двое, следующее слово γε ἄμα, «и купили вместе двое».

По отношению к тем же строкам сделаем еще замечание. Так как надпись не есть собственно юридический акт, хотя и составлена на основании подобных актов, бывших под руками последнего редактора, то в ней можно наблюдать следы довольно неискusstного пользования выражениями, взятыми из актов. Таковы формулы, встречаемые во 2-й и в 4-й строках: εἰς τοὺς ἐξῆς καὶ ἀπαντα. Они прямо просятся в запродажную запись и, конечно, из таковой же попали в наш памятник. Но нельзя сказать, чтобы употребление их было вполне уместно. Еще можно с ними примириться во второй строке, если отправляться из речения εἰς ἀγοράν, хотя в подобных же случаях и актах формула εἰς τοὺς ἐξῆς имеет несколько иное употребление: εἰς τοὺς ἐξῆς ἀπαντος καὶ διηνεκεῖς χρόνους или εἰς τοὺς ἐξῆς ἀπαντάς καὶ διηνεκές. Это можно видеть в актах у Miklovich et Muller, напр, т. VI, №; XIII а. 1213, XLIXа. 1213, LVIIIа. 1214, LX а. 1214, LXI а. 1216; то же самое у Trinchera, XXV, LXXIII. Но мы не можем признать уместным это выражение в 4-й строке, перед определением размеров участка и занимаемой им площади. Эти наблюдения могут служить для характеристики редакции памятника, в котором недостает литературной и логической точности.

В конце 4-й строки даны размеры участка: с севера на юг, т. е. по длине, 12 оргий или около 24 м, с востока на запад, т. е. в ширину 3 оргии и 3 спифамы (четверти). Следует принять в соображение, что измерение нынешнего здания дает следующие величины: в длину снаружи (в.-з.) 10,8 м, в ширину (с.-ю.) 5 м. Уже этого сопоставления мер достаточно, чтобы понять, что на подобном участке могла быть только скромная постройка.

Остается отметить еще замечание к 7-й строке. Несомненна ошибка в чтении Θεοδώρου του Λατζή. Нужно читать Χατζή, что вполне оправдывается следами буквы Х на эстампаже. Наконец, в 8-й и 9-й строках прозвание иеромонаха Варнавы, не прочитанное первым издателем, восстановлено вторым, и совершенно основательно ΘΑΘΑΛΑΝΟΝ, как в 3-й строке. Местность этого имени и донныне сохранилась близ Гюмуть-хана.

В 7-й строке выражения ἐκτίσθη ἐκ βαθροῦ καὶ εἰστορήθη — выстроена с основания и украшена росписью — устраняют всякие сомнения в том, что нынешнее здание, которое представляет собой собственно барак, куда ставятся до погребения гробы умерших, не есть то древнее сооружение, о котором свидетельствует запись и которое, по всей видимости, или окончательно разрушено, или вошло в постройку нового храма в честь того же Иоанна Предтечи, построенного в близком от него расстоянии в прошедшем столетии.

В заключение нам остается рассмотреть содержание 5-й и 6-й строк. Здесь перечисляются свидетели, бывшие при акте или давшие свои подписи под актом. В редакции этой части нужно отметить неловкость, которой бы не допустил опытный писец приказа. Именно, и в этом случае остались следы двух актов: с

одной стороны, «свидетели там случившиеся»¹⁶⁶, с другой, — следует перечень свидетелей в надлежащем порядке, с указанием их Служебного положения — как служилые и чиновные лица подписываются на официальных актах и как они действительно значились в том акте, в самом начале его, который был под руками составителя ктиторской надписи. Таковых приведено пять, между ними на первом месте нас встречают если не те же самые лица, которым ранее принадлежал участок, то, во всяком случае, члены той же семьи, носящие знакомые нам дворянские прозвания Цанихитов и Камахинов. Это были: 1) Феодор Цанихит, 2) Григорий Камахин, с упоминанием родства с первым, 3) Георгий Туркопул, 4) Феодосий Аарон, 5) Феодор Хаджи и многие другие. В приложении к первым двум нужно понимать слова «рабы святого нашего государя и царя Великого Комнина»¹⁶⁷.

Если наше заключение о хронологии надписи встретит одобрение, если надпись действительно носит дату 1210-1211 г. индикта 14, то она будет одним из первых сохранившихся памятников основателя Трапезундской империи, Алексея I великого Комнина, и в то же время древнейшим памятником столицы Трапезундской империи. Слишком мало мы знаем о том, как строилась империя и как Трапезунд становился на высоту столичного города. Новая церковь строилась в отдаленном предместье города, которое даже в 1324 г., когда была возведена новая стена, имевшая назначением дать защиту от пиратов и вражеских нападений населению, не помещавшемуся в прежнем городе (ныне средний), оказалась вне линии городских стен. Очевидно, иеромонах Варнава имел уверенность в благоприятном положении дела, не считал купленное им место опасным для жизни. Камахины и Цани-хиты, как это и отмечено первыми издателями, имеют в истории Трапезунда влиятельное значение. Хотя своим званием они обязаны областям или замкам, от которых ведут прозвание, но в начале XIII в. имеют уже оседлость в Трапезунде, куда призывала их служба и политическая деятельность. Не лишено значения и то обстоятельство, что обе фамилии находятся в родственных связях. Между свидетелями, давшими свои имена под актом продажи, находим лиц, выдающих своими именами или прозваниями свое негреческое происхождение, что позволяет думать о пестроте населения Трапезунда. Тут встречаем и Цаниха, и Камахина, и Турко-пула, и Хаджи, и Аарона, т. е. инородцев грузинского, армянского, турецкого, еврейского и тюркского происхождения, в чем нужно видеть характерную черту состава населения империи.

II. Колокольня при храме Св. Софии в Трапезунде

Стенные росписи в колокольне Св. Софии имеют значительный художественный и археологический интерес, между прочим в том отношении, что они помечены определенной датой, указывающей на последнее десятилетие перед завоеванием Трапезунда турками в 1461 г. Здесь мы не предполагаем, однако, входить в рассмотрение этой росписи, а ограничиваемся наблюдениями над двумя композициями, обратившими на себя наше внимание тем, что содержание их не подходит к общему тону церковной стеной живописи. Среди росписи господских и богородичных праздников мы нашли на западной и восточной стене два изображения, одно против другого, особенного характера, в которых, на первый взгляд, не усматривается отношения ни к христологической идее, ни к культу Богородицы. На западной стороне две композиции: Рождество Христово и Сретение. Выше этих композиций на темном фоне, изображающем

¹⁶⁶ και των μαρτύρων ἐκεῖσε τυχόντων — правописание восстановлено нами

¹⁶⁷ ἡ δούλη (βμ. οἱ δούλοι) του αἰγίου ημῶν αὐθέντου και βασιλέως μεγάλου Κομνηνοῦ.

пещеру, в полукруглом своде или нише, которая сверху донизу по краям снабжена растительным орнаментом, наподобие узкой бахромы, находится стоящая во весь рост, лицом к зрителю, фигура с распростертыми до высоты плеча руками, в которых продолговатый кусок белого полотна с 11 аллегорическими предметами. Говорим аллегорическими, потому что было бы весьма трудно по внешнему виду составить о них точное представление: это род детских кукол, или свитков материи, обвязанных тесьмой и установленных на неровной поверхности раскрытого полотна. Прежде чем продолжать описание, заметим, что выше пещеры, по бокам ее, свешиваются ступни ног; это служит указанием того, что занимающая нас композиция составляет собственно принадлежность другой, находящейся выше, в которой изображена тайная вечеря или сошествие Св. Духа. Апостолы возлежат вокруг стола, крайние из них с вытянутыми ногами, достигающими пещеры. Значение фигуры с раскрытым платом до известной степени определяется остатками греческой надписи по обеим сторонам лица: сохранилось МОС, недостает начальных букв; надпись восстанавливается в речении КОСМОС, которое и должно служить точкой отправления в наших дальнейших рассуждениях. Переходим к самой фигуре. Она представляет человека в зрелом возрасте, одетого в узкий шелковый красного цвета кафтан с длинными рукавами, обшитыми золотыми каймами по концам и с золотыми оплечьями. Краски несколько полиняли, но ясно, что одежда сделана из материи с орнаментом, свойственным царским мастерским. О лице говорить не приходится, так как трудно было уловить краски на оригинале, как их недостает и в копии, сделанной художником Н. К. Клуге. Что касается головного убора, то он скорее должен быть причислен к стеммам, чем к головным уборам придворного вельможи. Особенно в этом отношении следует обратить внимание на жемчужные цепочки, спускающиеся от стеммы вниз и идущие по бокам лица до подбородка. Как известно, эти привески, или препен-дулии, были именно отличием царской стеммы от головных уборов высших придворных лиц. Любопытным отличием головного убора на нашей фигуре следует признать и то, что он представляет собой металлический обруч, расширяющийся кверху, но не имеющий ни тульи, ни закругления.

На противоположной стороне от описанной фигуры находилось другое изображение, по-видимому, также аллегорического или мистического значения. Здесь также нужно различать архитектурную обстановку и вложенную мастером мысль в композицию. Что касается первой, то прежде всего нужно считаться с горницей, изображающей сошествие Св. Духа, если противоположная посвящена тайной вечере; под этой горницей, совершенно как в первой, описанной выше композиции, находится , полукруглая ниша, ведущая в помещение с темным фоном, окруженное бахромой растительного орнамента. В середине представлены две фигуры вполборота одна к другой; в приподнятых руках одной и в правой руке другой фигуры находится свиток, напоминающий те свитки, что изображены на развернутом полотне противоположной композиции. Обе фигуры в живом обмене словами, о чем свидетельствуют жесты и приподнятые руки.

При некотором внимании легко заметить, что в одном изображении нужно видеть парадное одеяние, в другом простое, принадлежащее нижнему чину дворцового ведомства. Это легко свидетельствуется как головным убором, так и верхней одеждой: широкий фиолетового цвета плащ до колен, или далматика, под ним узкий хитон с длинными рукавами у одного и просто зеленый хитон, опоясанный темным поясом, у другого; цветной материи окольш с белым верхом как головной убор одного и род чалмы, т. е. широкий плат, обвязанный вокруг головы, у другого.

Указанные аллегорические изображения заслуживают внимания и объяснения по связи с другими подобными же памятниками. Не расширяя пока

наблюдений вне круга трапезундских памятников, обращаемся прежде всего к рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде, происходящей из Трапезунда, на которую мы указывали в другом месте¹⁶⁸. В ней находятся две миниатюры, могущие идти здесь в сравнение: сошествие Св. Духа и тайная вечеря. Что касается первой, то в ней все 12 апостолов, по евангельскому сказанию, собраны в горницу и сидят за столом полукругом или скобой. Ниже и, по-видимому, вне храмины множество мужей и жен; из них некоторые стараются подняться в горницу, где находятся апостолы, над коими Дух сходит в виде солнечных лучей. Под горницей пещера или ниша на темном фоне, о значении которой высказываются различные соображения.

Что касается композиции тайной вечери, то она, по внешней архитектурной идее, вполне подходит к столу, описанному у Константина Порфирородного, с возлежанием участвующих в пиршестве. Христос изображен отдельно и простирает правую руку; точно так же и апостолы изображены с простертыми руками для принятия евхаристии. Затем обращает на себя внимание темный фон в середине композиции, или ниша, у которой стоит муж в белой одежде, касающийся правой рукой чаши, украшенной жемчугом. В чаше находится предмет, который, однако, трудно определить. Нет сомнения, что как композиции в колокольне Св. Софии, так и миниатюры в рукописи трапезундского происхождения должны быть истолкованы с одной и той же точки зрения.

Н. В. Покровский дал широкую постановку теме, которая нас здесь занимает, в своем известном издании «Евангелие в памятниках иконографии». В IX главе у него представлен большой материал для изучения композиции сошествия Св. Духа, в связи с которой находится изображение царя с раскрытым платом, или убрусом. У Н. В. Покровского выдвигаются два положения по отношению к этой композиции. В более древних памятниках вне храмины, где собрались апостолы, изображается толпа народа или даже разных племен, между коими фигура царя; в позднейших же памятниках, греческих и русских (XV-XVIII вв.), группа народов (ὑλώσσοι, φυλαί) отпадает, и вместо того ставится под триклинием, или палатой, в полусфере на темном фоне, старец в царском облачении с убрусом. Второе положение Н. В. Покровского состоит в том, что «космос» или фигура с убрусом составляет исключительную принадлежность композиции сошествия Св. Духа.

Н. В. Покровский, пытаясь объяснить появление фигуры с убрусом из самих иконографических памятников, едва ли подвинул вперед объяснение проблемы, которая все же остается недостаточно понятной. И что всего любопытнее — почему арка или полукруглая ниша на темном фоне, которая должна идейно изображать внутреннее помещение, приурочена лишь к композиции сошествия Св. Духа? Почему не остановила внимания исследователя хотя бы у него же данная¹⁶⁹ миниатюра лицевого акафиста в Петербургской дух. академии, рис. 225, где изображены Богородица, подле нее спящий младенец и внизу арка на темном фоне, и в ней царь в далматике с убрусом? И не следует ли отказаться от предположения, что изображение пещеры или арки с фигурой или фигурами имеет связь единственно с композицией сошествия Св. Духа? Если же исходная мысль неверна, т. е. если занимающая нас подробность не составляет принадлежности одной композиции, а распространяется на другие, то несомненно и то, что к объяснению ее нужно подходить иначе, и, значит, стоящая перед нами проблема не решена.

¹⁶⁸ ИАН.1917, с. 719.

¹⁶⁹ Евангелие в памятниках иконографии, с. 462.

Возьмем еще миниатюру из Кахриэ Джами в Константинополе¹⁷⁰, помещенную в труде об этой мечети Ф. И. Шмита. В композиции «Моление Анны» появляется в полуарке маленькая фигура, не имеющая, по-видимому, никакого отношения к изображаемому типу. Припоминается и еще такая же особенность в некоторых миниатюрах композиции Благовещения.

Но центр тяжести нашего рассуждения должен основываться на двух композициях, копии которых сняты в колокольне церкви Св. Софии в Трапезунде и которые описаны нами в начале этой статьи. Уже то обстоятельство, что мы имеем там две композиции одну против другой и что они помещены между росписями господских и богородичных праздников в одной весьма небольшой церкви, устроенной в колокольне, должно устранять всякие предположения о том, что обе они составляют принадлежность одной композиции. Напротив, нельзя ни минуты сомневаться, что аллегорическое изображение сопутствует в одном случае картине тайной вечери, или евхаристии, в другом — сошествия Св. Духа.

Что касается тех свитков, которые расположены на убрусе и которые находятся в руках двух фигур другой композиции, то принимаемое число их за 12 не оправдывается счетом на нашем памятнике, где значится лишь 11. Как объяснение смысла этих маленьких связанных тесьмой предметов, так и показание числа их основывается, в сущности, на очень позднем русском толковании, приводимом в названном сочинении Н. В. Покровского. В старинном русском сборнике XVII в. (Соф. библ., № 1522, л. 21) на вопрос, чего ради пишется у сошествия Св. Духа человек «сидя в темном месте, старостию одержим и на нем риза червлена, а на главе его венец царский и в руках имея убрус бел и в нем написано 12 свитков», предлагается такой ответ: «человек в темне месте, понеже весь мир в неверии прежде бяши... а еже царский венец понеже царствование в мире грех а еже в руках убрус и в нем 12 свитковсиречь 12 апостол участием своим весь мир про-светиша».

Мы не так далеко подвинулись в разъяснении проблемы в сравнении с книжником-резонером XVII в.

В статье профессора Усова о Сирийском евангелии Лаврентьевской библиотеки во Флоренции¹⁷¹ рассмотрен довольно обширный материал изображений сошествия Св. Духа и сделана солидная попытка разобраться в объяснении фигуры с убрусом с надписью κοσμος. Хотя автор не профессиональный археолог, тем не менее он чутьем угадывает, что нельзя к занимающей нас композиции относиться как к эволюции идеи о собрании племен и народов перед храминой, в которой были апостолы. И вместе с тем он не ставит в основу своих заключений ту мысль, что царь с убрусом, в сообществе с двумя или даже с одним предстоящим, составляет признак позднейшей композиции XV и последующих веков. С. А. Усов ссылается на рукопись XII в., именно на хорошо известный кодекс Григория Богослова¹⁷², где в композиции сошествия Св. Духа встречается совершенно такая же сцена из двух лиц, находящихся, по мнению автора, как будто в споре. Один одет богато, в голубую одежду с золотой каймой и с диадемой на голове; другой имеет на голове повязанный красный платок, что на нашей копии толкуется как употребительный на Востоке головной покров (чалма). Пусть объяснение, данное автором этим фигурам, не имеет обязательного значения (Исайя и Давид), но для нас важны указания, что появление двух фигур в своде на картинах сошествия Св. Духа есть явление весьма распространенное. Точно так же мы считаем необходимым подчеркнуть и то обстоятельство, что κοσμος, в смысле аллегорического царя с убрусом и с предстоящими или без них, не есть

¹⁷⁰ Издание Русского Археологического Института в Константинополе, альбом, табл. XXI, № 71.

¹⁷¹ Древности. Труды Московского Археологического Общества, т. XI, вып. II. Москва, 1886, с. 39-50 (С. А. Усов. Сочинения. Т. II, М. 1892).

¹⁷² Национальная библиотека в Париже, № 550.

исключительная принадлежность одной композиции сошествия Св. Духа. Так, в сборнике XV в. Парижской Национальной Библиотеки, как указывает С. А. Усов, содержащем Притчи Соломона и извлечения из Гиппократов, на л. 164, находится аллегорический рисунок, изображающий костцы; в виде старца, которому стоящие с ним рядом мужчина и женщина, «как бы лаская поглаживают волосы; и бороду». По объяснению проф. Усова, фигура царя должна быть объясняема в смысле пророка Давида, а в боковых — а где их одна, то в боковой — в смысле или представителей церкви из обрезанных и из язычников, или весь крещеный мир. Со временем, по мнению Усова, изображение пророка Давида и Исая стилизовались в царя и смерда.

Но до какой степени шатки выводы автора в окончательном его суждении, показывает следующее место (51 с.): мистический смысл изображения в иконе сошествия Св. Духа есть образное представление установления таинства священства. В нашей иконописи мы имеем и параллель образования рядом с историческим и мистическим сюжета. Именно такое двойное изображение мы имеем и для таинств евхаристии и крещения. Таким образом, для трех важнейших таинств церкви нашей мы имеем по два перевода: один исторический, другой мистический. Последний распространен на православном Востоке, первый на Западе. Эти заключения трудно поставить в связь с основными посылами, выводимыми из памятников, как реальные факты.

III. Кремль

Трапезундский акрополь, или кремль, представляет собой небольшую и неровную площадь, окруженную стенами и глубоким рвом. С северной и южной стороны он был защищен, кроме того, башнями, возведенными еще раньше возникновения империи. Кремль был соединен с городом воротами, и доступ в него был строго охраняем боковыми укреплениями. В Средние века в кремле жила царская семья; там же были сосредоточены государственные учреждения, дворец для приема иностранных послов, казначейство и казармы для гарнизона. В общем, сохранившиеся остатки импозантных кремлевских зданий представляются лучшим остатком старины, еще не совсем погибшей от жестоких ударов судьбы. В турецкую эпоху кремль пользовался тем преимуществом, что в нем разрешалось пребывание исключительно или для наследника престола, или для генерал-губернатора, что не допускало ломки прежних зданий и перестройки их и что доступ в него был закрыт для местных обывателей и для иностранцев. Здесь в одной из башен, обращенных в церковь, найдены остатки фресковой живописи, в которой мы имеем основание усматривать изображение основателя империи, царя Алексея, а в надписи — память о родоначальниках династии Великих Комнинов.

Легко понять, что важность и новизна открывшегося здесь для изучения разнообразного археологического материала, как архитектурного, так и относящегося к истории быта, должны были не только придать особенный интерес памятникам кремля, но и вызвать чувство сожаления, что очередь приступить к нему наступила лишь в конце лета 1917 г. Стали носиться слухи о предстоящей возможности в близком будущем эвакуации занятой русскими войсками области. По многим признакам можно было догадаться, что наступает последний срок нашего пребывания в Трапезунде. Это следовало заключать и по отношениям к нам со стороны местного населения, а равно и по несмелой выжидательной роли, какую усвоили себе русская администрация и командование. Вместе с тем неожиданно выросло раздражение и нетерпимость со стороны греческого духовенства, начавшего подстрекать против нас местную молодежь из школьных учителей и учащихся. Находя более удобным занятия под

открытым небом и в стороне от мест публичного наблюдения и любопытства, я в последнее время пребывания в Трапезунде, в августе и сентябре 1917 г., чаще стал ходить в кремль и знакомиться с положением уцелевших в нем остатков здания.

Необходимо принять во внимание, что постройка в кремле ориентирована в направлении к Константинополю. Чтобы судить о плане дворца и жилых помещений, следует считаться с направлениями фундаментов, сложенных из громадных блоков, характерных для римской эпохи до Юстиниана. Дворец и парадные здания расположены были над сохранившимися фундаментами и остатками импозантных зданий. Ключ архитектурных и археологических проблем лежит в раскопках тех сооружений, которые идут на юг, к конечной башне, т. е. к куле Иоанна. На глубине 2,5—3,2 м здесь можно добраться до первоначального уровня, на котором строились старые здания, и систематически подойти к дворцу.

С большим удовольствием вспоминается знакомство с военным инженером Михаилом Эдуардовичем Керном, который заинтересовался моими исследованиями в кремле и помог мне если не разрешить, то правильно поставить некоторые специальные и технические вопросы. Для успеха изучения необходимо было предпринять раскопки в кремле и освободить от земли фундаменты. По предварительному соображению Керна нужно было снять до 97 000 куб. м земли, что обошлось бы до 1500 рублей. Впоследствии, сделав несколько набросков и примерных траншей, он увидел, что задача гораздо труднее и что исполнение ее потребует не менее 5 тысяч рублей. Ввиду позднего времени (сентябрь 1917 г.) и недостатка средств нужно было отложить дальнейшие исследования до следующего года. Но зимой наступили такие события, которые заставили русскую армию эвакуировать занятую область. Таким образом, археологическое исследование акрополя, требовавшее раскопок, не удалось, и я ограничиваюсь здесь наблюдениями, внесенными в сохранившийся у меня дневник, в котором находятся заметки от августа и сентября 1917 г. Благодаря двум планам, из коих один, в красках, представляет часть кремлевских зданий, а другой дает общий вид акрополя и рисует отношение его к среднему и нижнему городу, составленным М. Э. Керном, облегчается для будущих исследователей выполнение бесспорно завлекательной задачи, стоящей в связи с изучением трапезундского кремля. Стоит напомнить здесь, что эти развалины дают внимательному наблюдателю в некоторых отношениях даже больше, чем здания константинопольского кремля, в особенности после пожара, происшедшего незадолго до начала великой европейской войны.

Трапезундский акрополь, о парадных постройках которого местный историк Панарет говорит, между прочим, в выражении «μεγάλη κορυφή» (великая крепость), для первого исследователя этой греческой империи Фальмерайера представлял возможность больших открытий. Он мечтал между прочим о библиотеке великих Комнинов, скрытой в нижних помещениях дворцовых зданий. В настоящее время едва ли есть место для больших надежд на важные находки.

Некоторые наблюдения над развалинами могли бы, однако, дать ключ к необходимости дальнейших исследований. Если смотреть с севера на юг от дворцовой церкви, перед вами стены и террасы, но ближе к церкви фундаменты квадратной постройки, где сохранился вход на стену, откуда открывался вид на гору Митры, имеющую особенную важность в изучении древностей Трапезунда. Поблизости от дворцовой церкви по западной стене видны 4 арки; здесь было большое здание и в восточном направлении арок были пилоны, в которых можно предполагать устои крыльца, по которому поднимались во дворец. Так как кремль представлял не ровную площадь, а подъем по направлению к югу, то в нем устроены были три террасы, постепенно поднимающиеся. Ближайшие к церкви остатки с большой залой и арками привлекают особое внимание.

Для защиты города в южной части кремля построена была царем Калоиоанном огромная кула, или башня, которая отсутствием в ней дверей и лестниц и полной недоступностью возбуждает любопытство местных искателей кладов. Эта башня, обращенная на юг и имеющая перед собой открытую ровную площадь, называемую эпифания, была главным оплотом кремля против внешнего врага, ибо не имела перед собой естественных преград в виде глубокого обрывистого оврага, спускающегося с юга на север к морю, по краям которого шли стены. На открытой площади, в расстоянии полуверсты от кремля, находится старая церковь, обращенная в мечеть. Этот квартал известен у местных турок под именем «кендинар», а греки усваивают церкви название св. Акиндина, основываясь на истолковании турецкого слова. Мне кажется более основательным вспомнить здесь об аналогичном термине для одной из константинопольских башен, также имевшей наименование от Centenarium — кентинарий.

Во время оккупации Трапезунда первой заботой русской власти было воспользоваться его естественными средствами защиты и приспособить их для устройства здесь сильной военной крепости. Земляные работы вокруг города с проведением дорог по возвышенностям, правда, служили для нас препятствием при выполнении археологических задач, но все же необходимо здесь отметить наблюдения, сделанные на горе Митры, господствующей над городом с восточной стороны. Эта местность для археолога имеет большой интерес в том отношении, что с ней соединяются известия о языческом культе древнего Трапезунда и находившемся на горе святилище Митры. Так как на этой горе, называемой теперь Бое-Тепе, расположены были военные батареи и поставлены пушки, то постоянно встречались затруднения для посещения и осмотра этих мест. Один раз удалось наконец попасть туда и достаточно ориентироваться.

Точкой определения для дальнейших замечаний будет служить турецкая мечеть, обращенная русскими в казарму, близ которой находилась русская, так называемая турецкая, батарея. В юго-западном направлении от этой мечети находятся остатки древних сооружений, заметные по каменной кладке и неровностям почвы. В одном месте обнаружено сводчатое здание с пробитым в последнее время сводом в одну камеру. Спустившись в эту камеру через пробитый свод, я очутился в небольшом продолговатом помещении, наполненном землей и мусором. Все ведет к мысли, что земля насыпана сверху с целью завалить доверху эту камеру, которая находится в полной сохранности: сложена из больших тесаных камней с прокладкой цемента и не имеет вида разрушения. Кроме этой камеры, на том же месте наблюдаются ясные признаки других сооружений, своды коих с небольшими выступами стен засыпаны слоем земли. Все сооружение имеет около 90 кв. м, как легко заключить по линии стен и неровностей почвы. На поверхности в некоторых местах видны провалы и небольшие трещины, которые в глубине образуют пустоты. В соседстве колодец, хорошо обложенный тесаным камнем, но заваленный и запущенный.

При тех условиях, в которых происходил осмотр места, не было возможности убедиться, какого назначения это здание; тем не менее, по всем признакам, от него нужно отправляться в поисках следов святилища Митры, о котором говорят римские писатели. Следует также принять во внимание, что турецкая мечеть построена из материала, взятого от разрушенной церкви, основание которой можно видеть поблизости. Намечаемое место имеет высокое значение в археологии Трапезунда и должно, при благоприятных условиях, сделаться предметом тщательных разысканий и раскопок. Во время империи здесь находились монастырь и храм св. Иоанна Агиаста, расположенный на равнине горы с несравненным видом на город и море, а самый храм был построен на месте бывшего святилища Митры. Историк Панарет отмечает под 1365 г., т. е. в царствование Алексея III, посещение Трапезунда зятем царя, эмиром Амиса

Кутлубеком, женатым на Марии, сестре императора. После официального приема при дворе почетный гость провел 8 дней в палатках у храма св. Иоанна Агиаста.